

"Нить на запястье (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Горовая

Нить на запястье

Пролог

ночь, парк

— Мария Ивановна, добрый вечер...

Она не была уверена, что поступила верно, ответив на вызов. Однако, казалось, и не ответить — не могла. Маша всегда отвечала, если звонил Горбатенко. Не то чтобы Олег на этом настаивал или требовал. Нет, никогда. Возможно, даже поддержал бы, прекрати она принимать звонки, озвучив просьбу прекратить общение.

Но Мария никогда такого не просила. Наоборот. И всегда отвечала... А он был слишком умным и опытным, чтобы тут же предположить: если она вдруг не отвечает, да ещё и практически ночью — значит, что-то не так. И вопрос «что именно?» Горбатенко просто так не оставит.

А казалось — это наименьшее из того, что ей нужно сейчас. Она ещё не знала, как вернее... честнее поступить. И надо ли говорить ему о том, что сегодня узнала? Кому она должна и повинна больше?

— Добрый, Олег Игоревич, — стараясь отвлеченно смотреть по сторонам, чтобы голос звучал ровно, пытаюсь игнорировать промозглую зябкость холодного осеннего дождя и ночной ветер, вторила Мария его тону. — Как Ваши дела?

А он промолчал. Тишина в телефоне полная. Он что, и дышать перестал?

Почему-то стало не по себе. А ей за сегодня, видит Бог, уже и так прилично нервы потрепали.

И этот дождь — уж лучше бы ливень начался! А то туман, мрак, сырость! Волосы завились, и Маша без плаща, в одном только платье, пусть и кашемировом, которое не особо и согревает по такой погоде. И сумку забыла с ключами от машины и документами. Так торопилась... Разозлилась. Выбежала от брата, негодуя внутри...

Олег все ещё молчал, но связь не разрывал. И не походило, чтобы он на что-то отвлекся. И также не дышал... Может, точно «вурдалак», как Горбатенко временами ее брат называл? От этой мысли Маша против воли улыбнулась, несмотря на все.

— Олег Игоревич? — стараясь держать чуть ироничный тон голоса, позвала Мария.

Только вот горло осипло. И, кажется, это уже было немного слышно.

А чему удивляться? Замерзла дико, холодно очень. До костей продрогла. И горло уже болеть начинало, да. Но она упорно шла. Куда — не знала. Но не домой точно. Там ее братья достанут...

На той стороне связи продолжала сохраняться полнейшая тишина. И ее это уже даже нервировало... Споткнулась в темноте, не заметив бордюра. Раздраженно придушено чертыхнулась, отодвинув от лица телефон. И опустилась на ближайшую парковую скамью, не хватало ещё ногу подвернуть в темноте! И только глубоко выдохнула, когда поняла, что скамья полностью мокрая. И ее платье теперь тоже... влажное. Закрыла глаза в каком-то усталом

отчаянии.

И в этот момент она услышала резкий напряженный вдох. Такой шумный, словно бы он действительно не дышал это время, внимательно вслушиваясь в происходящее с ней.

— Маша, что происходит?! — резко, требовательно, как страшный начальник, которым же и был. Но и с такой тревогой...

И... и тут она не выдержала!

Зря он так. Зря. Никогда ее Машей не звал, а ведь сколько было возможностей... Никогда. Сейчас зачем это на свет божий вытянул?!

Хотя какой свет?! Ночь же...

Мария судорожно втянула в себя воздух, пытаясь подавить какой-то истеричный и вообще неуместный всхлип — подумаешь, имя! Однако... нет, для нее это бесконечно много значило... И оттого, видимо, никак не удавалось взять себя в руки и вернуть привычную отстраненность их общения. Не выходило рассмеяться в ответ и сказать «ничего, ерунда». Не получалось призвать саму себя к порядку. А ее же с раннего детства учили, как ведут и не ведут себя интеллигентные люди, сохраняя лицо в любой ситуации. Ничего не показывая. Тем более слабость...

Олега это ещё больше насторожило, судя по всему.

— Дима, сюда. Живо машину! — приказным тоном глухо крикнул он начальнику своей охраны словно бы в сторону от телефона. А потом вновь ей. — Машенька, душа моя... Что случилось? Где ты? — ошарашив ее. И опять с этими непривычными интонациями.

— Олег... — как-то жалобно вздохнула Мария и... чихнула самым нелепым, неподобающим и каким-то детским образом.

Глава 1

пятью часами ранее

Больше всего внимания нам уделяют, когда мы умерли. Ну или, как минимум, подверглись нападению с вероятным смертельным исходом. Ничто иное — ни какие-то твои прижизненные заслуги сами по себе, ни все попытки хоть как-то улучшить этот чертовски мрачный и непростой мир — не привлекают такого внимания.

Но вот если тебя убили... Или хоть попытались... Ты тут же становишься топ-новостью всех выпусков новостей. Твое имя полощут на интернет-порталах и в ленте соцсетей, а любого «эксперта», пусть и по ядерной физике, ведущие обязательно попросят прокомментировать это событие. Твою смерть...

Маша протянула руку, достав пульт от телевизора из-под диванной подушки, и выключила новости. Ей не хотелось смотреть этот репортаж. Не было никакого желания слушать мнения «экспертов», наперебой начавших выдвигать версии убийства. Марии аж воняло их оживление и внезапно вспыхнувший ажиотаж. И ее от этой вони подташнивало.

Когда-то здорово не повезло попасть в эпицентр подобной ситуации. Нет, ее не пытались убить. Но смерть прошла очень близко от Марии. И она до сих пор считала себя в этом повинной.

Потому и оставила практику, несмотря на нотации и нравоучения братьев, до сих пор пытающихся убедить ее, что Мария должна просто забыть о случившемся. Ее вины — ни грамма. Маша просто выполняла свою работу. Хорошо выполняла. Даже слишком...

Непросто быть самой младшей в семье, в которой уже три поколения юристов взрастили и наладили профессиональные «щиты» и оправдание для своей совести на любой случай. Еще сложнее потому, что у них имелся контраргумент и ответ на любой ее довод. И все эти связи, прецеденты, примеры... Но и у Марии характер — семейный. Может у нее и меньше опыта, да и разница в возрасте с братьями приличная, а потому проработала адвокатом меньше, ну так она росла в этом! И в университете не халтурила, опираясь на знакомства семьи. Да и потом, когда работать начала — у нее имелась профессиональная гордость. А ещё — свои четкие и твердые убеждения, которые братья и при всем своем опыте не смогли переломить...

Мария встала и прошлась по комнате, раздумывая — увеличить ли подачу отопления или оставить так? Как-то зябко... Или это от непрошенных воспоминаний, возрожденных новостями? А может, из-за сгущающихся сумерек?

Надо бы включить весь свет, разогнать эти тени по углам!

Пошла в сторону выключателя, но замерла, проходя мимо комода, где стояла высокая ваза со свежей цветочной композицией. Гортензии, розы, веточки лаванды, даже эвкалипт — все было смешано умелой рукой флориста в прекрасный букет, который радовал глаз и душу, несмотря на углубляющуюся осень.

«Улыбайтесь чаще, Мария Ивановна», — гласила записка, прикрепленная к букету, которую она и не подумала выбросить.

Маша протянула руку, коснувшись лепестков. Наклонилась, вдохнув сладкий запах лаванды, который разливался вокруг от цветов.

Принципы, гордость, характер...

На губы сама собой напознала кривоватая усмешка. Где это все в итоге? Все-таки, как ни крути, а личный интерес меняет многое. Так ей ли чем-то братьев попрекать? Правда, она особо и не вступала с ними в споры последнее время, предпочитая отмалчиваться, и только улыбалась на все нравоучения.

В этот момент, словно почувствовав, что Маша о них вспоминает, на телефоне вспыхнуло имя старшего брата. Тишину в комнате нарушила мелодия вызова. Вздохнув, Мария приняла вызов.

— Да, Петя? Как дела? — поинтересовалась она, даже радуясь.

У нее были непростые отношения с братьями, это правда. Из-за все той же разницы в возрасте они считали себя вправе опекать и пытаться управлять ее жизнью даже сейчас. Однако Маша все равно искренне любила и Петра, и Николая. И достаточно успешно выдерживала даже их совокупный натиск.

— Спасибо, Машенька, просто прекрасно, — действительно довольным голосом ответил брат. — Хотелось бы увидеть тебя, давно не встречались, сестричка. Приезжай к нам с Настей на ужин сегодня? Коля тоже будет. Посидим, покушаем в тесной компании. Да и поговорить есть о чем. Посоветоваться с вами хочу, — поделился старший брат.

Вроде и приглашал, только даже сейчас не мог притушить в голосе властных ноток. Распоряжался. Впрочем, при его должности и положении — неудивительно. Профдеформация, куда денешься? Да и по жизни, вечно старший же. Привык на себя управление брать.

Потому Маша улыбнулась. Да и не против была встретиться с родными. К тому же сама она могла до ужина и не добраться — лень готовить. Даже в кафе спуститься иногда лень. Вроде и голод есть, а вот желанья... Определиться порою не могла, чего именно хочется, а потому и вовсе рукой на обед махала. Как-то тяжело ей было в одиночестве решать, хочет ли она есть и что именно...

— Хорошо, Петь, приеду. Во сколько?

— Да хоть сейчас выезжай, — явно довольно хмыкнул Петр. — Через час уже все готово будет.

Маша немного удивилась спонтанности. Вот что действительно нетипично для ее старшего брата.

— Петь, точно все нормально? Ничего не случилось? — на всякий случай уточнила она.

Брат рассмеялся.

— Что, натасканная, не отключается опыт и интуиция, да, Машуня? Нормально все. Случилось, но хорошее, хочу это обсудить с тобой и Колей, — вроде успокоил ее брат.

Она пропустила его поддевки. Да и о чем спорить? Опыт никуда не денешь. Как и чутье, которое на этом опыте базируется. Вот только не была уверена, что и ей понравится то, от чего Петр точно доволен. Все же у них с братьями была немного противоположная система ценностей.

— Хорошо, — Маша решила оставить выяснения до самого ужина. — Может, привезти что-то, чтоб Насте легче было?

— Да у нас уже готово все почти. Разве что... — брат задумался, что-то в сторону уточнил, наверное, советуясь с женой. — Можешь на десерт что-то привезти? У тебя там рядом кондитерская, где шикарные пирожные делают.

— Да, конечно. Без проблем, — Маша улыбнулась. Несмотря на зрелые годы, ее братья так и оставались сладкоежками. — Привезу, — пообещала.

А сама почему-то вспомнила, как ее Олег недавно кормил круассанами...

Не то, о чем стоило думать или упоминать при братьях, это точно. Да и вообще. Сложно слишком.

Потому Маша попрощалась с Петей и пошла переодеваться, чтобы действительно успеть ещё купить в кондитерской что-то вкусное к ужину.

В кондитерскую она успела в итоге. Да только сейчас не была уверена, что десерт ее радует. Мария со вздохом отодвинула от себя блюдце с пирожным, которое сама и привезла. И с какой-то обреченностью взяла свой кофе, поглядывая на братьев поверх края затейливой чашки из сервиза.

Ужин прошел прекрасно: тихо и по-семейному. За едой, как и обычно, не обсуждалось ничего,

кроме еды (а готовила жена Петра всегда великолепно) и каких-то мелочей по работе. Обсуждались знакомые. Немного потрепали Николая, который едва успев развестись с женой, успел влезть уже в какие-то отношения. Мария его новую пассию не знала. А вот Петя явно был в курсе и не одобрял. Впрочем, обошлось все полунамеками и парой шпилек, которые Коля проигнорировал, подмигнув младшей сестре. Вроде как намекая, что она-то должна понимать, как раздражает вмешательство старших в личную жизнь.

Она понимала, конечно. И даже сочувствовала. Тем более, сам Николай ее особо не доставал. Хотя и Петру никогда не перечил. Авторитет старшего брата в семье был незыблем. Тем паче после смерти отца. А вот про равноправие между мужчинами и женщинами в семье Коваленко были осведомлены номинально, да и то лишь в интересах репутации, ну и по работе, конечно. Достаточно посмотреть на этот кабинет — даже Настю, прожившую с Петей почти двадцать лет, никто не пригласил для обсуждения действительно важных вопросов семьи. Как не приглашали и бывшую жену Коли. У Маши положение повыше и серьезней, конечно. Но не факт, что и Марию приглашали бы... Однако она, в отличие от невесток, не собиралась позволять собой помыкать. И боролась с тиранией мужской части семьи всю свою жизнь. Когда с большим, а когда и с меньшим успехом... Но не зря же она закончила юридический, в самом деле!

Сейчас Мария и ее опыт, а может, мысли — Пете точно были интересны и нужны. Так что младшую сестру не просто без сомнений пригласили в кабинет после ужина. Указали на тот почти в приказном порядке. А ей было любопытно, ради чего собирали, — вот Маша и не отнекивалась.

— Так что, понимаете, какие перспективы с таким назначением открываются?

Петр был очень доволен. Да что там! Он просто лучился самодовольством. И широко улыбался. Оно и понятно. Пост одного из судей Верховного Суда страны... Петр к этому всю жизнь стремился и шел к цели, не обращая внимания на любые препятствия или помехи. Добился.

Николай тоже не казался расстроенным, поздравляя брата и попутно доедая свой десерт. Как ни крути, а несмотря на публично оглашаемые лозунги и реформы, это и ему теперь открывало многие двери и перспективы роста. Хотя, даже несмотря на некоторую безалаберность и непутевость, совершенно несвойственную их старшему брату, Коля был великолепным адвокатом. И своего положения в их среде добился не только благодаря семейным связям. Их всех держали в достаточно жестких рамках. А требования семьи к наследникам династии никогда не были умеренными. Правда, и от помощи этих самых связей никто никогда не отказывался.

Так что сейчас Коля, наверняка, уже на три хода вперед просчитывал, как назначение брата выгодой для себя обернуть. И перспективы его радовали.

Похоже, одной Маше оказалось не до сладкого. Да и настроение у нее подкачало на фоне общего семейного счастья... А как иначе, если Мария слишком хорошо знала, к реализации каких именно «перспектив» Петр теперь может приступить?

— Да, вариантов масса, — поддержал Николай, закончив со своим десертом.

Маша поймала его взгляд, устремленный на ее порцию. И, усмехнувшись, без возражений подвинула тарелку в сторону брата. Аппетит пропал.

Коля ей отсалютовал ложкой, перехватив тарелку. Петя только головой покачал с улыбкой. Словно они его детьми были, которых он, к слову (детей, в смысле) благополучно отправил за

границу в закрытые школы учиться.

— Так вот, к вариантам, — продолжая жевать теперь ее пирожное, продолжил Коля. За что был удостоен неодобрительных взглядов от них обоих. Но его это ни капли не смутило. — А я-то удивлялся, почему это порог моей приемной уже второй день подряд обивают не последние люди серьезной партии. Все хотят со мной и моим братом пообщаться. Познакомиться ближе, так сказать, «с обоюдным интересом и выгодой» — по их заверениям. А тут — вон как. Видно, до них слухи раньше дошли. А от нас ты все скрывал, — Коля с хитрым прищуром посмотрел на Петю и даже с некоторым упреком ткнул в его сторону десертной ложкой.

Петр рассмеялся.

— Не хотел сглазить раньше времени, — разведя руки в сторону, повiniлся брат.

Маша улыбнулась, проверяя время на смартфоне, который крутила в руках, хоть пока и не вмешивалась в разговор. Да и Коля понимающе покивал головой. Несмотря на всю специфику их деятельности и опыт, независимо от образования и положения, вся семья Коваленко отличалась некоторой суеверностью. Это ещё от бабушки у них велось. А может, и того раньше...

— И что ты этим... людям ответил? — Петр вернул разговор к теме, затронутой братом, которая явно вызвала его интерес.

И Маше показалось, что, в отличие от нее, Петя точно знает, о какой партии и возможной выгоде идет речь.

— Что с тобой согласую, — Коля пожал плечами, вновь сосредоточившись на десерте. — Мне был не совсем понятен их интерес. Теперь — ясно, что мы действительно можем многое из сотрудничества с ними извлечь.

— И достать туда, куда пока не могли, — хмыкнул Петр. — И того, кого не могли...

Старший брат многозначительно замолчал, глядя на них.

А вот Маша внутренне напряглась и как-то даже подобралась. Отставила чашку. Петя никаких имен ещё не называл. Но ей казалось, что она и так все поняла. О том, кого ее братья не любят и чье положение в городе у них уже не один год «словно кость в горле» — Маша знала слишком хорошо.

— И, кстати, — словно ощутив ее собранность, Петр повернулся в сторону сестры, — Машенька, что это за слухи до меня дошли, что ты выступала консультантом у Горбатенко в этом деле, насчет стекольной компании? — сейчас во взгляде брата ничего веселого не было.

Николай удивленно вскинул голову, так уставившись на нее.

А Мария сохранила невозмутимый вид и недоуменно приподняла бровь.

— Я консультировала Юрия Овчаренко, владельца стекольной компании, которой пытался неправомерным способом завладеть его бывший партнер, — поправила Маша. — Мы с Юрием были знакомы давно, по делам благотворительности пересекались ранее. Он попросил помочь, я не отказала.

Петр медленно и задумчиво кивнул, но продолжал смотреть на нее в упор.

— Овчаренко целиком и полностью полагается на поддержку Горбатенко в этом деле. И в суде, и на... других уровнях. Ты не могла этого не знать, — заметил он.

— Меня попросил о помощи Юрий. Я не видела причин ему отказать, — Мария с не меньшим упорством выдерживала взгляд брата.

— Ты хоть деньги за помощь взяла? — вдруг со смешком вмешался Коля, словно не замечая холодного напряжения, повисшего в кабинете. — А то вечно о себе не думаешь, и опыта своего ни в грош не ценишь, Машка. Или тебя «по старой дружбе» развели за «спасибо»?

— Юрий полностью оплатил мое время и работу, — повернувшись к Коле, улыбнулась Мария. — И продолжает оплачивать консультации, так как дело ещё на рассмотрении.

— Овчаренко... Или все-таки Горбатенко? — не отступал от своего Петр, вцепившись в тему, словно собака в ногу. — У тебя есть какие-то финансовые дела с этим... — Петр замолчал, явно желая употребить не то слово, которое стоило говорить при младшей сестре, да и воспитанной женщине просто.

Она не знала, откуда он это выяснил. Но и показывать, что ее данный факт беспокоит, Мария не собиралась.

— Я не буду отрицать, что Горбатенко Олег Игоревич часто выступает благодетелем сиротского приюта, который я опекаю. Как и вы с Колей. Хорошая репутация всем нужна, кто при власти. А благотворительность этому способствует, — все тем же ровным тоном заметила она, пожав плечами.

— И почему это Горбатенко спонсирует именно твой приют? — Петр поднялся со своего места и, обойдя стол, замер в непосредственной близости от кресла Маши, вынуждая сестру запрокинуть голову.

— Потому, что мы заняли активную позицию и не ждем милости, а устраиваем всевозможные мероприятия, вечера и встречи, где информируем и рассказываем о нашем фонде и детях, возможно? — хмыкнула Маша с некоторым сарказмом. — Всегда легче «помочь», если все уже сделали за тебя, организовали и продумали, а тебе только подпись на чеке поставить нужно, не замечал? Ты ведь тоже это любишь? И Коля...

— Это точно, куда меньше мороки, — Коля хмыкнул где-то сбоку, явно соглашаясь с сестрой.

Но Петр не торопился отступить. Даже словно задумался о чем-то.

— Откажись от его пожертвований, — неожиданно потребовал старший брат.

Мария с удивлением глянула на него. И поднялась, не желая, чтобы на нее давили даже позой. Хотя Петя и так был выше и мощнее.

— С какой радости вдруг? — хмыкнула она, скрестив руки на груди, вскинула голову, твердо выдерживая взгляд брата. — Ты мне сам не раз говорил, что деньги не пахнут, — с сарказмом напомнила Мария. — А у меня достаточно подопечных. И это дети, которые растут. Денег вечно на все не хватает. Олег Игоревич же средств на поддержку сирот в городе не жалеет.

— А мне все равно! — вдруг рявкнул Петр, хлопнув ладонью по столу.

Звякнули ложки о блюдца, задрожал хрупкий фарфор сервиза. Маша тоже внутренне вздрогнула. Но не выдала этого ничем.

— Петь, не кричи, сбавь напор. Маша разумные вещи говорит, — Николай отставил десерт и также поднялся.

Уже и ему весело не было. Кажется, в кабинете и дышать стало сложнее. Характер своего старшего брата они оба знали. И все же отступать Мария не собиралась.

— Мне плевать на ее доводы! И эти сироты — без разницы! — не сбавив ни на грамм напора и громкости, рявкнул Петр уже в сторону брата. Повернулся снова к ней. — Я не желаю, чтобы ты хоть каким-то образом была связана с Горбатенко. Тем более теперь, когда у меня есть реальный шанс его на место поставить. Ты прекрасно знаешь о том, что у нас напряженные отношения...

— У вас, — прервав Петра, сделала ударение она. — У меня с Олегом Игоревичем никаких конфликтов и войны интересов нет. Я ни на какую власть и влияние в городе не претендую. А его пожертвования очень помогают нашим подопечным. Именно благодаря ему мы недавно смогли детей в Италию отвезти. Думаешь, у нашего фонда таких благодетелей — десятки?! А вот и нет, Петр. Ты и сам не особо охотно с крупными суммами расстаешься, пусть и для поддержания репутации, — давя на то, что могло считаться убедительным в схеме мироустройства ее братьев, возразила Маша.

Но Петя, похоже, никак не был настроен на обсуждение. Он сделал широкий шаг, убирая между ними всякое расстояние, и буквально навис над Марией.

— Ты против семьи идешь, Машенька? — со злостью тихо проговорил Петр, ухватив ее рукой за подбородок. В его голосе звучала угроза.

Но Маша давно выросла. И умела противостоять и его угрозам, и своему страху.

— При чем здесь наша семья? — передернула она плечами уже с возмущением, когда брат сильнее сжал пальцы.

Недоволен. И это слабо сказано.

Уже зол. В момент вспыхнул, потому что она не подчинилась.

Это в суде Петр умел хранить хладнокровие и профессионализм. Дома же они все не раз страдали от вспышек его властности и характера. И все-таки она не собиралась уступать или поддаваться давлению. Давно научилась держать оборону и отстаивать свои интересы вопреки мнению брата. Смогла же несколько лет назад переквалифицироваться и даже открыть нотариальную контору, пусть оба брата были против такого решения.

И Петр увидел этот ее вызов и гонор во взгляде. Сильнее сжал пальцы на ее щеках, вызывая неприятные болезненные ощущения. Мария скривила губы, но и теперь не отступила.

Заметил то, что Петя переходит черту, и Коля.

— Петь, отпусти ее, — Николай подошел к ним, опустив руку на плечо брата.

— Маша, даже не думай идти против нас, — вместо того чтобы внять брату, приказал Петр. — И ради чего? Из-за денег этого сукиного сына? — почти ласково поинтересовался Петр. — Или

дело не только в этом, а, Машенька? Мы — одна семья, не забыла? И враги у нас — одни, у всех!

Она невольно вздрогнула, впервые за этот вечер дав почувствовать брату свой страх перед ним. Неужели Петр знает что-то больше того, что было видимым для всех? Но откуда? Да и...

— Петя, хватит! — повысил голос и Николай.

Но они оба не обратили на него внимания.

Нет. О чем она? Чего боится? Не мог Петр ничего знать. Потому что ничего и не было большего.

— Я не понимаю о чем ты, Петя, — голосом, который использовала порою ранее в суде, отмела Мария его слова. Холодно, спокойно, сдержанно. Не показывая ничего из той бури эмоций, которая сейчас бушевала внутри нее. — И с каких это пор Горбатенко тебе прямо таким «врагом» стал? — с искренним недоумением уточнила она. — Да, у вас случались столкновения интересов. Неприятно, понятно. Но я не вижу причин, по которым наш фонд должен избегать помощи и поддержки лица такого уровня...

Лицо старшего брата исказила гримаса гнева:

— Я тебе сказал, чтобы ты прекратила, Маша! — рявкнул он, ещё сильнее нажав на ее лицо, чтобы глаза не отводила, видимо. — Все свои дела с ним завершай! Или тебе свои интересы важнее семьи?! — проорал Петр так, что у нее левое ухо заложило.

Но ведь не зря напомнил, что семья одна. И Машу эта семья характером тоже не обделила.

— Не ори на меня! — не повышая тона, отрезала Маша. — Не отец. И я уже в том возрасте, когда сама имею полное право распоряжаться всеми своими делами и решать, с кем сотрудничать и на каких условиях. Твои конфликты меня не интересуют. Не припомню, чтобы ты прекратил сотрудничество с Шаховцом, когда я тебя просила. — Твердо смотрела брату в глаза. — Да и сейчас работаешь...

В кабинете повисла тишина.

Второй раз за вечер вспомнила то дело. Что-то часто очень. Петр сжал губы так, что они побелели. Она слышала, как он зубами от злости заскрипел.

— Петя, она права. И отпусти Машу, чего вцепился, — Николай с силой сжал рукой плечо старшего брата.

Тот перевел глаза на него. Коля на что-то явно намекал старшему взглядом. И Петя понял. А вот Маша сейчас была на таком взводе, что не разобралась. Страшно не любила то дело вспоминать. И их отношение и советы тогда. И весь сегодняшний разговор... довели до черты кипения!

— Извини, Маш, я зря взбесился, — шумно выдохнув, Петя отступил, разжимая пальцы. Устало растер лицо руками. — Просто этот сукин сын... — чертыхнулся. — Ты же знаешь, как меня бесит, что...

— Не знаю и знать не хочу! — резко заявила она, так же растирая лицо, и понимая — что ей

больно. Там, где Петя держал, кожа отзывалась болезненной чувствительностью. Злость разгорелась больше. — И нечего втягивать меня в свои войны за власть, Петя! Мне это неинтересно! Спасибо за ужин. Хорошего вечера! — развернулась и стремительно покинула кабинет старшего брата, хлопнув дверью.

Не обращая уже внимания ни на окликнувшего ее Колю, ни на пытающегося извиниться Петра.

— Мария! Вернись немедленно! Я не закончил! — опять заорал Петр так, что было слышно и сквозь дверь.

Видно, ее уход его вновь разъярил. У нее тоже в голове просто пульсировало бешенство.

— А я — закончила! — огрызнулась Маша, не поворачиваясь.

Такая злость внутри кипела! Дикая просто. Ее трясло.

И как же Маша устала от того, что они вечно пытались командовать и указывать, что она должна делать! Ее жизнью управлять стремились!

— Маш, что случилось? — в коридоре ее попыталась перехватить настороженная и растерянная Настя. Явно слышала, как они там орали. Ухватила за руку. — Не сердись на Петю, Маш. Он так нервничал с этим назначением, несколько ночей не спал толком. И старался же не показывать, — принялась тут же оправдывать перед ней мужа.

— Я не хочу сейчас говорить об этом, Настя! — отрезала.

Невестка вздрогнула и ступсевалась. Несмотря на то, что была старше самой Маши и носила фамилию мужа, характером до их семьи Настя не дотягивала.

— Прости, — попытавшись смягчить, Маша все же отняла свою руку немного резко. Но ее уже просто довели. — Ужин был прекрасным, спасибо, Настя. Но я не могу тут оставаться. А то сама в подсудимых окажусь, — мрачно пошутила она, стараясь взять себя в руки.

Не особо справилась. И, в каком-то расстройстве, ей-Богу, просто вылетела из квартиры брата, забыв обо всем, только и того, что обулась! Оставив все вещи! Дошло это до нее только на парковке перед домом, когда Мария поняла, что не сможет открыть машину без ключей. Но вернуться назад...

Н-е-ет! Не сейчас, точно. Может, оно и к лучшему. Хорошо хоть телефон из рук не выпускала... Или плохо.

Петя уже ей звонил. Маша сбросила вызов брата.

Скандала хватит уже. Всем бы остыть. А ответ она на звонок или появись снова в квартире сейчас — и Петр, и Коля своего не упустят. Начнут давить, попытаюсь сломить ее решимость. Еще и запрут, с них станется. И такое бывало...

Да и к себе возвращаться — не вариант. Братья найдут сразу. А если Петя сказал, что ещё не закончил, то... Остановить старшего брата бывало сложно, особенно когда его темперамент брал верх.

Их всех учили вести себя невозмутимо и сдержанно везде: в суде, на людях, даже дома

наедине с собой. И везде младшее поколение Коваленко с этим справлялось... Кроме общения между собой.

Вроде и любили друг друга, и беспокоились. Но так, как они сами, довести их никто другой не мог... Как ещё не поубивали друг друга? Для всех загадка... Видно, четкое понимание тяжести наказания потом — останавливало.

Нет, нельзя возвращаться. А вот подумать об этом разговоре отстраненно — стоит. Как бы только успокоиться...

Глава 2

И все-таки, через час Маше все это казалось уже плохой идеей. На улице начался дождь: противный, морозящий. Покрывающий ее волосы и платье мелкой взвесью холодных капелек. Влажность пробиралась сквозь ткань и плотные колготки, заставляя ежиться. Но Мария упрямо брела по аккуратным дорожкам центрального городского сквера, пытаясь унять бушующие эмоции и разобраться в тех намеках, которые братья друг другу бросали. И что она могла извлечь из их запретов?

Намеки и требование по прекращению всех контактов с Горбатенко... Марию это сильно насторожило.

Нет, она знала, что Петр на дух не переносит Олега. Правда, ей были мало известны причины такого отношения: братья не желали с ней подробности обсуждать, отделиваясь отговорками и туманными пояснениями; сама Маша как-то пыталась разобраться, но пришла к выводу, что чем бы изначально конфликт ни был обусловлен — документального подтверждения он не имеет. А когда единственный раз рискнула спросить у самого Горбатенко...

— Вас это никогда не касалось, Мария Ивановна. И не коснется, поверьте, волноваться не стоит. Я все для этого сделаю, — с мягкой улыбкой ответил Олег Игоревич.

А он умел улыбаться так, что больше и спрашивать не о чем. И даже сомнения нет — о ее благополучии и спокойствии печется. Ну, и слово свое Горбатенко всегда держал. Правда, до недавнего времени она и не волновалась. Хотя и старалась все же исключить любую вероятность того, что братья узнают об их...

Грустная улыбка скользнула по губам — а о чем, собственно?

Мария остановилась, осматриваясь — начало одиннадцатого ночи. Плохо в такое время в одиночестве гулять и по хорошо освещенным аллеям центрального сквера. Зачем искать себе проблемы?

Разумнее было бы зайти в какое-то кафе, согреться. Выпить кофе. Денег с собой нет, конечно... Зато смартфон в руке, а большинство терминалов в городе уже поддерживали бесконтактную оплату. Так что проблем не должно быть... И у нее эта функция была активирована в телефоне. Благодаря Олегу, кстати. Это он ей рассказал. Мария как-то приехала по его же просьбе, насчет документов, а Горбатенко сидит и с каким-то непривычным искренним интересом копается в собственном телефоне. Как пацан, ей-богу. Она тогда даже рассмеялась его увлеченности. И Олег непривычно свободно улыбнулся, открыто, словно на мгновение забылся, отодвинул в сторону вечную сдержанность и осторожность. Редкие мгновения. И тем бесценные.

Показал, рассказал о поддержке новых функций, которые банки вводят. И ей все настроил сам.

С тех пор, каждый раз расплачиваясь телефоном, что до сих пор многих удивляло, Мария какое-то странное чувство испытывала... Их общности. Ее и Олега. Какой-то интимной сопричастности и тайны. Но не чувственной, о которой даже вспоминать не решалась, а... совместной, что ли. То, что он и она делали нечто вместе. И Мария точно знала, что и Олег, пользуясь данной функцией, думал о ней. Потому что звонил и спрашивал время от времени, все ли у нее получается...

Да, Мария знала, что это отдает малолетней студенческой очарованностью. А она — взрослая женщина, достигшая немало, видевшая в своей жизни чересчур много всякого, что должно было бы выбить из ее головы и души любой романтизм. Но не выбило, очевидно. Стойким тот оказался.

Так и не двинулась никуда в поисках кафе или бара. Стояла посреди сквера, продрогнув под дождем. И горло уже начало болеть. Петр звонил за это время больше десяти раз. И Коля тоже. Но у Маши не было никакого желания отвечать.

Интересно, можно ли ей уже домой ехать? Вызвать «uber», снова же — через приложение в смартфоне, оплата поездки пройдет автоматически с карты...

Надо бы в службу охраны позвонить. У них есть запасной комплект ключей от квартиры. Назовет код, опишет ситуацию, попросит патруль привезти ключи... Даже оплатит их вызов, в конце-то концов. И дома отогреется. Главное, чтоб братья и сейчас под домом не дежурили. Часа два прошло, должны были немного успокоиться. Не звонили уже минут двадцать... Или все ещё там?

Но вместо того, чтобы делать хоть что-то из вышперечисленного, Мария все так же брела по дорожке, наступая на влажные опавшие листья, и думала о разговоре с Петром. Что же у них на самом деле за счеты к Олегу? За что настолько не любят его, считают врагом? Почему Петя разозлился так, когда она отказалась отклонять пожертвования? Нет, понятно, что для Маши это всего лишь прикрытие для их встреч. И она вовсе по иным причинам не желала прекращать общаться с Олегом, нежели те, что братьям перечислила. Но ни Петр, ни Коля не могли знать истину... Недаром Горбатенко прилагал столько усилий. Да ведь, если честно, то и между собой они никогда ничего не озвучивали.

Так что же за планы теперь у братьев, в связи с новым назначением Пети? И главное — почему они так жаждут уничтожить Олега?

И что Маше теперь делать: подождать и разобраться в происходящем или предупредить Олега? Но о чем? Или же вспомнить то, что и брат сказал, — она часть семьи, и у нее есть свой долг перед братьями... Погруженная в эти размышления, Мария застыла у дорожки, как-то краем сознания лишь отмечая, что продолжает мерзнуть.

И именно в этот момент, словно ощутив, что она думает о нем, позвонил Олег.

Руки замерзли так, что едва смогла ответить, трижды проводила пальцем по экрану.

— Мария Ивановна, добрый вечер...

Она не была уверена, что поступила верно, ответив на вызов. Однако, казалось, и не ответить — не могла. Маша всегда отвечала, если звонил Горбатенко. Не то чтобы Олег на этом настаивал или требовал. Нет, никогда. Возможно, даже поддержал бы, прекрати она принимать звонки, озвучив просьбу прекратить общение.

Но Мария никогда такого не просила. Наоборот. И всегда отвечала... А он был слишком умным и опытным, чтобы тут же предположить: если она вдруг не отвечает, да ещё и практически ночью — значит, что-то не так. И вопрос «что именно?» Горбатенко просто так не оставит. Не тот характер.

А казалось — это наименьшее из того, что ей нужно сейчас. Она ещё не знала, как вернее... честнее поступить. И надо ли говорить ему о том, что сегодня узнала? Кому она должна и повинна больше? Но казалось необходимым его предупредить...

— Добрый, Олег Игоревич, — стараясь отвлеченно смотреть по сторонам, чтобы голос звучал ровно, пытаюсь игнорировать промозглую зябкость холодного осеннего дождя и ночной ветер, вторила Мария его тону. — Как Ваши дела?

А он промолчал. Тишина в телефоне полная. Он что, и дышать перестал?

Почему-то стало не по себе. А ей за сегодня, видит Бог, уже и так прилично нервы потрепали.

И этот дождь — уж лучше бы ливень начался! А то туман, мрак, сырость! Волосы завились, и Маша без плаща, в одном только платье, пусть и кашемировом, которое не особо и согревает по такой погоде. И сумку забыла с ключами от машины и документами. Так торопилась... Разозлилась. Выбежала от брата, негодуя внутри...

Олег все ещё молчал, но связь не разрывал. И не походило, чтобы он на что-то отвлекся. И также не дышал... Может, точно «вурдалак», как Горбатенко временами ее старший брат называл? От этой мысли Маша против воли улыбнулась, несмотря на все.

— Олег Игоревич? — стараясь держать чуть ироничный тон голоса, позвала Мария.

Только вот горло осипло. И, кажется, это уже было немного слышно.

А чему удивляться? Замерзла дико, холодно очень. До костей продрогла. И горло уже болеть начинало, да. Но она упорно шла. Куда — не знала. Но все ещё не домой. Там ее братья достанут... Коля как-то пять часов караулил, ещё когда Маша в университете училась. Тоже упорный.

На стороне связи продолжала сохраняться полнейшая тишина. И ее это уже даже нервировало... Споткнулась в темноте, не заметив бордюр. Раздраженно придушенно чертыхнулась, отодвинув от лица телефон. И опустилась на ближайшую парковую скамью, не хватало ещё ногу подвернуть в темноте! И только глубоко выдохнула, когда поняла, что скамья полностью мокрая. И ее платье теперь тоже... влажное. Закрыла глаза в каком-то усталом отчаянии.

И в этот момент она услышала резкий напряженный вдох. Такой шумный, словно бы он действительно не дышал это время, внимательно вслушиваясь в происходящее с ней.

— Маша, что происходит?! — резко спросил, требовательно, как страшный начальник, которым же и был. Но и с такой тревогой...

И... и тут она не выдержала!

Зря он так. Зря. Никогда ее Машей не звал, а ведь сколько было возможностей... Никогда. Сейчас зачем это на свет Божий вытянул?!

Хотя какой свет?! Ночь же...

Мария судорожно втянула в себя воздух, пытаясь подавить какой-то истеричный и вообще неуместный всхлип — подумаешь, имя! Однако... нет, для нее это бесконечно много значило... И оттого, видимо, никак не удавалось взять себя в руки и вернуть привычную отстраненность их общения. Не выходило рассмеяться в ответ и сказать «ничего, ерунда». Не получалось призвать саму себя к порядку. А ее же с раннего детства учили, как ведут и не ведут себя интеллигентные люди, сохраняя лицо в любой ситуации. Ничего не показывая. Тем более слабость...

Олега это ещё больше насторожило, судя по всему.

— Дима, сюда. Живо машину! — приказным тоном глухо крикнул он начальнику своей охраны словно бы в сторону от телефона. А потом вновь ей. — Машенька, душа моя... Что случилось? Где ты? — уже ей, напряженно и хрипло, ошарашив Марию.

И опять с этими непривычными интонациями.

— Олег... — как-то жалобно и потерянно вздохнула Мария и... чихнула самым нелепым, неподобающим и каким-то детским образом.

Растерялась. И уже совсем потеряв остатки контроля, всхлипнула, пытаясь вдохнуть.

Отчего-то показалось, что такое ее поведение что-то окончательно пошатнуло в молчании между ними, а может, и в самой расстановке.

— Дима! — буквально гаркнул Олег на том конце связи. — Мне нужны координаты местонахождения Коваленко. Сейчас же! — рывкнул Горбатенко в сторону. Но даже она вздрогнула. — Машенька, ты мне можешь объяснить, где ты и что случилось? — уже совсем иначе, как-то осторожно и словно чего-то опасаясь.

Она не поняла ничего. Почему он так отреагировал? И ответить ничего не успела. Потому что именно в этот момент Дима, начальник охраны Олега, что-то ответил Горбатенко, и тот взревел... Она действительно не ожидала, что Олег может так орать...

— В парке?! Сейчас?! Она — в парке?! Где именно?! — у нее второй раз за вечер заложило ухо. А ведь это Олег не ей говорил. — Какого гре*анного лешего ты сейчас в парке делаешь, душа моя?! — уже к ней обратился Горбатенко.

Честно говоря, ее сейчас больше заинтересовало, как именно они узнали, где она находится?

Чисто академический интерес. И голова разболелась от этого крика.

— Это сложно так сразу объяснить, Олег... — как можно откровенней призналась Маша, прижав вторую руку ко лбу. Почему-то прикосновение холодных пальцев ослабило боль. Хотя все остальное тело уже сковало от холода. — Думаю...

— О чем? — хмыкнул Горбатенко. Но было очень заметно, что он заставляет себя поддерживать подобный тон, словно старается не испугать ее, что ли. — Ты на машине?! — рывкнул снова, так и не дав ей ответить.

Но Машу не испугало. Вот как-то точно знала, что этот взрыв — из-за беспокойства о ней. Искреннего и сильного.

— Ммм... Нет, — со вздохом признала она, хоть и думала слухавить. — Пешком. И без сумки, — зачем-то пожаловалась.

Но ей снова дико хотелось чихнуть. И, сосредоточившись на подавлении этого желания, Маше уже было не до вранья.

И тут же услышала, как и Дима крикнул на том конце связи, что ее машины рядом нет...

— Ты что, следишь за мной? — не то чтобы с претензией, даже с каким-то весельем, уточнила Маша. И, отвлекшись, не справилась, чихнула вновь. — Прости, — извинилась, пытаясь совладать с предавшим ее так не вовремя носом.

Он глухо и невнятно ругнулся... Так непривычно.

Какая-то дымка в голове появилась. словно хмель. Но Маша ни капли вина не пила у Пети. За рулем же...

— Маша, мы будем через пять-семь минут. Уже едем. Этот парк недалеко от офиса, — проигнорировав ее вопрос, вместо этого заверил Олег.

Да, она знала, что его офис рядом. Только думать себе об этом не позволяла. А на том конце связи уже действительно были слышны звуки движущейся машины. И растерялась откровенно. Меньше всего она бы могла себе представить, что Горбатенко все бросит и рванет к ней сюда...

Вечер неожиданностей. Да... В носу вновь подозрительно начало «свербеть».

— Ты мне скажи — у тебя там все нормально? Тебе ничего не угрожает, Машенька? — уже совсем иначе, тихо и как-то напряженно, спросил Олег.

Оказалось, так просто забыть про отчество...

— Ничего... наверное, — она как-то растерянно рассмеялась. — Грипп, разве что. Замерзла, — честно призналась Маша, оглядываясь через плечо на пустые дорожки парка.

Погода такая, что никого, кроме нее, не тянуло к поздним прогулкам.

— Что ты в парке делаешь, душа моя? — также тихо спросил он таким тоном, что у Маши все внутри задрожало.

И голос... предал.

— Я не знаю, Олег. Шла просто. Думала... Мне надо было все обдумать. Не смотрела, куда иду. Все так сложно вдруг, — сипло прошептала она, уперев руку в колено.

Нагнулась, опустив на эту руку голову. Во лбу все ещё пульсировала острая иголка боли.

Показалось, что слышит его машину, но сейчас не было сил посмотреть.

— Что сложно, Машенька?

Его голос, когда он так хрипло, едва слышно ее имя произносил... Это было что-то невероятное. Выворачивающее душу Марии наизнанку. Заставляющее ее дрожать...

— Все...

Или она настолько замерзла, что озноб начался? Маша нахмурилась, оторвала ладонь от головы, уставилась на пальцы. Рука действительно дрожала.

— Маша? — Олег, не дождавшись от нее толкового ответа, снова позвал. — У тебя все нормально?

— Я не знаю, — искренне повторила она, в который раз за их странный разговор. — Думаю...

— Меня пугают такие ответы, душа моя, — напряженно заметил Горбатенко. — А меня сложно испугать.

Она верила. Даже думала, что невозможно. Как испугаешь человека, который все предусматривает на пять шагов вперед? Или не все...

В этот момент неподалеку все-таки раздался звук резко затормозившего авто. И, обернувшись, Маша узнала его машину. И ещё одну, из которой тут же появилось три человека охраны. А сам Горбатенко, которого она и в полной темноте узнает, наверное, уже двинулся в ее сторону в сопровождении Димы. Тоже заметил Марию сразу.

Почему-то показалось бессмысленным дальше говорить по телефону. И стало безумно неудобно, что он вот так из-за нее приехал в суматохе, ещё и всех притащил. Явно подозревая что-то нехорошее. А ведь ей просто надо было бы в голове все «по полочкам» разложить.

И Мария попыталась встать ему навстречу. Принять обычный собранный и невозмутимый вид, натянуть на лицо улыбку... Только ничего не вышло.

Щеки отчего-то болели. И голова все ещё в тумане. И дико холодно. Покачнулась, выпрямляясь. Ухватилась рукой за спинку скамьи, на которой сидела.

Она даже умудрилась вскинуть ровно голову и попытаться улыбнуться. Но кто там интересовался ее улыбкой?

Ни разу... Никогда за все те годы, что они были знакомы, Олег не совершал подобного. И, видит Бог, Мария понятия не имела, что послужило причиной сейчас. Но ее с ходу сгребли в такие крепкие объятия, что весь воздух из легких ушел. Кому там нужна была ее улыбка?! Ха! Не то что Олег, ее вообще никто так не обнимал за все тридцать с лишним лет жизни! Голову притиснули куда-то в район его груди и плеча. Руки сжимали тисками. Но такими... жаркими и желанными! Она словно потерялась в тумане, который на город опускался... Олег — он весь был таким горячим и большим, и надежным. И близким! Настолько близким, как ни разу за все время их общения. Зачем ей воздух, когда Олег так близко?!

— Олег... — выдохнула Маша, позволяя это все. Зажмурилась. Впервые голосом столько при встрече с ним выдала.

И он понял. Сам тяжело вдохнул.

Вот теперь запрокинул ее голову, всмотревшись в глаза. Почему-то нахмурился, мрачней, и во взгляде Горбатенко что-то нехорошее блеснуло, что она не поняла. Коснулся подбородка пальцами. Повернул, на контрасте с объятиями, ее лицо в одну сторону, в другую, — мягко и осторожно, что-то рассматривая. Стал ещё мрачнее. Она не поняла этого. Его вторая рука сильнее сжала ее плечи. А ей так холодно... Хотелось в него всего укутаться, как недавно его

пиджаком укрывалась. И Олег, словно понимая это, вновь притиснул Машу к себе.

Вообще не сопротивляясь, она прижалась лицом к его шее, вцепилась дрожащими пальцами в рубашку, только сейчас понимая, насколько действительно замерзла. И судорожно вдохнула, чувствуя, как настолько же тяжело и через зубы втягивает в себя воздух Горбатенко. Олег уткнулся лицом в ее влажные волосы. Сжал шею рукой. Второй ладонью по плечам провел... И вновь выругался.

— Ты же насквозь мокрая, Маша! И тебя колотит! Сколько ты сидишь здесь?! — рявкнул Олег...

Никогда не говорил с ней так, тем не менее продолжая ее крепко обнимать. А потому — страшно не стало. Наоборот, столько понятно теперь...

Ей ли одной? Жар по спине. А Олег держит так же крепко. И, рванув-таки с себя пиджак, тут же укутал Машу.

— Пошли в машину, там пальто есть...

— Не надо. Промокнет пиджак... — попыталась возразить она. Он только хмыкнул, не обратив внимания. — Я недолго сидела... Шла дольше, — невпопад ответила Маша, не имея никакого желания лишаться его тепла. Вновь чихнула, уткнувшись в ткань пиджака, пропитанного его запахом.

— Ты простыла, — Горбатенко почернел лицом, глянув с каким-то упреком даже.

Но Маша решила не комментировать. Да и... прав он был, кажется. Точно простыла. О чем спорить?

Осмотрелась. А охрана, оказывается, все время рядом была, тут же отрезая их от пустых аллей сквера и любых вероятных встречных прохожих. Но сегодня странный вечер — Марии все равно стало. Не сопротивлялась, когда он повел ее к машине, продолжая крепко держать за плечи. И послушно села в авто, стоило Диме открыть дверь перед ними.

Олег наклонился, но не сел рядом. Почти прижался лицом к ее щеке, ртом к уху.

— Вон в углу пальто, сними платье, закутайся в него. И так уже нагулялась, — с тем же заметным недовольством ее состоянием, распорядился Горбатенко. — Окна тонированы. Не волнуйся, — и закрыл дверь авто, не слушая ее попыток возразить.

Дмитрий также внутрь не сажился.

Маша оглянулась, в самом деле обнаружив пальто Олега. Черное, тоже кашемировое, но, ясное дело, плотнее и теплее, чем тонкая пряжа ее платья. Вздохнула, чувствуя и неловкость, и какую-то растерянность. С другой стороны — Олег прав, даже в теплой машине платье не высохнет моментом. А она из-за этого может совсем расхвораться. Сбросив с плеч его пиджак, уже также ставший влажным, аккуратно накинула тот на спинку переднего сиденья. А после неловкими, замерзшими руками начала стягивать платье. С каждым движением ей становилось все холоднее почему-то, хоть в машине и было очень тепло, печка и сейчас работала, Дмитрий не заглушил двигатель.

И Машу уже в самом деле мелко трясло, когда она просунула руки в рукава пальто Олега, «нырнув» в аромат его парфюма и теплую гладкость дорогой ткани подкладки. Завернулась в пальто, которого хватило бы ещё на ее половину, наверное. И в попытке согреться сбросила

свои полуботинки на удобном каблучке, с коленями и даже пятками забравшись «в кокон» теплой ткани. Все — хорошо. Даже душно немного, а тело все равно трясет, и мышцы холодом скованы.

— Маш, переоделась? — предварительно постучав по стеклу, Олег осторожно приоткрыл дверь.

— Да... — ого, голос совсем охрип. Откашлялась. — Да.

Горбатенко сел внутрь авто, настороженно всматриваясь в ее лицо. На водительское место вернулся и глава его службы охраны.

— Как вы меня нашли так быстро? Откуда про парк узнали? — спросила Маша о том, о чем Олег уже раз не посчитал нужным говорить. А ей действительно любопытно.

Наверное, действительно следит за ней. Каким только образом? Иначе бы как?

Не обратив на это внимания, Олег оценивающе осмотрел ее с ног до головы. Чему-то сдержанно улыбнулся.

— Тебе идет, — подмигнул Олег. И вдруг сгреб Машу в свои объятия, прижав к себе. — Дим, включи печку сильнее, — резко и властно распорядился он, заметив, что ее все равно трясет, видимо. — Мы сейчас отвезем тебя домой, а ты, Машенька, лучше расскажи, каким образом вообще оказалась здесь в такое время? — с вопросом приподнял бровь Горбатенко.

Совсем другой голос, когда с ней говорил. Словно укутывает в плед. Он казался более спокойным, чем несколько минут назад, по приезде. Но ровно до ее резкого:

— Нет!

— И почему ты говорить об этом не хочешь? — прищурившись, уточнил Олег иным тоном. Собранным и серьезным. Каким-то задумчивым, но точно не согласным с тем, чтобы оставить это в ее праве.

Но Маша не об этом говорила. Стоило ей представить, что под домом все ещё мог дежурить Коля, или оба брата, ожидая ее, а она приедет с Горбатенко, да к тому же — в таком виде... Домой расхотелось вообще.

— Мне домой нельзя сейчас. Никак, — понимая, что зуб на зуб не попадает, пробормотала Мария, и не пытаясь выбраться из его объятий. Прижалась лицом к его шее в попытке согреться...

Олег глухо ругнулся, вдруг развернувшись, и припал губами к ее лбу...

Господи! Ну вот почему именно сейчас, когда она не может даже обнять его толком, а?! Где в жизни справедливость?

Вместо ответа на ее немое возмущение и, тем не менее, расплывающееся в душе блаженство, Горбатенко глянул на обернувшегося из-за его ругательства водителя. Махнул рукой.

— У тебя жар! — вновь ей. С беспокойством и волнением, которое она уже слышала там, на аллее сквера, выдохнул он. — Дим, поехали, — распорядился, наверное, понятно для помощника.

Мария же предпочла на какой-то момент сосредоточиться на своих ощущениях, чтобы понять — в самом деле ли она настолько простыла?

Глава 3

Ночь, которую он вряд ли мог предсказать. Даже мысли не допускал...

Хотя кому Олег врет? И зачем? Гиблое дело. Мыслей на эту тему у него как раз было с лихвой все то время, что он в принципе Машу знал. Другой вопрос, что Олег не считал возможным воплощать в реальность то, о чем неоднократно думал.

И тем не менее — сейчас Маша находилась здесь, в его доме, в его спальне и даже в его кровати... Практически раздетая, если его же халат во внимание не брать.

Мечта во плоти, по сути...

Если вновь не брать во внимание то, что ее трясло от лихорадки так, что и одеяло не спасало. И у него имелась как минимум сотня вопросов, на которые она не торопилась отвечать. А Олега внутри уже подкидывало от предположений. Варианты он всегда умел выдвигать. Да ещё и все возможные. Это помогало предопределить стиль действия не только свой, но и противника. А следовательно — и выиграть.

Эта женщина никогда не воспринималась им как оппонент. Потому ли он даже предположить не мог, что сегодня произошло, к греб***й *****?

Ладно. Его заносило. И колотило внутри не меньше чем Машу. Просто Олег умел скрывать свои эмоции и чувства. Жизнь научила.

— Сейчас Дима врача привезет, — он подтянул ее к себе в этом коконе из одеяла и халата. Обхватил со всей силы, стараясь хоть немного своей силы и тепла передать. Хоть как-то ее согреть...

Маша посмотрела затуманенным взглядом. При сознании определено. Только плохо ей. Он понимал это. И она это использует, чтобы от вопросов уходить. Это Олег просек тоже. Но какие претензии? Он ей тоже практически ни на один резонный вопрос не дал ответа. А что, признать, что он действительно следит за ней? И на машине датчик GPS-локализации, и в телефоне подключена передача координат на его аккаунт. Провернули с Дмитрием как-то по-быстрому, пока она в документах разбиралась... Ага, вот прям сейчас и выложил все. Как же!

Правда, Маша и так умная, да и юрист хороший. Сама, вон, это первым предположением выдвинула. И сколько бы Олег ни делал вид, что не понимает подозрений, — выводы сделает. Он не сомневался. Ну а что ему оставалось делать? Каким образом хоть частично ее безопасность гарантировать? Да и Маша — не маленькая, знает, в какой они все ситуации...

— Не надо. У меня есть подруга. Хороший врач. Наберу... — устало и хрипло.

— Сейчас? В начале первого ночи? — усомнился Олег, прервав ее хриплый шепот.

Маша улыбнулась и, несмотря на дрожь, повернулась в его руках немного, совсем «распоясавшись». Взяла и уткнулась лицом в ворот его рубашки. Ее стараниями уже растянутый, между прочим. Но он и тогда не спорил. Все сейчас позволял. Перетрясло капитально.

Она прижалась пылающими губами, лбом к его коже. Глубоко вдохнула, словно в этих простых действиях искала облегчения. Дрожь по позвоночнику и в узел все. Смешно — незамысловато все, а их обоих в фарш. И ошметков не собрать. Слишком долго запрещали друг другу даже прикасаться толком.

А в это мгновение... у него сейчас не было сил ей отказать или отстраниться. Не мог переносить то, что ей плохо. Физически корежило от своего бессилия и неумения тут же облегчить состояние Маши. Тем более после того, как первое, что грешным делом подумал — до нее добрались. Что выкрали. Или пытались... А что еще думать, когда перед глазами, вон, пример Юрки и открученные колеса на машине его женщины?! Самое же эффективное воздействие.

— Ничего, — глухо, потому что не подняла голову, отвечая ему, прошептала Мария. — Алена ответит. Да и мне прикрытие нужно... — с тяжелым вздохом попыталась подтянуть под себя ноги и достать до телефона, валяющегося на другой подушке.

Олег не пустил. «Ей позволял»...

Ха! Это он не готов был лишиться пусть и такого, но контакта. Сам достал телефон и ей отдал. Знал об этой подруге все. Как пришла когда-то в контору к Маше по своим интересам. А потом общаться начали. Подружились в самом деле. Вроде без подвоха и доверять можно.

— Прикрытие? — наклонился, прижимаясь подбородком к макушке Маши. — Перед кем, душа моя?

Она замерла, так и не выбрав номер в списке контактов. С усилием втянула в себя воздух. И в этом был повинен не озноб, Олег точно знал. Каждый раз немела, припадая к нему, когда он позволял себе хоть немного послабления, выворачивая перед ней нутро, которое не стоило бы трогать. Только как остановиться, когда она в его руках и настолько скрутило, стоило подумать, что ее могли выкрасть или боль причинить?!

Тяжелый вдох, касание ее губ к его шее — и уже он забыл обо всем, готов любые вопросы отправить в пекло!

А она понимает... И вновь без ответа.

Слабо растянула губы в улыбке и все-таки набрала номер.

Он не давил. Не на эту женщину. Пока, по крайней мере.

— Ален, привет! Извини, что так поздно, — Маша улыбнулась. Он кожей ощущал. Старалась говорить собранно. Только голос сразу выдавал — охрипший и тяжелый. И дыхание такое же, с трудом из груди вырывается. — Да, простыла. Перемерзла сегодня. Помогли? Температура точно есть, — сипло рассмеялась, заставив Олега крепче руки сжать.

Не специально. Оно само так выходило. Потому что его... А он сам себе позволить не мог ею владеть.

— Нет, не знаю. Сейчас измерю? — подняла на него вопрошающий взгляд.

Олег молча кивнул, поняв намек про термометр. Был у него где-то точно. Сейчас разыщет. Бесконтактный. Электронные новинки и ноу-хау — его слабость. Вот и сгребал периодами в магазинах.

— Хорошо, а что принимать, чтобы я тебя не дергала больше? — уточнила Маша, как-то слабо откашлявшись. Словно в горле першило.

Ему это не понравилось. С другой стороны — уже обсуждали лечение. Да и врач ее не могла не услышать. Свой телефон достал, чтобы записать быстро препараты, названия которых Маша начала повторять под диктовку, вместе с дозами и нюансами приема.

— Спасибо, Ален, — выдохнула.

Он каждой мышцей ощутил, насколько ей тяжело и как Маша устала. Обнял крепче, пусть и через одеяло. Она измученно прикрыла глаза, все ещё прижимая телефон к уху.

— Да, на связи, — улыбнулась какой-то фразе подруги. — Только у меня еще просьба есть, Ален. Петя не звонил? Или Коля?

О-па. Осторожный и встревоженный взгляд на него сквозь ресницы. Поерзала в своем коконе, словно не хотела, чтобы он это слушал.

Олег внутренне подобрался, наоборот, внимательно вслушиваясь теперь. И прижал ее к себе. Пусть и не думает — не даст улизнуть.

— Если позвонят, а это почти наверняка, — вздохнула Маша снова, смирившись, что он ей пространства не даст. — Скажи, что я звонила. Нет, про простуду не говори. И — нет, не дома. Где — ты не знаешь. Нет, не скажу, тебе же проще, не запутаешься в показаниях, — рассмеялась. — Но я была сердита и сказала тебе, что в отеле пару дней проживу. В каком — ты не знаешь... — Маша вновь слабо рассмеялась какой-то фразе подруги. — Да, снова поругались. Не хочу разговаривать пока. И встречаться тоже. Пусть ищут. Отелей у нас много. Хоть на день, а в покое оставят. Да и дергать никого не станут, думаю. Это семейное. Петя не станет «из избы сор выносить». Не в его интересах. Хорошо. Да, буду звонить, не волнуйся, никуда не денусь. И отчитываться о здоровье каждые четыре часа. Поняла, — с мягкой улыбкой согласилась с требованием подруги, которого Олег не слышал.

Но и так додумал. Как и многое другое. И от предположений с догадками у него сейчас дергало нерв у виска, а в голове тихо, но мерзко стучало. Но он просто крепко обнимал ее, не мешая разговору с этой Аленой. Список лекарств сразу сбросил Диме. И ни на секунду не возникло сомнений, что в ближайшую аптеку уже кто-то поехал.

— Каким образом Ваши братья связаны с происходящим? — очень стараясь сдержаться, с ледяным спокойствием поинтересовался Олег, стоило ей закончить разговор.

Маша устало прикрыла глаза.

— Опять на «вы»? — еле слышно поинтересовалась она, похоже, с удобством устроившись щекой у него на плече. — Я не успеваю отслеживать...

Несмотря на все — это, как и ее мягкий вопрос-насмешка, заставили его усмехнуться. Но не сбили с пути. Олег почувал цель. А в этом он не отличался от ищейки — впивался зубами и всей челюстью держал, пока не докапывался до истины. Однако для нее сделал уступку.

— Маша... — с явно слышимым предупреждением в голосе, позвал. И с намеком. — Ты с братьями встречалась сегодня вечером? — противное щелканье в виске никуда не делось.

Словно ощутив это, она высвободила руку и прижалась к его щеке своими пальцами. Тонкими и ледяными. Погладила. Хотела успокоить? Он закрыл глаза, впитывая прикосновение и ее озноб.

— Если и с братьями, то что?

Юрист, блин! Ничего прямо не признает!

— Кто из них на твоём лице синяки оставил? — в этот раз в его голосе однозначно слышался гнев.

Ледяное, убийственное бешенство, которое разрывало внутренности Олега с того момента, как еще в парке заметил темные отметины на щеках Марии. Тогда стоило невероятных усилий, чтобы разум сохранить, а не начать все рвать и метать, разыскивая, кто повинен и посмел ее тронуть. Но состояние Маши было важнее.

И... не предполагал, что боль ей мог причинить брат. Выходит, несмотря на все, был лучшего о тех мнения?

— Какие синяки? — казалось, искренне удивилась Маша. Нахмурилась. Поднесла ладонь к своему лицу, лишив его касания. Провела пальцами по щекам. И тут выдохнула. — А... да. Петя вспылал...

Его аж подбросило от этой интонации «бывает, что поделаешь?», которую столь явно в ее голосе уловил. Выходит, не впервые?.. Аккуратно перенес Машу на матрас вместе с одеялом. Медленно поднялся.

— Он... тебя... бил? — медленно, с паузами, во время которых старался вернуть контроль, процедил сквозь зубы.

Но она все равно уловила и почувствовала. Вновь вздохнула.

Его всегда поражало: как она настолько считывает его? Ведь, по сути, только и делали, что закрывались друг от друга оба. А при этом — не было никого, кто улавливал бы и понимал его лучше. Как и он ее.

— Мы поспорили, — словно бы это какая-то мелочь, ответила Маша, глубже закутываясь в одеяло.

Ей все еще было холодно.

Олег за пару шагов пересек спальню и резко открыл дверь.

— Дима! — рявкнул в коридор, не сомневаясь, что начальник охраны поблизости, а не ушел в пристройку. — Найди мне термометр. В кабинете. Быстро!

— Понял, Олег Игоревич! — откликнулся охранник.

А Олег вновь вернулся к кровати. Маша лежала с закрытыми глазами. Если она думала, что прошлая тема закрыта — зря.

— И часто наш судья распускает руки во время споров с сестрой? — застыв около кровати, нависнув над Машей, задал очередной вопрос, постаравшись вернуть контроль.

Она приоткрыла один глаз и, кажется, сумела оценить все как есть. Криво улыбнулась.

— Олег, это... не основное. Не сейчас. Вспылил. Бывает.

— ОН ТЕБЯ БИЛ?! — рывкнул вдруг так, что и охрана, наверное, услышала внизу.

Мария вздрогнула.

Выдохнул, рассердившись уже на себя за срыв. С нажимом провел рукой по лицу, волосам. Одна только мысль о подобном... Олег становился способным на все. На все буквально.

Маша посмотрела в его сторону уже двумя глазами. И с тяжелым вздохом попыталась сесть, упираясь плечом в спинку кровати.

— Не бил, Олег. Просто пытался подавить характером. Заставить сделать то, что он хотел. Перегнул палку немного. Много чего... Но мы же уже взрослые, ради Бога... Я уже могу за себя постоять.

Зря она это сказала. Он тоже соображал быстро. И выводы хорошо делал.

— А в детстве бил, значит? — уперся в стену руками, ещё больше нависнув над Машей.

— Олег... — Маша не выглядела подавленной его силой. Даже улыбнулась, пусть и было видно, что ей все еще плохо. — Я умею за себя постоять. И в детстве — умела. Быстро научилась. Ну и потом, старшие братья... — она так передернула плечами, словно он сам все должен был додумать. У Олега с этим проблем не имелось. Додумал, мля. — Ну кто из детей не мутузил друг друга? Баловство. Петя и Коля пытались, конечно, показывать свою власть и управлять мной. Наказывали по — своему, если я баловалась... Ну так и я хорошо дерусь, — она подмигнула, подтянув одеяло. — Обычное дело. Да и прошло давно...

Он вдруг понял, что раскачивается на носках, пристально глядя на нее. На самом деле, все эти попытки улыбнуться, произвольное желание укутаться глубже в одеяло не только из-за лихорадки, взгляд в сторону, — сказали ему больше необходимого. А особенно синяки на щеках. Сейчас.

— Какая у вас разница? — просипел гневно сквозь зубы. Закрыв глаза на секунду, прикидывая. — Двенадцать лет с судьей и восемь с Николаем, так? — подсчитал он, и сам слыша, что в голосе вибрирует злость и гнев. Чувствовала это и Мария. — Баловство?! Нет, м**ь вашу! — рывкнул. Оттолкнулся от стены и прошелся по комнате, сгоняя ярость, которой не ждал. — Это «травля» называется, Машенька. Домашнее насилие! Когда два пацана пользуются своей властью и превосходством над младшей сестрой! Знаешь, сколько я этого сейчас по школам и отчетам соцслужб разбираю?! И чем это заканчивается в половине случаев?! Судья Верховного суда, б***! Адвокат года! — он вновь с размаху саданул кулаком по ближайшей стене, просто не в состоянии сейчас успокоиться.

Одна мысль о том, что ее в детстве... маленькую вообще, беззащитную же по факту, небось, такую же тонкую и худую, как сейчас, гнобили эти две сволочи, что руку поднимали, — превращала его в монстра, жаждущего сполна отплатить обидчикам.

— Олег, остановись. Выдохни. Это все давно закончилось, — Маша откинула одеяло, несмотря на то, что ее продолжало трясти. — В прошлом. Говорю же, взрослые уже все...

Села среди вороха его подушек и простыней. Вроде и закутанная в его махровый халат, а все

равно — видно же, что ее морозит.

— В прошлом?! В ПРОШЛОМ?! У тебя сейчас синяки! — рявкнул, не в силах не смотреть на синяки на ее щеках. Господи! Он себе на горло наступал столько лет, чтобы никаким образом и тень угрозы на эту женщину не бросить, а ее семья, те, кто по определению должны ее защищать и холить...

Греб**** юристы! Удушил бы обоих голыми руками. И родителей, которые это допускали! Интеллигенция, б**!

— Олег...

Мария вдруг снова чихнула и уткнулась лицом в салфетку. Мысли тут же повернули в другую сторону.

Где эти чертовы парни с таблетками?!

В этот момент, вместо лекарств, в дверь постучал Дима. Молча отдал ему термометр. Олег с претензией глянул на охранника. Тому объяснять не было нужно.

— Уже назад едут, все купили по списку. Еще минут семь.

— Хорошо. Принесешь сразу, — устало кивнул Олег и, закрыв дверь, вернулся к Маше.

Она так и сидела, посреди кровати, — напряженная и прямая, как изваяние, словно и от него собиралась сейчас защищаться... Тяжело выдохнув, он сел рядом и, включив устройство, поднес к ее лбу. Маша удивилась, а его это даже позабавило. Дождался результата — больше тридцати восьми, елки-палки! Неудивительно, что ей плохо до такой степени! Реально все внутри сжалось от сочувствия и боли за нее. Не настолько, чтобы забыть об их разговоре.

— Когда он... — Олег замолчал, пытаясь подобрать слова так, чтобы самого себя не разозлить сильнее. — Когда твой брат или они... поднимали на тебя руку в последний раз? ДО сегодня, — не сдержался все же.

Маша в который раз вздохнула и только подползла к нему ближе. А он, прекрасно видя, насколько ей плохо, не удержался — сдался на ее милость. Уже без одеяла сгреб ее в свои руки, усадил себе на колени. И только потом укутал, чтоб ему одеяло не мешало ощущать Машу.

— Олег, не надо, пожалуйста. Все нормально у нас...

Нормально? Ха, видел он, скольких после такого «нормально» в лучшем случае по травматологиям увозят.

— Когда, душа моя? — опустил лицо в ее взъерошенные волосы.

Никогда ничего не позволял себе, а сейчас — сорвался. Остановиться не мог.

И то ли это обращение, то ли прикосновение, — сломили ее волю. Снова уткнулась ему в шею пылающим от жара лицом.

— Три года назад, — тихо прошептала Маша, вспомнив пощечину, которую Петя ей влепил, когда узнал, что она отказалась продолжать представлять защиту Шаховца и заявила, что

уходит из адвокатуры.

В ушах звенело. И вот тогда синяк на всю щеку был. И на этом брат не остановился бы — Коля оттащил вовремя.

Они после несколько месяцев не разговаривали. Петя себя вправе и правым считал. Старший определяет вектор движения семьи. Только благодаря Николаю сумели снова общение наладить.

Руки Олега буквально стиснули ее. Ночь откровений и неожиданностей. Того, что не обсуждали никогда. Чего никогда не показывали даже друг другу.

— Угроблю, — едва слышно выдохнул тяжелым и настолько опасным голосом, что Маша вдруг вспомнила и поверила во все, что знала о его прошлом. Мороз по коже. И уже не от озноба. — Удавлю сам. Я же тебя уже знал тогда... Как не заметил? Не понял раньше, б**!* — он действительно говорил так, словно это себе в вину вменял.

И ее обнимал крепко, легко укачивая.

У Марии все внутри сжалось и такая... нежность, такая тяга к этому мужчине вспыхнула, заглушая прошлые мысли! Ее даже родители так никогда не защищали.

«Ты должна уметь сама защититься от всех, если хочешь чего-то добиться» — всегда говорил отец. — «Бьют? Научись уклоняться и бить в ответ сильнее. И словами, и действиями. Ты же Коваленко! Это наш жизненный принцип. Всем всегда будет все равно, что ты женщина. Не делай сама себя слабее».

А мать никогда не смела отцу перечить, хоть и одергивала сыновей порой.

И Маша научилась, сама выбрав путь не бесправной тени в их семье, чью судьбу решают, а практически на равных. И стремилась стать не хуже отца и братьев, их высот достичь, стать ещё одной Коваленко в их династии, и плевать, что женщина... Пока в полной мере не поняла, что их действительно ничего не остановит на пути к цели. Даже если цель эта весьма далека от благочестивой. Тогда и взбунтовалась.

— Олег, не надо, — хрипло и тихо выдохнула ему в кожу. — Не надо. Я действительно научилась им противостоять. И у нас нормальные отношения сейчас. Не без того, что поспорим, конечно...

Он хмыкнул.

— Нормальные... мля, — ругнулся опять. — Вижу, — накрыл ладонью ее щеки, поглаживая те места, где остались синяки. — О чем сегодня поспорила с этими скотами, душа моя?

— Олег, — вроде как с упреком, что не стоит о ее братьях так.

И помолчала, раздумывая, как ответить. Но Горбатенко долго думать не позволил, запрокинул ее голову и пристально посмотрел в ее глаза. А ей и без этого сложно нейтральный ответ придумать — голова раскалывается. И это новое ощущение, тонкая связь между ними, которая никогда еще не была настолько глубокой, казалось.

— Они хотели, чтобы я прекратила принимать твои жертвования. Про Овчаренко прослышали. Разозлило Петю. Чтобы вообще не общалась, требовал. Петю на новую должность

назначили. Он какие-то нехорошие планы строит насчет тебя. Я не знаю точно, но гадкое ощущение... Пожалуйста, будь осторожным, — как-то без особых эмоций, сильно устав и буквально чувствуя, как от растущего жара съезживается ее кожа, неприятно покалывая. Но вцепилась в его руку, стараясь донести.

А Олег вместо того, чтобы принять во внимание, хмыкнул. Видно, неубедительно донесла, что надо быть осторожным и присмотреться. Снова открыла рот, чтобы убедить. Но Олег прервал ее.

— Зубы обломают братья твои, душа моя. Ни хр**а у них не выйдет! И пусть ещё попробуют запретить что-то... Не дам шанса. Теперь — тем более, — резко, раздраженно, с решимостью.

И, окончательно забрав у Маши всякое осознание реальности, вдруг наклонился, сделав то, чего никогда ещё не позволял себе. Заменял свои пальцы губами.

Вдох — ее. Хриплый и потерянный.

Выдох — его. Жаркий и едва сдерживаемый. Еле позволяющий почувствовать край всего того, что внутри этого мужчины скрыто и бушует.

Господи! У нее в груди места для воздуха не хватало! Хотела бы высвободить руки из одеяла и обхватить Олега, обнять. Прижаться к его губам своими...

Но он не позволял. Держал ее как в тисках, только бережных и ласковых. Мягко и нежно касался каждого синяка и отметины на ее лице. Словно этими невесомыми поцелуями их стереть пытался. Только их.

Все еще невыносимо тяжелый каждый вдох. Но не касается губ, хотя оба знают, что именно этого хочется другому.

Не похоже на него вообще, казалось. Вообразить не могла. Не надеялась почти. А сейчас — просто зажмурилась и откинулась в его руках, все позволяя. Даже если бредит — не нужно ее лечить. Никогда ей настолько хорошо не было...

И именно в этот момент кто-то постучал в двери.

— Лекарства, — донесся до них голос Димы, который, тем не менее, не позволил себе войти, ожидая, пока Олег откроет.

Глава 4

Проснулась гораздо позже, чем обычно, но не выпалась вообще, да и с тяжелой головой. Горло болит. Температуры нет вроде, но непонятно до конца. Да и судя по времени на экране телефона, лекарство, что Олег дал выпить утром, ещё действует.

Села в постели, тяжело как-то управляясь с собственными руками-ногами. Продолжало клонить в сон, но Маша зачем-то боролась с этим желанием. Может, и зря, конечно. Осмотрелась: в комнате никого не было. Да и откуда? Олег уехал рано, она за ним сквозь приоткрытые веки наблюдала. Спал всего часа три. Здесь же, рядом с ней, так и не раздевшись, и поверх одеяла... То и дело просыпаясь и проверяя у нее температуру...

А утром по звонку будильника поднялся, переоделся и уехал, заставив ее выпить лекарство опять. И снова назвал «Мария» и на «вы». Спасибо, без отчества обошелся. Будто ночью и не

он был рядом, другой какой-то мужчина бесился и негодовал на ее братьев и их отношение к ней, словно и не этот человек держал ее на руках, согревая, пока не прошла лихорадка.

Вдохнула, не обращая внимания на боль в горле, и поднялась. Тут же, словно ощутив, что она проснулась, позвонила Алена.

— Ну ты как? Температура еще держится? — подруга искренне волновалась, и Машу в ее нынешнем состоянии это беспокойство в голосе Алены до слез растрогало.

Нет, она помнила и понимала, что он саму ее защищал таким поведением в первую очередь. Но все же!.. Иногда Маше казалось, что Олег перегибал палку. Не падут же ей на голову все казни египетские, если он ее просто по имени назовет или обнимет? Ну в самом деле!

— Машуны? — еще больше заволновалась подруга из-за того, что она продолжала молчать. — Ты как? Совсем плохо? Давай я приеду, может? Где ты там от братков своих спряталась?

Против воли Маша рассмеялась, стряхнув с себя хандру. Алена ее братьев... не уважала. Тоже умная. Видела ее после той ссоры, три года назад. И вытянула из Маши подробности о прошлом. Рентген заставила пройти, нашла пару следов от старых трещин и переломов. Короче, не впечатлял ее статус судьи Пети и успешная адвокатская карьера Николая.

«Бандиты они у тебя, сволочи, а не братья», — вечно ворчала Алена.

Но Маша не спешила соглашаться. Как ни крути, а семья, да и все-таки помогали и поддерживали ее братья тоже нередко. Если только Маша вразрез с их волей и решениями не выступала.

— Да нет, Лель, не очень плохо. Не настолько. Горло болит. Температура утром начинала подниматься — выпила лекарство. Пока нормальная, кажется. Буду сейчас домой ехать. Что, звонили тебе? — поинтересовалась, пытаясь понять насущную обстановку.

— Звонили. Николай, — сердито проворчала подруга. — Видно, Петр твой не рискнул, хоть и судья. Знает, что я о нем думаю. Я передала то, о чем ты и просила.

— Хорошо, — облегченно вздохнула Маша. — Спасибо, Ален!

— Да за что? — фыркнула подруга. — Вот если бы ты мне разрешила на них полицию натравить...

— А толку? — хмыкнула Маша. Хотя у нее такого желания и не было. Но смотреть на ситуацию реально умела. — Думаешь, это к чему-то привело бы?

Алена раздраженно вздохнула.

— Ну, журналистам ничего не помешало бы раздуть скандал, — не в первый раз за время их дружбы, намекнула она.

И была права. Только Маша, как ни крути, не могла и не хотела так подставлять и позорить братьев. Да и потом, чтобы ни считала Алена или тот же Олег, а в последние годы ни Петя, ни Николай по-настоящему на нее руку не поднимали. У них были практически нормальные отношения. И не хотелось рушить этого, учитывая, что иной родни у Марии не осталось.

— Ален... Не надо, правда. В этот раз вообще ничего серьезного. Просто я на них сильно

разозлилась, — с улыбкой отмахнулась от претензий подруги Маша.

— Ладно, смотри, сама уже взрослая, — вздохнула Алена. — Сбрасывай мне показания температуры. Если хуже станет — сразу звони, — велела напоследок.

— Позвоню, не сомневайся. Мне ж отрабатывать ещё сегодняшний прогул придется, — согласилась Маша.

Ночью написала помощнице, чтобы перенесла сегодняшние встречи. Но работу и ответственность никто же не отменял.

Отложив телефон, побрела в ванную, которая у Олега прилегала к спальне.

Так странно. Вообще не по себе. Не может уже в мыслях его называть официально. И у него дома вот бродит... Ощущение непонятное. Олег, уезжая, сказал, чтоб как дома себя чувствовала. А все равно больше на отель по ощущениям, похоже. Не из-за обстановки или чего-то там. Да и красиво у него, хорошо сделано. Хоть и чувствуется, что обжито не особо. Да только... Из-за самого отношения Олега, наверное, такое ощущение и есть, что вновь с утра отстранился.

Посмотрела на себя в зеркало в этой огромной ванной комнате — в гроб кладут краше. Бледная, губы белые, под глазами впадины, волосы взъерошены. И ничего нет в этом милого. Сразу видно, что больная. Зато в его халат по горло укутана...

Вот взрослая же, а никуда из себя эту романтику деть не может.

Фыркнув, чтоб самой себе напомнить про мозги и здравый смысл, Маша кое-как умылась. Прикосновение к воде было неприятным и утомительным. Видно, несмотря на браваду, еще далеко ей до отправной точки к выздоровлению. Но упрямая. И навязываться не собирается. Тоже гордая и со своей точкой зрения. Да и не стала вся ситуация легче после этой ночи. И братья ее активно искать начнут, если Маша сегодня не появится. А ей вовсе не хотелось ни Олега подставлять под новый конфликт с ними, ни самой подставляться под очередные разборки. Не то сейчас состояние.

С сожалением, которого не должна была испытывать, не в такой степени, по крайней мере, сняла халат и, тут же замерзнув, кое-как натянула на себя платье и колготы, которые вчера оставила сушиться у полотенцесушителя. Более-менее расчесалась. И, посчитав, что выглядит вполне прилично для того, чтобы не испугать водителя такси, вышла из ванной, да и из спальни Олега тоже.

И буквально сразу же наткнулась на Дмитрия, который дежурил в холле второго этажа... что-то типа небольшой общей комнаты с диваном и «плазмой» на стене.

— Мария Ивановна, — тут же поднялся охранник. — Не думаю, что вам уже стоит вставать. Если вы голодны, я принесу завтрак. Олег Игоревич сказал, чтобы вы сегодня не поднимались, вызвал повара, уже все приготовили...

Против воли это вызвало улыбку.

— Какой он предусмотрительный, — тихо из-за боли в горле, хмыкнула Маша. — Спасибо, Дима. Но я все-таки должна домой вернуться. Сейчас такси вызову...

— Олег Игоревич этого точно не одобрит, — охранник глянул в ее сторону так, что сразу стало

ясно — сейчас же сообщит начальнику про ее выходку.

Маша же только пожала плечами.

— Не буду злоупотреблять вашим гостеприимством. Да и потом, Олег Игоревич же не мой начальник, значит, мне не стоит волноваться о его недовольстве, — подмигнула она Диме.

Тот все ещё выглядел не убежденным.

— Как раз вы можете пользоваться его гостеприимством неограниченный срок, — заметил тоже тихо, словно мимоходом. И смотрел при этом в сторону.

— Будь это так, у меня не имелось бы сомнений или вопросов, Дима, — в этот раз ее усмешка вышла кривой. — Так что — спасибо, но я лучше поеду домой, чтобы никого не утруждать.

— Поешьте хотя бы, Мария Ивановна. Тяжело же самой будет что-то думать...

— А вы ему пока позвоните, сюда вызовете? — понимающе приподняла бровь. — Не стоит. Да и не голодна я, Дима. Честное слово.

Охранник недовольно скривился и вздохнул.

— Я вас отвезу в таком случае. За такси — он меня приберет. Хотя и так не факт, что выживу, — хмыкнув, покачал Дмитрий головой. — Пойдемте, — указав рукой направление, пошел впереди нее.

И Маша решила не отказываться. Точно как и от пальто Горбатенко, которое Дима протянул ей, когда они дошли до дверей, ведущих в гараж. Видно, заметил, что она зябко потирает руки.

— Олег Игоревич точно против не будет, — без эмоций заметил охранник, видя, что она сомневается. — А вам сейчас в очередной раз замерзнуть — просто глупо.

Сложно было поспорить с таким доводом. Вот Маша и закуталась в теплую кашемировую ткань.

И раз уж Дмитрий сам вызвался ее домой отвезти, попросила остановиться и у дома Петра. Брата точно сейчас нет, а вот его жена должна быть. Набрала Настю, попросила вынести ее вещи.

— Заходи, Машенька, конечно, — встревоженным голосом предложила невестка. — Что у тебя с голосом, простыла?

— Нет, Насть, я подниматься не буду. Есть опыт, я еще не забыла, — вздохнула Маша. Горло в самом деле сипело.

Когда-то братья ее вот так подловили и заперли у Пети в квартире. Несколько дней не давали уйти. Вроде о ней пеклись тогда, конечно. Но все равно, приятного в той ситуации было мало.

Дмитрий внимательно смотрел на нее через зеркало заднего вида. Наверняка же передаст Горбатенко каждое слово. Лучше бы такси вызвала.

— Маша, никого из мальчиков нет, — словно бы даже обидевшись, ответила Настя.

Только у Маши все равно сил спорить, да и подниматься к ней не было.

— Насть, можешь — вынеси. Не хочешь — хоть с балкона сумку кинь, я не обижусь. Ну а нет — ладно, обойдусь, — устало растерла глаза, понимая, что снова в сон клонит.

— Я могу подняться, Мария Ивановна, — тихо предложил Дмитрий.

Но она только головой покачала. Маловероятно, что Настя знает охранников Горбатенко в лицо. И все же...

— Хорошо, Маш. Я сейчас вынесу, — дав понять, что считает ее поведение ребячеством, вздохнула невестка. — Как дети, ей-Богу! — добавила с упреком.

Маша промолчала. Насте виднее. У Марии детей не было, хоть иногда и хотелось, и болела душа, словно не хватало чего-то. Но и просто так — «для себя» — рожать не считала правильным. У ребенка должна быть нормальная семья, как ей казалось, а не мать, руководствующаяся эгоистичными порывами.

Отложив телефон, Маша скинула пальто на сиденье и открыла дверь, чтобы выйти.

— Мария Ивановна! Ради Бога, оденьтесь! — никогда не думала, что Дмитрий умеет сердиться, но было похоже, что ей удалось его довести.

— Мне будет сложно объяснить невестке, откуда взялось мужское пальто, если я ночевала в отеле, — улыбнувшись, пояснила свои действия.

— Но машину-то вы все равно никуда не денете! И так же больны! — не утихал охранник Олега.

— Для машины у меня объяснение есть, — отмахнулась Мария, выходя из авто, когда увидела, что на крыльце подъезда появилась Настя. — Не хочу его подставлять, Дима. Никаким образом...

— Олег Игоревич не боится ваших братьев, — буркнул ей в спину охранник.

— А я за него боюсь, — тихо возразила она, прикрыв дверь, чтоб прекратить этот спор.

И выпрямилась, дожидаясь невестку. Та оказалась рядом через минуту.

— Держи, — протянув ей сумку и забытый плащ, Настя окинула взглядом машину. — У друзей была?

Может, невестка и сидела дома последние пятнадцать лет, но менее наблюдательной от этого не стала. Чего Маша и опасалась. Как и ее безграничной преданности мужу. Впрочем... наверное, тут она могла понять Настю. Сама что сейчас делала, идя по кривой дорожке между семьей и зовом сердца?..

— В отеле, — твердо держалась своей версии.

— Хорошая машина, — заметила Настя, кутаясь в пальто.

— Да, сама удивилась, когда «uber» вызвала, не думала, что у них такие есть машины. Водитель сказал, что бизнес-класс. Дороже, конечно, но для того же и работаем, чтоб жить в удовольствие, — подмигнула Маша невестке.

Та кивнула. Спорить вроде было не о чем.

— Спасибо, Насть, — поблагодарила за вещи. — Я поеду. В самом деле простыла. Голова болит. И горло... Пока! — делая вид, что не замечает пристального внимания невестки, быстро попрощалась.

И, стараясь нешироко распахивать дверь, проскользнула внутрь салона. Боже! Как здесь тепло, блаженство... Не меньше радуясь и тому, что окна тонированы, вновь укуталась по горло в пальто Олега. Все равно оно теплее ее плаща...

— Вроде и знал, что вы юрист, Мария Ивановна, но как-то до этого момента не осознавал, — хмыкнул Дмитрий, уже отъехав.

А она только сейчас заметила, что у него было немного приоткрыто переднее пассажирское окно. Слушал... Фыркнула.

— В смысле? — после того, как поняла, что отогревается, вдохнула аромат одеколona Олега — уже как-то все побоку стало. Разморило. А может, лекарство прекращало действовать. Вяло рылась в сумке, разыскивая ключи. Телефон звякнул принятым сообщением. Принялась искать еще и аппарат.

— Ловко вы ей рот закрыли, и слова вставить не дали, — следя за дорогой, пояснил свою мысль Дима.

— Да это не юридическая практика, это просто жизненный опыт общения в моей семье, — хмыкнула она.

Достала телефон.

«Ну зачем уехала, душа моя? И не поев...»

Физически ощутила то доброе неодобрение, которое умел показать ей Олег одним взглядом. Мимолетным движением губ передать, но при этом и дать понять, что важна и только ей столько позволено... И на душе все равно — теплее, чем в салоне сейчас.

— Дима, когда вы успели ему пожаловаться? — хрипло хмыкнула, бессмысленно водя пальцем по погасшему экрану. — Зачем?

— Ну, мне он начальник как раз, я рисковать не хочу, — тут же поняв, о чем Маша, повинился охранник, глянув на нее через зеркало заднего вида.

Не поспорить с его аргументами.

«Не хочу подставлять тебя», — отправила в ответ, радуясь от того, что не холодно и не на «вы», как утром.

И, с чувством победы зажав в ладони уже обнаруженные ключи от квартиры, откинулась на спинку, прикрыв глаза.

— Да уж, скелеты в шкафу у всех есть, похоже. Возвращаясь к вашей невестке, — тихо и вроде невзначай пробормотал Дима, поясняя, когда она с непониманием глянула в ответ.

Прав, не возразишь. Скелеты у всех есть...

— Оставьте мне ключи и техпаспорт, Мария Ивановна, я вашу машину потом вам под дом пригоню. И не беспокойтесь, — наверное, заметив, что она собралась спорить, даже не

открывая глаз, тут же заверил Дима. — Меня никто не заметит. Я тоже не собираюсь подставлять ни вас, ни Олега Игоревича.

Маша рассмеялась, пусть горло и болело все сильнее.

— Хорошо, спасибо, Дима, — шепотом поблагодарила она, поняв, что засыпает.

Охранник ее больше не дергал, дав подремать. И, как и обычно, провел до самой квартиры. Сам все открыл и проверил перед тем, как впустить Машу. После чего, забрав документы и ключи, пошел за машиной. А вот пальто как-то позабылось и осталось у нее. Мария решила, что отдаст, когда Дмитрий вернется с машиной. И пошла пить лекарство, набирая Алену, чтобы в очередной раз отчитаться о состоянии.

Ее разбудил звук дверного звонка.

Маше понадобилось немало времени, чтобы понять и осознать, что же это именно за звук. А ещё разобраться, отчего в комнате настолько темно. Вроде не так давно Алена забегала, осматривала ее, еще светло же было... Глянула на часы — начало двенадцатого ночи. Однако, очень поздно. Кто пришел? И не уходит, трезвонит.

Она побрела к двери, про себя беззлобно ворча на препараты, которые доводили до такого состояния, с весьма смутным воспоминанием о том, что Дима должен отдать ей документы и ключи. И очень тяжело было проследить мысль, отчего приехал только сейчас? Наверное, совсем не было возможности заехать раньше.

Но на пороге стоял совсем не Дмитрий. И, к счастью, даже не ее брата.

— И кто Вам у меня спать мешал, Мария? — Олег переступил порог, едва Маша двери распахнула.

Но дальше не двинулся. Без пальто, хотя у него точно еще имелись. Только в костюме, и галстука нет, ворот расстегнут. Потеплело на улице? Она сомневалась. А вот то, что он устал и измучен дико — видела прекрасно. Что тоже было странно, Горбатенко и ей редко подобное позволял увидеть.

Она даже растерялась немного. А Олег положил на комод ключи и техпаспорт от ее машины. Рядом с вазой, в которой цветы, им же подаренные, стояли. Туда же поставил еще какой-то пакет.

— Не хотела мешать, Олег, — немного вредно и из принципа. Но сам ей вчера повод дал. Пусть сам и запретит, если не по душе что-то.

Он глянул прямо после этих слов. Усмехнулся, словно понял ее мысли. Но не одернул.

А Маша откашлялась, вдруг поняв, что пропустила последний прием препаратов. Алена говорила в девять вечера принять лекарства, а она проспала. Кажется, снова температура. Обхватила себя руками.

— А кому ты там мешала? — с иронией хмыкнул он, растерев лицо, словно пытался согнать эту усталость.

— Вот и я о том, — улыбнулась вяло, намекая на его пустой дом и, вообще, всю странность и неопределенность ситуации. — Заходи, — предложила, махнув рукой в сторону гостиной.

Но Олег покачал головой.

— Не стоит, душа моя, чревато...

— Чревато стоять здесь, я могу и упасть, — хрипло рассмеялась она, понимая, что сама покачивается.

Олег же, заметив это, ругнулся и обхватил ее руками. Притянул к себе.

— Ты до чего себя доводишь, Маша? Чем думаешь? — начал возмущенно ее ругать.

Ну и пусть, нравится человеку — на здоровье. У нее свои интересы.

— Боже, как хорошо!.. — выдохнула она, уткнувшись ему в грудь.

Не собиралась вслух, вообще-то, но оно само как-то вырвалось, прервав нотации Олега о том, что ей есть необходимо, и врачу показаться, а не доводить себя до такого состояния... Он резко выдохнул и тяжело посмотрел в глаза Маше, продолжая обнимать. Запрокинул ей голову, глядя щеку ладонью.

— А врач был, — вспомнила Мария, даже прижмурившись от удовольствия. И он такой теплый — никакой халат и одеяло не сравнятся. — Алена приходила, горло мне смотрела, будто я опять в садике, — рассмеялась она, ещё плотнее прижимаясь к Олегу. — Таблетки назначила.

— Почему в садике? — хмыкнул он, но не пытался разорвать их контакт.

— А у меня лет в пять, кажется, ангина была... — Машу стало вновь в сон клонить. И хоть еще морозило капитально, но с ним рядом легче было это терпеть.

— Так у тебя ангина? — нахмурился Горбатенко.

— Нет, просто простуда внезапно... — вяло отмахнулась она. — Леля сказала, так бывает, когда мозгам передышка нужна.

— А она нужна? — хмыкнул Олег.

Маша только сонно передернула плечами.

— Ты все таблетки выпила? — Олег тормозил ее, не позволяя засыпать.

— Что? — сонно моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Лекарства, которые твоя подруга назначила, выпила? — он так на нее смотрел...

То ли у нее температура уж очень повысилась, то ли Горбатенко наконец-то и себе позволил расслабиться!

— А... нет. У меня часть была, я тогда выпила. А какие-то пойти купить нужно, но я уснула, как только Алена ушла, и вот, сейчас проснулась... — без всякой задней мысли призналась она, просто наслаждаясь его близостью.

— Твою ж ****! — тяжело и сквозь зубы выдохнул Олег, крепче прижав ее к себе. — Вот поэтому ты и должна была остаться у меня, а не сидеть здесь одна! Чтобы и за лекарствами было кого послать, и поесть могла, не думая, что и когда готовить. Ведь не ела же, даже не

пытаться спорить! — Олег заставил ее глянуть ему в глаза, вновь запрокинув Маше голову.

— Ну не ела, и что? Еда — не главное в жизни, Олег, — Маша вздохнула.

Сил не было. А еще, глядя сейчас в его глаза, в которых явно читалась тревога, вспомнила о том, что для нее казалось куда более важным.

— Это ты не голодала никогда потому, что в доме еды нет. Иначе понимала бы, что важно, а что нет, — все ещё сердито возразил Олег.

И все-таки снял туфли, взял тот самый пакет, который сам и принес, и потащил Марию в сторону кухни. Усадил ее на стул.

Справедливо, конечно. Но она не о том.

— Почему у меня такое чувство, что ты в моей квартире ориентируешься лучше, чем я у тебя в доме? — протянула она задумчиво, наблюдая за тем, как Олег свободно себя чувствует в обстановке, быстро обнаружив тарелку и ложку.

Оказывается, он привез ей обед. Или поздний ужин? Бульон... наверняка из курицы. Домашний... Даже еще не разогретый (микроволновку Горбатенко тоже не искал особо, вот точно знал, что и где стоит) — тот пах потрясающе. И сухарики, аккуратные, один в один, золотистые. И ещё что-то такое, паштетного вида... Свет на кухне они не включили, только небольшой светильник над самым столом, и в комнате царил полумрак.

И не голодная вроде, и плохо... А все равно захотелось всего попробовать, уж очень вкусно выглядело и пахло!

В ответ на ее замечание Олег только загадочно хмыкнул, продолжая накрывать для нее стол, пока бульон разогревался.

— Ты узнавал насчет Пети? Может, хоть какая-то информация о том, что мои братья себе надумали? — попыталась выяснить она, тяжело сглотнув.

Много все-таки говорила в последние десять минут.

— Душа моя, тебе об этом меньше всего думать сейчас надо. Отбивался от твоих братьев раньше, и сейчас не достанут, — отмахнулся от ее беспокойства Олег, поставил перед ней тарелку. — Ешь быстро, и таблетки выпьешь. Какие купить нужно? Я сейчас Диму отправлю, — посмотрел на нее так сурово и требовательно, что Маша поневоле рассмеялась.

— Знаешь, ты не так уж от Пети сейчас отличаешься, когда он считает, что лучше знает, — заметила Маша, но от бульона не отказалась.

Наоборот, с удовольствием склонилась над глубокой пиалой, и втянула аромат.

— Божественно пахнет! — искренне признала она, пока Олег недовольно кривил лицо после ее замечания. И, словно в детстве, принялась сухари кидать в пиалу.

— Вот и поела бы днем, а не убегала, — все ещё резко заметил Олег.

Маша просто подняла глаза и посмотрела на него. Молча. Долго.

Олег все понял.

— Душа моя... — Тяжело растер лицо руками. Сел напротив нее и резко выдохнул, посмотрев на эти самые ладони зачем-то. — Таблетки?.. — напомнил вместо того, что бы продолжить обсуждение прошлой темы.

— Там, около чайника где-то бумажка лежит, у меня последнего нет, — Маша с огромным удовольствием принялась за еду.

Не горячий, но очень теплый бульон так приятно грел горло, снимая боль. Даже сама согрелась. И вкусно-о-о. Хорошо так стало! Только в сон потянуло сильнее прежнего.

— А ты почему не ешь? — подавив зевок, глянула на Олега, вылавливая теперь набухшие сухари.

Он уже отправил сообщение охраннику.

— У меня встреча была, поужинал в ресторане, — мотнул головой Горбатенко.

И она вновь почувствовала, насколько он устал. Застыла с ложкой у рта, в его лицо всматриваясь.

— Ешь давай, — с улыбкой, которая слабо скрывала командные нотки, поторопил ее Олег. — Целый день голодная! Со свету сжить себя хочешь? — он явно был возмущен. — И лекарства выпьешь сейчас...

Ну точно, как ее брат... С нюансами, конечно, но его ворчание заставило Машу рассмеяться. А еще вспомнить кое о чем. Взяв пиалу двумя руками, она просто выпила бульон, вновь вспомнив детство... Чем сильно удивила Олега, похоже. Но не будет же он ей за это подзатыльник отвешивать, как влетало за такую торопливость в детстве?

Нет, наоборот, Олег почему-то широко улыбнулся.

Маша же резко встала, покачнувшись, не рассчитав.

— Куда? А лекарство?

— Сейчас, — она протянула в его сторону руку, словно успокаивая Олега. — Сейчас принесу, пакетики в спальне все равно. Ты чайник включи... И еще... — так и не закончив, наверное, оставив Горбатенко в недоумении, она побрела в спальню, держась за стену.

Он перехватил ее шагов через пять. Чайник включил, Маша слышала.

— Скажи где, я возьму, — настойчиво потребовал Олег. — Тебе сейчас только бродить. Или ложись уже, а я принесу готовое...

— И уедешь? — подняла на него голову, пусть и позволяла Олегу вести себя в направлении комнаты.

Он опять промолчал.

А Маша... ну она вообще по жизни упертая была. В такой-то семье как иначе? Да и потом, эта идея, которая пришла в голову пару минут назад, когда про него и Петю подумала... Может, тут, конечно, ещё и температура повинна, точно же высокая, кажется, все тело ломит. Вот и

лезло на поверхность все то, что с детства в семье не явно, но, без сомнений, давно прижилось. Суеверные они были. Все.

— Машенька, что ты делаешь? — похоже, Олег уже серьезно заволновался.

Но она, не отвечая, упорно рылась в ящике тумбочки, которая стояла около изголовья кровати. Сам Олег, уже обнаружив лекарство, подошел ближе. И стоял сейчас у нее «над душой».

— Маша... — наверное, он собирался ее уже оттащить.

Даже за плечи обхватил. Вот чувствовалось, что терпения у Горбатенко почти не осталось. Но все это аккуратно и мягко. Однако Маша уже обнаружила то, что ей было необходимо.

— Сейчас, Олег. Две минуты. Я выпью лекарство, обещаю, — слабо улыбнулась она, развернувшись. — Ты просто не спрашивай ничего, хорошо? И не спорь со мной, пожалуйста...

— Маша, что ты делаешь? — тут же спросил он, явно не поняв ее просьбы.

А может, того, что она уцепилась за его левую руку, сдвинула немного часы вверх и принялась обматывать толстой шерстяной нитью запястье, перекручивая и завязывая узелки.

Но она только шикнула в ответ на вопрос.

— Душа моя, я понимаю, что тебе плохо. Но это... как-то слишком, Машенька, — Олег почему-то широко и снисходительно улыбнулся. Однако не вырывался и руку не забирал. И то счастье. — И потом, я догадываюсь, конечно, примерно, для чего такие штуки вяжут. Только я не верю в это все. Вообще...

— А я верю, — закончив, решительно перебила его Маша. — И Петя с Колей тоже, кстати. У них такие же обереги есть, никогда не замечал?

Олег покачал головой и так на нее посмотрел... Ну, словно бы ему было очень жаль, что у нее такая температура высокая. Только и еще весело очень.

— Тоже ты вязала? — давась смехом, похоже, уточнил Горбатенко.

— Нет, зачем? — удивилась Маша, тяжело вздохнула. — У Пети же жена есть. Да и у Коли там кто-то... — передернула плечами и придавила себе лоб. — Ладно, давай свое лекарство, голова опять жутко болит, — вздохнула она с накопившейся усталостью.

Олег с неодобрением поджал губы.

Но Маша не дала ему вновь ее вычитывать, взялась за его руку, переплетая их пальцы, и уже первая пошла на кухню.

— И не вздумай снимать, — велела ему решительно, твердо глядя в глаза Олега, которые непривычно лучились смехом. И между бровей такая складочка... Ироничная до жути! — Да! Я в это верю... А тебе что, сложно, что ли? Оно же не пуд весит, не тяжело! И под часами твоими незаметно почти... Ну пожалуйста, Олег... Ну для меня... — ощущая, что ему все эти аргументы ничего не доказывают, пошла на отчаянный шаг.

Он это тоже понял. Посмотрел долго, непросто...

Так и застыли посреди прохода, глядя в глаза друг другу. Держатся руками, пальцы цепляются

друг за друга, но никто не нарушает шагами расстояния пространства между ними. Не сближаются больше. Оба в себе не уверены.

Сжала вторую кисть в кулак, нервничая. Ну как его убедить?! Как уговорить?! Сейчас, из-за этой треклятой простуды, в голову ничего толкового не приходило! А эта нить на его руке... Настолько для нее важна... Чтобы его хоть как-то обезопасить от недоброго. Не физически, конечно, не полная дура. Но ведь и ментального, эмоционального гнева и ненависти вокруг него предостаточно! Одного Пети с головой...

— Хорошо, душа моя, — наконец, шумно выдохнул Олег. — Но я все равно в это не верю...

Она не спорила. Расплылась в такой широкой улыбке от облегчения, что даже слезы на глаза навернулись. И, наверное, бросилась бы ему на шею от радости. Да только в дверь как раз в этот момент позвонили. Маша даже вздрогнула, разом растеряв позитив. Насторожилась.

— Это Дима с таблетками, скорее всего, — заметив смену ее настроения, предположил Олег.

И пошел к двери. Она даже не успела его остановить. А если не охранник, а кто-то из ее братьев, не дай Бог?! Быстро двинулась за Олегом.

Но судьба оказалась к ней милостива, на пороге в самом деле стоял Дима, протягивая упаковку таблеток.

— Хорошо, спасибо, — кивнул Олег, забирая те. — Еще полчаса где-то и поедем, — добавил он, видимо, чтобы охранник ориентировался во времени.

А Марию вдруг такой тоской накрыло! И страхом, и грустью...

Без причины, по сути. И просто одиночеством, и жадностью какой-то к нему! Нет, понимала, что хочет ее лекарствами напичкать, видимо, и уехать. Потому что куча своих каких-то доводов, и все же веские, сто процентов! Да и у Маши пара причин имелась, что бы его понять.

Но ей так плохо...

— Не уходи, — прижавшись лицом к его спине, едва слышно прошептала Маша. Коснулась ладонью его плеча.

Понятия не имела, слышит ли жалкую просьбу Дима? Но стыдно перед охранником не было... Слышит ли ее Олег хотя бы? Просто и отпустить его... так не хотела! Не могла. До слез просто...

— Пожалуйста. НЕ сегодня...

Лицом ощутила, как Олег напряженно застыл. Сомкнутыми веками почувствовала эту жесткую твердость каждой мышцы... И его резкий, шумный, какой-то обреченный выдох спустя несколько мгновений. словно дыхание задерживал. И вдруг шевельнулся, поднял вторую руку и накрыл ладонью ее пальцы, лежащие на его плече.

— Свободен, Дима, — отрывисто и резко. — Пусть кто-то тебя сменил, подежурят внизу. Ты будь к шести, — ничего не объясняя, распорядился Олег.

— Понял, Олег Игоревич, — не спорил охранник. — Мария Ивановна.

Кивнул и Горбатенко, и ей тоже. Все с невозмутимым выражением лица. И пошел к лифту. Олег закрыл дверь и только теперь обернулся к ней. Глянул сверху вниз с непонятым выражением, непростым и слишком мрачным.

А Маше все равно было — главное, что остался! Обхватила его руками за пояс и прижалась лицом к груди.

— Я готова пить лекарства, — голосом, в котором это счастье очень явно звенело, довольно заявила она.

Олег даже рассмеялся, будто вовсе не такого от нее сейчас ожидал. Сам обхватил ее плечи рукой, притянув ближе.

— Ты даже понятия не имеешь, чего от меня требуешь, — с шумным вздохом покачал он головой, но все-таки помог ей добраться до кухни и выпить все таблетки и порошок.

Глава 5

Маша уснула едва ли не сразу, как он заставил ее выпить лекарства. Просто отключилась, стоило голове коснуться подушки. А он... Ладно, он тоже устал. По-хорошему стоило бы пойти в гостиную. Но...

А пошло оно все! Можно же хоть иногда себе поблажку дать? Тем более что и сам на пределе выдержки. Да и устал зверски. Еще и эта вечерняя встреча — Ольшевский, давний приятель и партнер во многом, хоть и не нес никогда для него угрозы, но своим специфическим чувством юмора и восприятием жизни утомлял порою похлеще врагов.

К тому же, хоть Олег и помнил, что лучше бы не сокращать дистанцию, а уже это делал. И Маша ясно демонстрировала, что не собирается делать шаг назад... Упрямица... Он улыбнулся, глядя на то, как спокойно она дышит во сне, хоть щеки и горели. Температура упала, видно.

Он пропустил этот момент. Сам вырубился рядом с ней. Точно как и прошлой ночью. А теперь проснулся. Три часа проспал, но непривычное место все-таки тревожило подкорку, заставляя быть настороже, хоть и рядом с Машей. Правда, не настолько уж и непривычное...

Она заметила, ха!

Нет, он в Марии ни на миг не сомневался... Но и не мог ничего на самотек пустить, если ее касалось. Да, он уже бывал здесь тогда, когда хозяйки квартиры не было дома. Они с Димой каждый угол проверили еще год назад, кажется. Лично хотел удостовериться в том, что ее квартира — надежная крепость. Блин, знал бы, что не тех опасается касательно Маши!.. Но ладно, по ее братьям он ещё решит. Не спустит...

Сжал кулаки и тут же расслабил, стараясь управлять и напряжением, и злостью на этих сволочей.

А сейчас... Сейчас просто лежать рядом было сложно.

Как ни крути, а у него к Марии Ивановне далеко не платоническое притяжение. И даже все волнение и тревога о ее здоровье не могли унять того тягучего и мощного притяжения, которое протянулось между ними едва не с первой встречи. Тем более что все вокруг него в этот момент одурительно пахло ею. Забывая ему нос, рот, каждую пору в коже... Не то чтобы Олег не мечтал потонуть в этом омуте. Бредил этим желанием, и далеко не первый день... Не

месяц даже.

Только вот желание — лишь десятая часть той сумасшедшей какофонии эмоций, которые эта женщина вызывала в нем одним присутствием рядом. Тихим и торопливым взглядом, брошенным в его сторону через полный народу зал, сдержанной улыбкой, простым разговором в пустом кабинете. Бокалом вина одним на двоих...

Перевернулся на спину и глянул на наручные часы — начало третьего.

Взгляд зацепился за непривычно яркое пятно красной нити на его руке. Как-то инородно та смотрелась. И все же... Часы шестьдесят штук стоят, пусть Ольшевский когда-то и в качестве презента преподнес, а ему эта нить сейчас куда дороже показалась. Спросонья, видимо, тупит... Но... ведь заботится о нем.

Эх... Машенька...

Не смог ей отказать. А лучше бы уехал. Только если себе на горло наступить еще в состоянии, от ее простой просьбы отмахнуться — физически не под силу. А ведь имеет опыт и знает, что действительно тупое решение. Опасное. Особенно для Маши.

Может, сейчас уехать? Парни внизу дежурят. Тихо выйти, закрыть квартиру...

— Олег? — голос хриплый и все ещё ломкий.

Глаза даже не открыла же. Ну вот как, а?! Может, точно, шаманит, как с нитью этой?

Усмехнувшись, Олег повернулся к Маше. Она с трудом пыталась раскрыть глаза. Моргала. Он ощутил, как она протянула руку и горячая тонкая ладонь легла ему на скулу.

Ну хоть сейчас у нее руки теплые! Накрывл эти пальцы своей ладонью поверх.

— Что, душа моя? — тоже тихо спросил.

Ночью больше можно. Всегда разрешал и себе на малость свободней говорить... В последние сутки просто сорвало все стоп-краны. И совершенно не хотелось рушить сонной и вязкой, уединенной атмосферы темной спальни, где они только вдвоем и можно забыть о слишком большом количестве проблем. Даже если делить те на двоих...

— Показалось, что ты во сне остался... — сглотнула с трудом. — Что приснилось, будто не ушел, — усмехнулась.

Он эту ее полуулыбку на вкус ощутил. Темным воздухом ночи на коже почувствовал. Хотел бы прижаться к ее рту и выпить... Однако все еще держал себя. Все еще...

— Показалось, — хмыкнул с веселой иронией. — Никуда мне от тебя не деться, кажется... Сейчас — так точно.

Маша довольно вздохнула и перебралась ближе, устроившись на его руке. Уткнулась носом в шею...

— И потом не отпущу, — выдохнула.

Огнем по его коже. Кровь в голову ударила. А он все о доводах помнит, дурак.

Вообще обнаглела... Но Олег и сейчас ей ни слова не сказал. Знала же, что позволит. Читала его этими пальцами, так и лежащими на его щеке.

Почти лицо к лицу. И говорить нужды нет... Одним этим фактом наслаждаются оба. Смешно... обхохочешься. Взрослые же «до крику»: он пятый десяток разменял, и Маша давно четвертый. А ничего и не нужно в данный момент больше этого пронзительного молчания и возможности рядом лежать. Потому что жизнь как раз и научила, насколько бесценны люди, с которыми можно так ночь разделить. Мысли, душу, безмолвные фразы...

И все же существовал момент, который ему со вчерашней ночи не давал покоя.

— Машенька, — обхватил ее плечи, буквально пригвоздив к себе. — Душа моя, только честно скажи мне, без вот этих вот твоих юридических уверток. Твои братья... Они когда-нибудь позволяли себе еще что-то, кроме побоев? — выдал из себя. Выплюнул почти.

Не хотелось ее мучить, сам воздух в этой спальне марать. Но Олег должен был знать. Ему этот вопрос со вчера весь мозг проел. Наизнанку сердце вывернул. Не потому, что для него изменило бы что-то... Не в отношении к Марии.

И ведь не врал ей, ему сейчас такое соцслужбы в отчетах на стол клали, что и у Олега, при всем его багаже, волосы дыбом становились. Потому что, несмотря на мотивы и цели, должно оставаться внутри что-то человеческое. А многие из тех, кто на людях добропорядочного играл, внутри не то что с гнильцой — завонялись уже, превратившись даже не в зверей. В нелюдей.

Она попыталась приподняться. Но он потому и обнял, чтобы не улизнула. Не пустил. Однако Маша все равно уперлась подбородком ему в плечо, словно старалась заглянуть в глаза Олегу.

— В смысле? Ты о чем? — похоже, с искренним недоумением уточнила она.

Еще не совсем расслабился. Но немного отлегло от сердца.

— Физическое насилие часто и сексуальным сопровождается, — вроде отстраненно и держась казенных формулировок, заметил Олег.

Мария секунду молчала. Он физически ощущал ее удивление. А потом искренне рассмеялась. Правда, этот смех очень быстро перешел в кашель, и она уткнулась ему в грудь, мотая головой.

— Нет, никогда, Олег, — все ещё стараясь отдышаться и от смеха, и от кашля, завершила его Маша. — Ни Петя, ни Коля и в мыслях подобного никогда не имели, наоборот даже.

Выдохнул. Разжалось что-то в затылке, что до этого и не осознавал.

А Маша поглубже завернулась в одеяло и его руки, зевнула, опять прижавшись к его шее. А нос все равно холодный. Но ему так хорошо, что у него под боком! Так правильно это ощущалось.

Только эти ее оговорки не давали целиком расслабиться.

— Что значит «наоборот»?

— Слушай, ты сам хуже любого юриста, — выдохнула она с весельем. — Не даешь мне спать.

— А ты не молчи, раз уж начала. Быстрее расскажешь — быстрее вновь уснешь, — не повелся Олег.

Маша только вздохнула на его требования. Первая ночь у нее, и ему вот все-все выпытать надо! Ну и ладно, ей жалко, что ли?

— Ко мне как-то пробовал полезть один из друзей Пети. Мне четырнадцать было. Зажал в подъезде, старший же. Не вырваться. Да и не отбиться особо, хоть и опыта драк хватало. Так и не драка... Вроде и в шутку, но и целоваться лез, и облапать пытался. Обжимал, — даже сейчас внутри гадливость появилась, хоть давно прошло. — Не дошло до чего-то слишком уж открытого. И все же. Я домой как забежала, парни сразу поняли, что не так, заставили все рассказать, — Маша чуть криво улыбнулась. — В общем, на дружбу никто не смотрел. Идиота того потом еще долго по частям ортопеды собирали, переломов много. Но отец даже шанса не дал его родителям куда-то пойти. Сам пригрозил таким сроком, что и не поткнулся никто. И сыновей поддержал. Как ни крути, а моя честь — честь всей семьи Коваленко. И братья меня всегда оберегали тут. Даже с избытком. Не видели достойных мужчин вокруг.

Олег, молча слушавший ее рассказ, только сжимавший плечи Маше очень сильно, вдруг рассмеялся.

— Ты сама меня вынуждаешь задавать новые и новые вопросы, душа моя. Не спать тебе сегодня! Нутром чую, в последней фразе тоже подвох. Давай уже чистосердечное, что ли!

Немного повернул голову и прижался губами к ее макушке.

Маша рассмеялась для виду. Зажмурилась. Обняла его рукой поперек груди.

Обоих трясет. Она чувствует. И его напряжение ощущает как свое собственное. И понимает все. Ведь то же самое испытывает. Добраться бы до него... Позволить себе все, о чем только ночью и думала... Или тогда, когда он позволял себе касаться ее затылка, волос... Господи! Сколько же ей от него получить бы хотелось! Сколько самой дать...

— Нет, на сегодня хватит историй. Завтра приедешь — расскажу историю про то, как я замуж однажды собралась, — буквально вытаскивала из себя слова, каким — то чудом держась легкого тона.

А самой стащить с него эту треклятую рубашку хочется, в которой вновь рядом улегся! И...

Но дальше Мария просто не позволяла себе думать. Да и не до того сейчас, если по — честному, в ее-то состоянии.

Олег резко выдохнул. Шумно, тяжело. Словно мысли читал. И даже с каким — то упреком. Если можно с упреком дышать.

— Душа моя... Ну вот что ты делаешь со мной, а? На что подбиваешь? — сразу даже не разберешь, то ли Олегу смешно, то ли недоволен?! Все смешалось в его голосе, сразу, и смех, и претензии. — Сказками Шахерезады увлекалась, да? — вновь поцелуй, только теперь почти кожу, по самой линии роста волос на ее лбу.

— Н-е-е-ет, такого мне читать не разрешали. Разве что детскую интерпретацию, — рассмеялась Маша. — Но концепция мне по душе, раз я только так могу тебя пока к себе затащить, — взяла и легко поцеловала его в подбородок, губами ощутив, как он сжал челюсти и замер, впитывая ее касания с такой же жадностью, как и Мария — его.

— Машенька, неужели ты действительно считаешь, что я бы не хотел вот так каждую ночь проводить? — едва слышно и невесело.

Тяжелый вздох у обоих вырвался, кажется. И вновь затихли. Только и ей нужна была информация, чтобы понимать больше. Чтобы свою линию гнуть и личный интерес отстаивать.

— Ну а ты? — пытаюсь развеять то вязкое и непростое, что повисло в воздухе над ними, легкомысленным голосом уточнила Маша.

— Что я? — похоже, в самом деле не разобрался Олег.

— Тебе сорок три, — таким тоном, как он на ее вопрос о его знакомстве с квартирой Маши отвечал, намекнула она. — Что — то же было в жизни? Невеста, жена, просто девушка...

— Я думал, ты и так про девок в курсе, — поддержал ее тон Олег, хмыкнув с сарказмом. — Едва не каждый раз умудряешься приезжать и выставять...

Маша рассмеялась опять, хоть горло и болело.

— Это случай. Или интуиция, которую и я не контролирую, — пожала плечами, сосредоточившись на тепле его кожи, непривычном еще и немного колючем касании щетины на подбородке, которая уже пробилась. Вдыхала его аромат. — Только теперь так легко уже не смогу на это смотреть, Олег. Сразу говорю. Как есть. Я, вообще, жутко не люблю, когда мое трогают. А ты мне дал это ощутить за последние сутки — что «мой»...

Опять повисло в тишине спальни. И снова не просто. Никак не уйдут с острых тем.

— Я тоже собственник, душа моя, да толку? — хмыкнул хрипло и напряженно Олег.

Она намек поняла, как ни странно.

Когда они познакомились только, у нее были отношения с одним из адвокатов, который вместе с Колей работал. Непонятно до конца: серьезные или нет? Видимо, не особо. Но вместе почти два года были, и интересно, и неплохо. Не жили вдвоем, у каждого свой дом, однако пара... А потом Маша просто не смогла. Не в состоянии оказалась через себя переступить снова и снова. Обнимать другого. Даже несмотря на то, что Горбатенко ни разу до вчера не обнимала, и с Олегом у нее никаких же отношений, требований или разговоров об этом не было.

— Я давно порвала с ним, — закрыла глаза.

— Я знаю... И это тоже виной на мне, — стиснул свои руки на ней крепче.

Станный разговор. Дурной и не нужный, казалось. И так все понимают, зачем еще друг другу по аорте тупым ножом?

— И не уходи от вопроса, — вернулась к началу. — Я не о том спрашиваю. О серьезном...

Олег молчал минуту, наверное.

— Ты — серьезная.

Опять не понять: с сарказмом, с иронией или категорично?

И мурашки по спине. Сердце в груди галопом. Так и не может открыть глаза: и больно, и

сладко, и внутри все замерло. А он снова и снова ей кожу под волосами на виске губами ласкает, своим дыханием тревожит.

Сама молчала минуты три, впитывая щекой стук его сердца в груди. Ночь на исходе. И словно наяву слышит, как убегают секунды.

Сколько там осталось до шести?

— Мы сейчас о прошлом разговариваем...

Горбатенко фыркнул, словно понял ее мотив. Перевернулся набок сам и Машу повернул, обняв со спины рукой, притиснул к своей груди, лицом уткнулся в затылок, прижав губы к затылку теперь. Сжал плечо Маши пальцами... Безумно. Впритык... На грани близости и трепетной интимности. И плевать, что в коконе из одеяла! Оба достаточно взрослые и честные, что бы понимать, чего каждый хочет, и о чем не говорят. В состоянии додумать...

— Вот завтра и поговорим, когда ты мне свою историю о прошлом расскажешь, — сказал, как отрезал. Ясно давая понять, что больше обсуждать сегодня не намерен ничего.

Но Маша и не спорила в ответ. И так — вон сколько получила! Его запах, его тело около нее, объятия и молчаливые касания губ к затылку и шее, от чего пульс зашкаливал так, что в голове звенело. И уже позабылось, что, вообще — то, простужена...

И завтра приедет к ней! Она за три года и четверти подобного не имела. Так что Мария была вполне довольна достигнутым компромиссом по информации.

А утро пришло слишком быстро. Глаза словно песком засыпаны и тут точно не простуда виновата. Буквально вынудила себя подняться, стащила с кровати, стоило телефону Олега прозвонить будильником. Без двадцати минут шесть на часах. Вновь уснули часа полтора назад, не больше. Олег так и обнимал ее со спины, согревая затылок теплом своего дыхания, всю Машу своим теплом.

Сказал, что бы не дергалась даже, не вздумала вставать. Ага, не на ту нарвался.

— Давай я кофе тебе сварю, пока Дима приедет, — предложила хриплым со сна голосом, и не думая подчиниться.

Кое-как попыталась пригладить волосы пальцами. Одернула кофту пижамы, в которой он и застал ее вчера.

— Лежи лучше. Не выздоровела же еще, — недовольный тем, что она не послушала, Олег смерил ее строгим взглядом.

Что только заставило Марию улыбнуться.

— Еще за день бока отлежу. Хотя мне лучше, знаешь? — и сама немного удивленно заметила. — Температуры уже нет, видимо. Но в контору точно не доеду...

— Какая контора, душа моя?! — уже с открытым возмущением. — Только попробуй выйти из дома...

— Ого, Олег Игоревич, мне чудится в ваших словах угроза... — легкомысленно и с иронией поддела Олега, вздернула бровь и, махнув рукой на прическу, пошла в кухню.

— Прямая причем, — вроде и недоволен еще, а рассмеялся.

И пошел следом.

— Так каким образом за мной слежка ведется? — вспомнила почему-то, пока включала кофемолку и отмеряла кофе в турку. Добавила воды и включила плиту.

— Профессиональная тайна, — хмыкнул Олег в ответ.

Остановился, наблюдая за ее действиями. Вроде бы сесть собрался на табурет, но тут подошел к ней со спины и стиснул в объятиях, сжав плечи руками, прижался лицом к волосам Маши, шумно втянув в себя воздух.

У нее кофе сбежал. Громко забулькал и зашипел, выкипая с керамической поверхности электроплиты. Потому что Мария задрожала вся, забыв о готовящемся напитке.

— Прости, — прошептал Олег ей в волосы ничуть не раскаивающимся голосом.

И рук не расцепил.

— Ничего, этот я выпью, тебе сейчас другой сварю, — тоже без всякого недовольства заметила Мария. А голос дрожал от эмоций. Но она и не пыталась это скрыть.

— Не надо, меня и этот устроит, — хмыкнул Олег.

Маша немного скептически глянула на него через плечо.

— Дима будет через семь минут, времени нет на новый, — пояснил он.

— Тогда чашку достань, — удерживая на весу турку с кофе, чтобы тот вновь не убежал, кивнула в сторону верхнего шкафа.

Олег протянул руку и, распахнув дверцу, достал чашку, отдал Маше. А сам повертел непечатую бутылку вина, которая стояла около нераспакованного бокала в том же шкафу.

— Не угодил? — теперь уже он косо глянул в ее сторону, так и держа ту бутылку одной рукой, а второй приняв из ее рук чашку кофе.

— Угодил, — Маша улыбнулась, немного жалея в душе, что он перестал ее обнимать. Но стоял так же близко, и то радость. Принялась варить себе кофе, досыпав в турку ещё и корицы. — Только я не пью в одиночестве, даже любимое вино...

— Намек услышан и понят, — хмыкнул Олег, отпив из своей чашки, отставил бутылку и без просьб достал еще и для Маши чашку. — А что ж без молока? — поинтересовался, глядя, как и она отпивает напиток.

— Не хочу от тебя отходить, и так времени мало осталось, а молоко в холодильнике, — просто и без затей призналась Маша, прижавшись к его плечу.

Он обнял ее крепче. И словно что — то сказать хотел... Но вместо этого только опустил голову, прислонив свой лоб к ее плечу.

— Не снимай нить, пожалуйста, — взгляд зацепился за амулет, который сама ему вчера сделала. Решила напомнить.

Выпрямился. Улыбка Олега стала шире.

— Не буду, пообещал же уже. Да только она хлипкая, того и гляди, сама порвется, — двумя глотками допил свой кофе. Отставил чашку и провел рукой по ее волосам, путаясь пальцами в прядях.

— Просто так не порвется, — улыбнулась Мария, даже в мыслях не решаясь пока обдумывать происходящее. Впитывала, наслаждалась таким сладким и неожиданным утром, совершенно непривычным для них в каждой минуте. — А если все-таки лопнет — мне говори. Сразу, — глянула сурово. — Это важно! И не просто так...

Олег рассмеялся этому требованию и взгляду. Но сказать ничего не успел — в дверь позвонили. Ровно шесть.

— Хорошо, скажу, душа моя, — Олег кивнул и пошел в коридор, открывать своему охраннику.

— Там какие-то документы были, про которые ты говорил пару дней назад, — решив не обращать внимания на его легкомыслие в прошлом вопросе, вдруг вспомнила Маша, потянувшись следом. — Пришли кого — то, пусть мне привезут. Я просмотрю сегодня.

— Отдыхай лучше, — и не думая соглашаться, похоже, Олег открыл своему охраннику. — Сейчас, Дима, минута.

— Понял, — Дмитрий кивнул. — Доброе утро, Мария Ивановна, — поздоровался с ней. — Жду, Олег Игоревич, — прикрыл сам двери, кажется, отправившись снова вниз.

Олег тем временем обулся и набросил пиджак.

— Да мне уже гораздо лучше, — не согласилась Маша, и сама взяла с вешалки его пальто, протянула Олегу. — Хоть скучать не буду, пока выздоравливаю.

Олег с сомнением посмотрел в ее глаза, словно проверяя состояние Маши таким образом, но в итоге кивнул. А вот пальто брать не торопился.

— Оставь, — перехватив ее руку, велел он. — Мне хватило того, что ты раздетая по паркам гуляешь.

— Олег, у меня есть пальто, — рассмеялась Маша. — И пуховик еще, и шуба тоже. Тогда просто со злости выскочила от Пети, не одеваясь. Так что тебе ещё промерзнуть — причин нет. Или тоже себе больничный хочешь устроить? — поддевая, приподняла бровь с улыбкой.

Добилась своего — он рассмеялся, взял пальто, а заодно и саму Машу обхватил двумя руками, словно напоследок, крепко прижав к себе всем телом.

— Мне больничный не светил и не светит, Машенька, — покачав головой, прижался губами к ее виску. Напряженно, жадно. Будто большего хотел, но все ещё крепко держал любые желания в узде своей воли. — Сама знаешь, не та должность...

— Загонять себя тоже не вариант, — а вот она не сдерживалась и обняла в ответ крепко, и поцеловала его в колючую шею. Куда достала, и куда сам Горбатенко позволил. — Не железный же...

— Железобетонный, — хмыкнул он, отмечая ее замечания. Погладил пальцами подбородок

Маши, где так и остались еще синяки. — Все, пора, — коротко поцеловал в макушку и отошел.

— Документы, — напомнила Маша.

Про вечер не напоминала, не сомневалась, что он и сам не упустит возможности — выяснить про нее все, до последней мелочи, если следит даже. А этого ему никто не расскажет, кроме самой Маши или ее братьев. Но она как-то сомневалась, что Олег позвонит Петру или Коле по такому вопросу.

— Хорошо, часа через два пришло Диму, — уже не спорил Олег. Видно, в самом деле было с чем разбираться, как бы он ни хотел ее не нагружать. — Отдыхай, — вышел.

Маша закрыла дверь на замок и побрела на кухню, допивать свой кофе. Теперь уже и молоко можно достать из холодильника...

Олег набрал через часа полтора.

— Дима поехал к тебе. Вот-вот будет. Там по Овчаренко, но есть и ещё одно дело. Если будут силы, почитай. А нет — не напрягайся, не срочно, — таким тоном, будто сам на себя злился, что ей уступил, но при этом и беспокоясь, начал распоряжаться.

Маша рассмеялась из-за этого диссонанса его слов и тона.

— Хорошо, Олег, — не собиралась уступать теперь права по имени его называть. — Все гляну... — в этот момент раздался звонок домофона. — О, а вот Дмитрий, наверное, — пробормотала она и пошла к двери.

— Скажешь, что бы набрал меня сразу, как выйдет, — попросил Олег.

Но Маша неуверенно замерла в коридоре, глядя на небольшой черно-белый экран домофона.

— Машенька? — заметив эту паузу, тут же насторожился Олег. — Что случилось? Кто пришел?

— Это не Дима, — тихо призналась она. — Коля...

По квартире вновь разнесся звонок.

— Маш, я знаю, что ты дома. И машина твоя внизу стоит. Открой, нам надо поговорить, — глядя прямо в глазок камеры, попросил брат, явно демонстрируя, что не планирует уходить.

— Не открывай, — напряженно и резко велел Олег. — Дима его отправит восвояси...

Только она не хотела усугублять его конфликт с ее братьями, в чем бы тот ни заключался.

— Не надо, Олег. Я поговорю, — вздохнула Маша. — Да и Коля мне ничего не сделает. Все нормально будет. Не собираюсь вас сталкивать, — щелкнула замком.

— Не разрывай тогда связь! — напряженно велел Олег. Сердито и недовольно. — Хочу точно знать, что с тобой все хорошо. Не доверяю... этим, — через мгновение пояснил, словно извиняясь за эту резкость.

— Хорошо. Только Диме как-то сообщи, чтобы подождал пока, — не спорила она.

И, включив громкую связь, отложила телефон на комод, а сама распахнула дверь.

— Привет, Коля. Заходи, — отступила, пропустив брата внутрь. — Зачем приехал? — не очень приветливо, да.

И он это отметил. Но у Маши имелись претензии. А еще... двери она так и не закрыла. Просто, на всякий случай.

Глава 6

— Привет, Машунь. Это тебе, — Коля протянул ей красивую коробку эклеров и, наклонившись, чмокнул в макушку.

Хороший адвокат. Один из лучших в стране. Недаром в их среде, в самом деле, в этом году негласно получил титул «адвокат года», хоть Олег и с презрением отнесся к этому. Но вот же, даже к визиту к Маше подготовился — не придраться.

Эклеры были не обычными — ручной работы. Ее любимыми, которые Маша покупала не так и часто. Хоть и удовольствие, а не самое дешевое.

— Спасибо, Коля, — усмехнулась, показав, что оценила. Отложила коробку на комод к телефону. — Так что тебя привело ко мне с самого утра?

— Как ты себя чувствуешь, Машунь? Идешь на поправку? — вновь не углубляясь в причины своего появления, поинтересовался Коля. — Может, надо что — то купить или привезти?

— Уже лучше, спасибо. Все уже есть, не надо ничего, — даже с иронией отмела его предложение Маша, внимательно глядя на брата. Раздеться ему не предложила.

Николай заметил, но не настаивал. Расстегнул пальто.

— Не смотри так, — хмыкнул Коля. — Упрек неуместен, сама не отвечала ни на один звонок, спряталась где-то, да я и сомневаюсь, что ты открыла бы мне вчера, если бы я приехал. Не первый же день тебя знаю, Машуня. И Алена твоя несколько раз упрямо убеждала меня, что у тебя ничего серьезного. С твоей подачи, как я понимаю? — весело глянул на нее.

В принципе, брат был прав во всем. Да и характеры друг друга они уже досконально изучили. Потому только улыбнулась, не опровергая, но и не подтверждая.

— Кофе не угостишь? — поняв, очевидно, что они так и топчутся в прихожей, поинтересовался Коля, пока она его изучала.

— Нет, — в его тоне хмыкнула Маша, но очень категорично. — Тогда и эклерами придется делиться, что ты мне привез. А я на эти пирожные жадная, знаешь же, — отшутилась.

На самом деле, ещё не помыла чашку Олега — так и стояли две на столе. Пока душ приняла, пока переоделась и голову высушила... Хоть и хорохорилась утром перед Олегом, а еще слабость ощущалась и все делала гораздо медленнее. Так что сейчас отвечать на вопросы, с кем утром кофе пила, не собиралась.

— Сердишься, — хмыкнул Коля. Не спрашивая — констатируя. Посмотрел на нее внимательно, видно, также заметив следы пальцев Пети на ее щеках. — И есть за что, — в глазах брата появилось искреннее сожаление. — Прости, поздно остановил Петьку...

Маша против воли рассмеялась.

— Все, Коля, хватит. Я знаю, что ты один из лучших адвокатов. Теперь давай, говори, зачем спозаранку приехал? Только восемь часов, — приподняла бровь, требуя прекратить все эти «пируэты».

— Еще вопрос, кто бы из нас лучший адвокат был, — усмехнулся и Коля. — Зря ты ушла, сестренка. Осталась бы — и в этом году совсем не я мог бы лучшим быть...

— Не начинай, — покачала Маша головой. — Сто раз говорили. Вы и без меня неплохо управляетесь.

— Вообще — то, я действительно серьезно волновался о твоём здоровье, Машунь. Могла бы хоть пару слов написать. — Укор в глазах. — Просто знал, что раньше ты бы меня не пустила, — вроде как уступил ей брат. Оперся спиной на стену. — Так что, серьезно, кофе не дашь? — дурашливо заломил бровь, рассмешив ее вновь.

— Серьезно. Нет кофе. Кончился. Только около одиннадцати привезут зерно, — опять схитрила. — А поговорить о чем хотел?

Николай стал серьезней и посмотрел на нее очень внимательно.

— Петя жалеет о том, что так сложилось. Честное слово, Машунь. Он не собирался обострять. И с тобой помириться хочет. Только сама же знаешь, для него Горбатенко вспомнить — все равно что перед быком красной тряпкой помахать...

Ага, парламентарий с предложением мира. Опять.

— Не я подняла вопрос об Олеге Игоревиче позавчера. Он сам начал, — передернула Маша плечами. Не собиралась тут идти на попятный.

Коля улыбнулся так, словно прекрасно уловил мысли младшей сестры.

— Не ты начала, верно, — согласился. — Но ведь это ты с ним сотрудничаешь, вот Петя и взбеленился.

— Коль, я вам говорила миллион раз, прекратите вмешивать меня в ваши дела. По горло сыта. Хватит! — отрезала Маша, начиная злиться.

Теряла практику невозмутимости, что ли? Давно в судах не выступала, где постоянно холодная голова необходима, несмотря на любые скользкие темы. Хотя ее братья и тогда умели довести Машу. Петр больше, конечно.

— Да, я помню, что тебе наш подход не по вкусу, Маш, — вроде призывая к перемирию, Коля вскинул руки. — Только у Горбатенко он чем лучше? Думаешь, наш губернатор законней дела ведет?

Маша резко выдохнула. Она неплохо знала, как Олег дела ведет. И камень Коли в его огород был не настолько уж условным. Но...

— А я ни его, ни вас, ни других спонсоров об источнике доходов не спрашиваю. У меня благотворительная организация, опекающая сирот, а не налоговая полиция, Коль. Мне о детях думать — первостепенно, а не ваши источники доходов проверять, — ответила резче, чем

стоило. Коля заметит и задуматься может.

А о том, что неподалеку включенный телефон лежит — позабыла уже. Пыталась воли раздражению не дать и все равно злилась.

— Ты ведь не только по фонду с ним сотрудничаешь, да, Маш? — как — то устало и напряженно вдруг спросил Коля, растерев лоб. Глянул внимательно.

В животе похолодело почему-то. Но на лице не дрогнула ни одна черта.

— В смысле? Ты о чем, Коль? — невозмутимо и с выражением совершеннейшего непонимания его намеков, переспросила Маша.

— Я не говорил Пете, да и не собираюсь, Машунь. Ты взрослая и своя голова есть. Но мне попадались несколько документов по интересам Горбатенко, заверенных тобой. Как с тем же Овчаренко. Это уже тенденция, а не единичный случай. И дела... не рядовые... С ним сотрудничаешь, значит, а от наших предложений нос воротить? — Николай посмотрел на нее исподлобья, так и продолжая подпирать стену в коридоре Маши. Но без злости или раздражения. Скорее, и правда хотел разобраться. — Чем дела Горбатенко тебе выгодней или интересней? Он дает долю больше, чем Петя тебе предлагал и переводит за помощь нам?

Кровь в голову ударила так, что Маше жарко стало.

И дикая злость. Гнев, который, казалось, уже давно придушила и успокоила. Ан нет! Притаился только, тлел внутри, вместе с дикой обидой.

— Не мешай грешное с праведным, Коля! — от гнева горло сдавило, сипеть начала, словно бы вновь боль мучила. — Горбатенко мне оплачивает консультации и помощь по общим расценкам! Зато никто — слышишь?! — ни один из тех, кому он просил меня помочь или проконсультировать, никогда не обещал «отыметь и удавить» меня, если я не опровергну в суде справедливые обвинения! — под конец с такой силой это из себя выплеснула, что голос поломался.

Откашлялась, понимая, что ее трясет. Грудь давило. И в голове все ещё стучало.

Не хотела вспоминать. До сих пор трясло и выворачивало от отвращения.

Коля почернел лицом. Буквально.

— Кто?! — проревел так, как она от этого брата еще не слышала.

Оттолкнулся от стены, нависнув над Марией. Ей даже не по себе стало. Отступила невольно к двери.

— Маша, кто посмел тебе такое... — и вдруг замолчал. Сам догадался. По глазам видела. — Шаховец?! — тем же тоном буквально рявкнул Николай.

— А что ты орешь так, словно не знал? — с сарказмом хмыкнула Маша. — Я Петру все причины перечислила, когда отказалась продолжать представлять защиту Шаховца и попросила, чтобы вы все дела с ним прекратили. Дословно, с записью на диктофоне, — скрестила руки на груди, стараясь этим отгородиться от противных и тяжелых воспоминаний.

От своих эмоций и обиды на то предательство близких.

— Твою ****! Я не знал, честно, Машуня! Вообще! Мне Петя не сказал этого, — прохрипел Коля неожиданно для нее.

И так глянул... Она знала, когда ее братья ввали. И сейчас Николай был откровенен. А еще чувствовал себя виноватым. Будь на его месте старший, может, и не поверила бы. Но Коля сейчас не обманывал...

— Петька сказал, что ты недовольна раскладом и тебе само дело не по нутру. Ну, при твоём чистоплюйстве, я и не удивлялся, — Коля растерянно запустил пятерню в волосы, растирая голову. — Да и долей недовольна...

— Какой долей?! — рассмеялась Маша, но с горечью. — Я брала только свой гонорар! Меня в ваши дела втягивать не надо, сто раз говорила, Коля! Я сама, своими мозгами хорошо зарабатываю!

Замерли посреди коридора, глядя друг на друга.

Новые факты. Болезненные, обидные... Опасные. Новое понимание. И переоценка очень многого. Самих отношений прежде всего. Почему — то как никогда до этого ощутили, что они родные... Оба это вдруг осознали.

Как и то, что Петр за их счет свои планы какие-то реализовывал, однозначно, разделяя и держа младших в неведении.

— Маша, просто чтоб уже никаких вопросов больше и недопонимания, Петр тебе хоть раз перечислял деньги, которые должен был ежемесячно отдавать? — так и не отступив уже, Коля тяжело выдохнул.

Она глянула с непониманием.

— Коль, я не знаю, что он там должен был. И зарабатываю сама, — упрямо прояснила Мария, начав подозревать, что Петр и Николая прилично разводит, обманывая. — Никаких денег он мне не перечислял. Если не считать пожертвований в фонд... Ну, как и ты делаешь.

— ****! — брат выругался. Тут же виновато глянул на нее. — Извини, Машунь. Вырвалось... Падла, Петр, блин! — резко выдохнул.

А потом неожиданно взял и сгрел Машу в медвежьи объятия. У них в семье все мужчины крупными были, как и отец. А она в мать — тонкая и невысокая.

— Коля, полегче, а! — прохрипела, хоть и ясно было, что ничего плохого и в мыслях у брата не имелось. — Мне дышать нечем.

— Прости, Машунь. Не со зла, — тут же ослабил хватку. — Хреновый я брат, да? Плохо о тебе заботился. Допустил такое... Еще и против Петьки слова не говорил, когда он тебя кошмарил за Шаховца... Даже не представлял, поклясться могу! Прости... — снова крепко обнял, только теперь осторожней.

Маша растерялась, обняв брата в ответ.

Она была уверена, что Петр с Колей всем делится и у них одна тактика. А выходит... Мутит воду их старший брат. Пытался всеми управлять для каких — то своих целей и выгод? «Разделяй и властвуй» — лучшая стратегия. И не врал же конкретно, тут схитрил, там чуть

приукрасил...

А Николай сейчас не притворялся и не врал. Она его хорошо знала. И вину, о которой брат говорил, действительно видела в его глазах, как и раскаяние, и самобичевание. И это смягчило ее в отношении к Коле.

— Ладно, опустим, Коль. Дело прошлое. Хотя я все равно считаю, что вы зря с Шаховцом продолжаете дела иметь. Это человек без каких-либо норм. И со смертью его партнера... Нечисто там, Коль. Да, не по этому делу суд был, но я все равно невольно влезла боком... Не чист он...

— Так, вот сюда тебе точно лезть не надо. Тем более после того, что я узнал. Не хочу тебя подставлять, Маш. Хватит, — распорядился брат, продолжая ее обнимать, но уже мягче. — Я тебя услышал и к сведению принял. Учту все, и по Петру... я проверю. Ты пока не иди на конфликт. Мириться не прошу уже... Хотя он и хочет, что бы ты помогла там в паре моментов... Но теперь... Блин, Маша, говори со мной, лады? Я, может, и не лучший брат в мире, но не хочу о том, что тебе угрожают, узнавать последним! Как помочь тогда?! — резко и шумно выдохнул. — Какого черта только Петя это от меня утаил?! — Николай снова ругнулся и растер подбородок, словно что-то в голове просчитывая. — Так, все. Ты сейчас выздоравливай. Не пропадай больше, звони! — распорядился, заметив, что она наблюдает. — Я серьезно, Маш. И я тебе денег переведу. Не спорь даже! — стоило Маше рот открыть, оборвал Коля. — Предполагалось, что это Петя делает, однако он и тут что-то мутит. А ты — часть семьи и имеешь полное право на наш доход с бюро, тем более...

— Коля, — попыталась воззвать к брату. — Мне хватает. Всего и на все. Не надо! Не хочу иметь ничего общего со всем этим...

— Нет, Маша, так не пойдет. Причем тут наши дела? Это твоя часть семейного дохода, — не согласился брат. — Ешь эклеры, знаю, что эти любишь, — перевел разговор. — Я поехал сейчас, у меня через полтора часа слушание, а столько теперь проверить нужно... Звони, серьезно, — торопливо чмокнув ее в макушку, Коля напоследок приобнял Машу за плечи и выскочил в подъезд.

Неожиданное утро. И разговор. В самом деле есть о чем подумать...

Мария взяла эклеры с комода. И вот тут ее взгляд остановился на телефоне, о котором успела позабыть...

— Уффф... — выдохнула, по — настоящему занервничав.

Ничего из этого она не собиралась Олегу сообщать. Вообще. Он и так был чрезмерно озабочен идеей ее безопасности, кажется.

— «Уффф» — это очень мягко, Машенька, — явно следя за ситуацией и с ходу раскусив ее, отозвался по связи Олег.

— Олег... — Маша схватила телефон и, переключив связь на обычную, прижала к уху. — Это все уже давно было и...

— Нам очень много надо будет обсудить вечером. Очень... — не вняв ее уверению, размеренно заметил Горбатенко. И его голос... У Маши мороз по спине прошел. — Отдохни днем, душа моя. Ночью тебе не выспаться.

— Олег, я серьезно не думаю, что это стоит того...

— Мария Ивановна, у вас все нормально? — дверь, которую она так и не заперла за Колей, открылась, и в коридор заглянул Дима.

Похоже, охранник стоял неподалеку на этаже все это время. Страховал все же. Олег...

Против воли Маша улыбнулась, кивнув Дмитрию. Махнула рукой, разрешая проходить. У охранника в руках было несколько папок и какой-то пакет. Опять еда? Олег-Олег... Но не спрашивала Диму. Вернулась к разговору с Горбатенко. А он все ещё злился.

— Машенька, а тебе не надо думать. Тебе нужно просто мне все рассказать, думать я буду, — вроде и спокойно, но с таким напряжением и гневом в голосе отрезал Олег, что она против воли вздрогнула. — И твоих мудаков-братьев я даже в километре от тебя видеть не желаю. Решу это, — еще жестче бросил...

— Олег... — голос дрогнул. И он это услышал, тяжело втянул в себя воздух, словно сбрасывая напряжение. — Не надо так. Видишь, Коля тоже не знал. И раскаивается. Не могу понять, правда, что Петр в таком случае задумал? И для чего? Я в растерянности... — потеряла висок, ощущая, как от попыток разобраться появляется в голове острая боль. Не выздоровела ещё до конца, как ни крути.

А Горбатенко, непонятно как, словно бы уловил, что ей стало хуже. Поменял тон.

— Так, ты сейчас возьми у Димы завтрак и поешь, не отлынивай, — совсем другим голосом, полным слишком желанной и нужной ей нежности, распорядился Олег. — Документы... Хр** с ними, если сегодня не глянешь, не страшно. Ляг и отоспись, душа моя. Дима останется, возле дома подежурит до вечера.

— Не нужно, зачем? — растерялась Маша. — Пусть около тебя будет, лучше. Я же дома...

— Дома она... И что?! — буркнул Олег, явно еще не утихомирившись. — Да с тебя, похоже, вообще глаз спускать нельзя! Врагов не меньше, чем у меня...

Маша рассмеялась, поняв, что с этим смехом из нее и напряжение уходит.

— Ты преувеличиваешь, Олег, — кивнула Диме, который устроил папки и пакет на комод. — Спасибо, Дима, — одними губами поблагодарила охранника, прикрыв телефон рукой.

Тот только кивнул и вышел, закрыв дверь. Что-то смотрел на своем телефоне... Неужели, Олег параллельно ему инструкции набирал? В подъезде остановился вновь? С них с Олегом станется...

— Олег, правда, Диме тут торчать совершенно незачем. Я тебе обещаю, что никого больше не впущу сегодня, — немного посмеиваясь, убеждала Маша. — А вот тебе хороший охранник нужен.

— У меня их еще пять под боком. Не считая тех, которые офис охраняют, — не торопился соглашаться Горбатенко.

— Но Дима — самый надежный и преданный, так ведь? — привела аргумент.

— Потому и хочу, чтобы он около тебя побыл, душа моя. Кому ещё доверю? — в этот раз от тона

и чуть хриплого голоса Олега по ее коже мурашки побежали.

И Маша зажмурилась. Захотелось, как утром, уткнуться носом в его кожу. И ни о чем не думать...

— И по Шаховцу... Я все знать хочу, Машенька. Даже то, что ты братьям не рассказывала, ясно? Так что вспомни до вечера, — вдруг распорядился Олег.

— Тебе жить у меня придется, что бы все истории выслушать, — рассмеялась она, пытаясь скрыть, что ей неприятна тема.

— Маша, я не шучу, — не поддержал ее смех Олег, явно демонстрируя, что он предельно серьезен.

И она лишь вздохнула. Маша умела признавать поражение и понимать, когда игра не стоит свеч. Тут ей Горбатенко точно не переспорить. Не после всего, что он услышал.

Глава 7

Когда в семь вечера в домофон вновь позвонили, она даже не рассчитывала, что это Горбатенко. Знала, что Олегу освободиться в такое время почти нереально. Оторвавшись от документов, за которые все же села, пошла к двери. На экране был Дима. Что ж, он-таки оставил своего охранника здесь, хоть утром эта тема осталась открытой. Зачем только Дима сейчас поднимается, раз уж целый день не показывался ей на глаза? Тоже ведь не просто так, Маша почти поверила, что охранник уехал.

Занервничала, нажав кнопку открытия двери. В голове тут же появилась масса предположений и идей. И ни одной нормальной, главное...

Но до того, как водитель успел бы подняться на ее этаж, включился телефон.

— Да? — нервозность усилилась, когда поняла, что звонит Олег.

— Душа моя, тебе же без разницы, где болеть, правда? — Горбатенко вроде и шутил, только она слышала, что в голосе сквозит усталость.

Однако и напряжение там присутствовало. Но не критичное вроде... И не казался взволнованным или нервным.

— Да, в общем-то, — не совсем пока поняв, к чему и о чем он, согласилась. Без разницы же, правда.

— Хорошо, тебя Дима ко мне отвезет. Спасибо, — казалось, он немного расслабился и выдохнул. — Возьми, что тебе нужно... Или ничего не бери, как хочешь, — уже вроде и с улыбкой закончил. — До вечера, — Олег отключился.

А Мария пребывала в некоторой растерянности, которая никуда не делась, даже когда Диме дверь отворила. Во-первых, она очень не любила, когда ее жизнью распоряжаются вот так: позвонили, сказали, отключились. Ни объяснений, ни причин. Слишком долго жила в похожей обстановке и добивалась права не зависеть ни от кого. Но, хорошо, предположим, у него имелись для этого поводы... И она даже могла допустить, что у Олега сейчас такая ситуация, что не до пояснения причин. Однако позже собиралась все эти самые причины уточнить и выяснить. Во-вторых, хорошо, конечно, что несмотря на явные сложности со временем и

ситуацией, он не отказывается от намерения провести ночь с ней, какой бы смысл Олег в это ни вкладывал.

И все-таки Маша предпочла бы, чтобы это преподносилось иначе. Не на уровне: «ты мне доверишь или нет?» Она-то доверяла...

И ему безусловно было ясно, что доверяет? Дала сама повод и уверенность? Но ведь после подобных звонков, зная общую обстановку и ситуацию, можно такого себе напридумывать, что и поседеть от страха или волнения впору. Даже если не отличаешься богатым воображением.

Запуталась... Простуда еще соображать мешала? Ничего критичного вроде в его словах и поступке не было. Но сумбур в голове и эмоциях возник. Вместе с волнением.

— Мария Ивановна, — начал было охранник, которого она впустить — впустила, да так и не сказала ни слова, разглядывая давно темный экран смартфона.

— Я знаю, Дмитрий, — кивнула ему. — Сейчас, десять минут — и я буду готова.

Зная, что Дмитрий лучше нее самой за входом проследит и дверь закроет, пошла в спальню, чтобы хоть минимум вещей взять и лекарства. Ну, и документы, которые целый день понемногу читала... Ради Олега приходилось в такие нюансы влезать, которых она и не знала ранее. Не интересовалась, да и знать ничего подобного не желала... А теперь все мелочи и тонкости изучала, горы книг и законов перерывала, чтобы все это учитывать и ему в выигрыш обернуть. Благо с этим проблем не имелось, их законодательство позволяло «себя трактовать» так, как удобно было. Главное — убедительные факты и доказательства предоставить, опереться на хороший фундамент аргументов. Коллизии, связанные с тем, что многие давно неактуальные статьи и параграфы Кодексов никто не потрудился признать недействительными. Просто добавляли новые — хорошие и правильные, однако частенько не замечая, что статьи противоречат одна другой. И теперь Маша это все изучала до запятой и буквы.

Так что во многом Коля утром был не так и неправ, когда интересовался, почему же Горбатенко взялась помогать в том, за что братьев всегда упрекала?.. «Не зарекайтесь» — это верно кем-то очень давно замечено и сказано. Она раньше зарекалась. Теперь же... вот, вещи собирать пошла.

Пару минут задумчиво поразмышляла над тем, что именно брат и что значит его фраза «а можешь — ничего...». Взяла в итоге самый необходимый минимум, все-таки имея сомнения, что Олег даст себе и им обоим волю. Ну, и лекарства прихватила, да. То сюда их везла от него, теперь назад...

— Я готова, — вернулась в гостиную, где ее Дмитрий ждал. — Только... Дима, у него все нормально? — все же позволила уточнить то, что у самого Олега просто не успела.

Охранник скупно и вежливо улыбнулся.

— Все нормально, Мария Ивановна. Аврал только очередной, сами же знаете, как оно у нас все... — ответил вроде.

Поди только разбери: правда или нет? Но и расспросы не дадут толку, это она понимала прекрасно. Натянув поверх домашнего костюма пальто, Маша запахнула полы и пошла к двери. Сначала думала надеть что-то элегантное... Но ей все еще было плохо. И он ее уже все равно в пижаме видел. И без макияжа тоже. И даже в его же халате — растрепанную и замученную. Так что как бы догадывается, что она не всегда при параде. А Маша подзревала,

что ей Олега ждать еще долго придется, так что хотелось провести это время с комфортом. И потом, домашний костюм у нее тоже был красивый, но ещё и теплый.

— Там прилично похолодало, Мария Ивановна, — Дима же как-то с сомнением посмотрел на ее наряд, не торопясь открывать дверь. — И не скажешь, что три дня назад почти восемнадцать градусов тепла было. «Бабье лето» закончилось...

Но Маша притормозила только на минуту. Пуховик у нее был еще не распакован из вакуумных пакетов, в которые она прятала теплые вещи на лето, и шубу долго доставать. Да и просто, не хотелось сейчас возиться, стоило представить, как достанет стремянку, заберется наверх шкафов... Уже устала.

— Мы же на машине? — вроде как с улыбкой поинтересовалась Маша, дав понять, что не хочет ничего менять. Но подняла воротник пальто.

Дмитрий только кивнул, похоже, признав ее право идти как хочет. Забрал совсем небольшую сумку и первым вышел в подъезд, ожидая, пока Мария включит сигнализацию.

Собственно, об отсутствии пуховика она пожалела моментально, стоило выйти из подъезда. Действительно похолодало. И ветер оказался неожиданно пронизывающим. Но машина стояла совсем недалеко от подъезда, и Мария предпочла юркнуть в теплый салон, а не возвращаться в квартиру. Дима, если и имел какие-то мысли по этому поводу, предпочел даже видом те не выдать. Но печку тут же включил на всю мощность. Хорошо, возможно, зря она так...

Пока доехали до дома Горбатенко, Машу успело разморить. Обдало почти морозным ветром по пылающим щекам. Забежала внутрь, вновь ощутив себя как-то странно в огромном пустом доме. Дима куда-то ушел, просто сказав, что добавит отопления, ужин для нее накрыли на кухне, все ещё горячее, повар только ушел. Ну и все в ее распоряжении. И Маша осталась один на один со всеми этими комнатами. Нет, умом она понимала, что Дмитрий неподалеку. И еще охранники есть наверняка. И в доме ей точно ничего не грозит, но как-то вся эта пустота, пусть и красиво обставленная, давила на нервы, заставляя чувствовать себя неуместно.

Прошла-таки на кухню, посмотрела на стол, сервированный для одного человека, на томящееся в подогреве жаркое и овощи... Аппетит, из-за самочувствия, видимо, ещё толком не вернулся.

Потом поест, когда Олег вернется. Вместе с ним.

И пошла с документами в комнату Олега, где хоть как-то ощущалась некоторая обжитость, планируя закончить просматривать бумаги до его приезда. И сама не поняла, как умудрилась уснуть, закутавшись в плед и устроившись со всеми этими бумагами посреди его подушек.

Проснулась внезапно. Почти полночь, судя по смартфону. Даже не разобралась поначалу, что встревожило? В комнате темно и все ещё пусто. Бумаги рассыпались по всей кровати. Даже на пол пара листов упало. Непорядок, важные же документы. Не любила расхлябанности ни в себе, ни в других. А никак не вернется в колею. С трудом заставила себя подняться, быстро собрала бумаги.

И тут дошло, что на улице кто-то разговаривает. Подошла к окну — во дворе стояла машина Олега. Вернулся. Сам Горбатенко также находился во дворе, о чем-то разговаривая с охраной. Возле него стоял и Дмитрий, участвуя в разговоре. Надо бы встряхнуться. Сейчас предстоящий разговор даже немного нервировал — темы они собрались обсуждать непростые, как ни крути.

Некоторые Мария вообще ворошить не хотела бы. Отвернулась от окна, собираясь спуститься вниз. И вот тут заметила то, на что поначалу просто не обратила внимания. В кресле, стоящем в углу спальни, лежала какая-то одежда. Это она, когда зашла, не присматривалась — ну, мало ли, что там за одежда у Олега в спальне лежит? Не успел убрать утром, или отложил для чего-то. Забралась в кровать и... уснула в итоге. Но теперь, находясь совсем рядом с этим самым креслом, хорошо видела, что одежда вся совершенно новая, с бирками еще. Хоть и без ценников, проверила. И совсем-совсем женская. Не то чтобы много: костюм, наподобие того, что и сейчас на Маше был, уютный, на флисе; пижама... шелковая, да... Но с длинным рукавом и брюками, спасибо, не шортики. Хотя... а вдруг с майкой и шортами лучше вышло бы? Интересней?

Улыбнулась своим мыслям, аккуратно перебирая вещи.

Белый пушистый халат, явно домашние такие же пушистые носки с какими-то забавными леденцами-рисунками. И... комплект белья. Не вызывающего или откровенно-сексуального. Скорее, практичного. Но при этом — полностью кружевного. Такого интересного сиренево-фиолетового оттенка. Вот никогда, наверное, сама такое не выбрала бы. Но понравился, красивый цвет. Однако...

Однако... Это все надо бы обдумать.

И главное — совпадение размеров везде удивляло. Или, если речь заходила про Олега, ей не стоило подобной скрупулезности и вниманию к мелочам поражаться? Зато теперь понятна его ремарка про вещи.

Решив это все осмыслить, не уверенная, что готова принять подобное, Мария оставила все как было, в кресле, и пошла на первый этаж.

— Прости, что так выдернул. Завтра в семь утра встреча здесь, неподалеку. Если бы я к тебе приехал, мы бы ни поговорить толком, ни отдохнуть не успели. Пришлось бы в пять уезжать, а я знал, что и сейчас задержусь...

Олег как раз вошел в холл, когда Мария спустилась по лестнице. Один, уже без охранников. И вот это все произнес без каких-либо вопросов с ее стороны. Мария просто не успела ничего спросить. Вот так выдал это все одним тоном, собранным и немного резковатым, почти не глянув в ее сторону. Напряженный весь, жесткий. Не словами или обращением, сам по себе. Прямой, плечи развернуты так, будто зажало их на развороте, и какая-то злость прямо-таки пропитывает воздух вокруг него...

Не останавливаясь, прошел в гостиную. Мария так же следом пошла. Пока молча, только присматриваясь. Ее устроило объяснение и причина, а также то, что Олег и сам понимал необходимость это озвучить, а не считал нормой только потребовать от нее ехать туда, куда он считает нужным.

— Что случилось, Олег? — наблюдая за тем, как он проходит к небольшому бару и берет бутылку с коньяком, поинтересовалась Маша.

— Ничего, Машенька. Совершенно ничего, — свинтил крышку так, что как горлышко не отломал только? И голос, главное, холоден и спокоен, но сама его поза, это напряжение, которое просто-таки транслирует вокруг себя...

— Олег, мы никогда не врали друг другу, — наблюдая, как он плеснул себе коньяка в бокал, Маша так и замерла на входе. — Вот и начинать не стоит. Не хочешь говорить — твое право, но

и не надо меня в идиотки определять. Я как приехала, так и уехать могу, если ты разговаривать не хочешь. Монологи никогда не уважала. А такси сюда приедет даже ночью... — таким же спокойным и холодным тоном, каким говорил Олег, заметила она.

Горбатенко, так и не поднеся бокал ко рту, с некоторым удивлением слушал ее. И та пульсирующая в нем напряженность словно тоже удивилась, застыла.

— Мария... — начал было Горбатенко, но замолчал, сжимая бокал пальцами до побеления.

— Ивановна, Олег Игоревич, — подсказала Маша, словно бы и вправду решила, что он забыл. Ну, и с намеком еще так...

А Горбатенко уставился на нее, секунды три смотрел, наверное, пристально, внимательно. После чего медленно, с трудом как-то, тяжело моргнул, словно изгонял из себя все эти эмоции. И тихо, опустошенно даже, рассмеялся.

И в пространстве будто разжалось что-то. Дышать стало легче.

— Не уезжай, душа моя, — негромко произнес он. — Пожалуйста. Не сегодня, — ее собственными вчерашними словами попросил Олег, устало и с усилием растирая лицо ладонью. Бокал отставил на столик у бара.

А на руке — нить, которую она ему повязала.

Маша тайком тоже расслабилась. И наконец-то подошла к нему. Поддалась мимолетному порыву, подняла руку и обхватила затылок Олега, для чего пришлось привстать на носочки, чуть надавила, будто уговаривая его наклониться. Он поддался. Соприкоснулись лбами. И она нежно, мягко, но с нажимом принялась ему затылок разминать.

— Не уеду... наверное, — подмигнула, показав кончик языка. — Если ты так себя вести не будешь...

Дыхание прерывалось. Знала, что пересекает границы, которые сами и устанавливали когда-то. И губы так близко, что почти нет сил удержаться. Лицом к лицу, кожа к коже. Но она всего лишь разминает ему скованные от усталости и всех проблем мышцы на затылке. И стоит рядом, согревая Олега собой, сама укутываясь его теплом и ароматом.

— Как? — таким же прерывистым и хриплым шепотом уточнил он. И хрустнул пальцами, сжимая ладони в кулаки.

Словно сам не позволял себе ее обнять. Но не просто не отстранялся, подался ещё ближе к ней.

— Значит, белье дарить можно, а обнимать — табу? — хмыкнув, не ответила, а прокомментировав вот это вот его поведение.

Олег попытался поймать ее взгляд, хоть и сложно в таком положении. Что два циклопа стоят...

— Не понравилось? — с искренним интересом уточнил он, кажется, немного сомневаясь.

Но тут же обнял, кстати. Будто бы ее разрешения ждал. Прижал к себе всем телом.

— Еще думаю, — так же искренне призналась Маша, выдохнув с таким открытым удовольствием, что это просто нереально было не ощутить. И Горбатенко все уловил и понял.

Почувствовала его самодовольство. — Понравилось, как сам факт, — пояснила свою мысль. — Но вот не уверена, в каком статусе ты предполагаешь, что бы я его приняла...

— Сама же заявила вчера, что я «твой», — хмыкнул Олег и переплел свои пальцы на ее спине, словно замком «запечатывая» свои объятия.

— Я сказала... А ты что скажешь? — голос ломался. Предатель.

— И я говорил, что собственник, а ты — «серьезное». До боли... — его губы прижались к ее скуле с невыносимой жадностью. Но дальше ни на миллиметр не сдвинулись.

Оба замолчали. Она по его голосу понимала, что есть сложности. Да и с ее стороны далеко не все просто... Просто вообще редко бывает. И тогда не замечается, не ценится, самим собой разумеющимся считается, пока трудности не приходят... Но все равно, дрожь внутри и такое счастье! Хоть и с горьковатым привкусом осторожности и его напряженности.

Выдохнула и прикрыла глаза, возвращаясь к началу.

— Не нужно грубить. Лучше промолчи. Или вспомни о том, что я тебя целый день не видела и вряд ли в твоей злости виновата...

— Я не зол... — начал было Олег, и вновь рассмеялся. — Хорошо, ты права, Машенька, зол. Но ты ни при чем. Да это и не та злость. Просто... Достали все! Как всегда у нас: никто ни черта делать не хочет! — ругнулся, обнимая ее сильнее. — Все друг на друга валят, и в результате — никто не при делах, а дороги так и не отремонтировали толком, все за территорию и полномочия на этих трассах дрались... — он практически фыркнул и прикрыл глаза, явно наслаждаясь нехитрым массажем, который она так и не прекращала. — Тут до морозов — всего ничего осталось, и весь их «ямковый ремонт» к чертям полетит!

— Ругал нашего начальника «Облавтодора»? — улыбнулась.

Поняла, наконец, почему он такой взвинченный пришел. Слава Богу! Это вообще не проблема против того, что ей в голову приходило за вечер.

— Ругал — не то слово, — широко усмехнулся Олег с каким-то таким озорством в голосе. — Достали... бл... — глотнул ругательство.

— Подай в отставку, — рассмеявшись, предложила Маша, ощутив вдруг невероятную легкость.

— Ага, подай, — хмыкнул Олег. И показалось, что от ее облегчения и он расслабился больше. А она уже не массировала, просто обнимала его за шею. — Кто меня отпустит? Да и потом, знаешь... Ведь действительно есть ощущение, да и уверенность, что многое смогу сделать. И делаю же... Нет желания бросать на полпути, есть же силы и идеи...

— Все с тобой ясно, — она широко улыбнулась, на самом деле наслаждаясь происходящим в эту минуту. — Меня распекаешь за приют и сирот, а сам — не меньший идеалист...

— Эй, я бы попросил, — притворно возмутился Олег, закрыв ей рот ладонью. — За такие слова и шпильку в сторону моей репутации — можно серьезно поплатиться, — шутливо прищурился он вроде как с намеком.

— Поняла-поняла, молчу, — Маша в таком же притворстве вскинула руки. Посмотрела на него,

отклонившись немного, и еще на секунду прижалась, теперь к его плечу.

— Пошли, не успел поужинать сегодня. Поем, пока ты мне про свое несостоявшееся замужество будешь рассказывать, — Олег потянул ее в сторону кухни, кажется, совершенно забыв про коньяк, который так и остался на столике.

И тут же затормозил на пороге, увидев, что сервировка не тронута.

— Ты почему не поела?! — рявкнул с ходу, посмотрев на нее уже с серьезной такой хмуростью.

— Олег, — призвав его успокоиться, выдохнула Маша. Закатила глаза. — Ты что, не знаешь, что истинная девушка должна быть стройной ровно настолько, что бы вызывать у мужчин желание беречь, холить и накормить, проявляя истинную мужскую заботу?

— Блин! У тебя это реально выходит! — буркнул Олег, потащив ее к столу. — Пичкать тебя едой и пичкать надо. — Заставил сесть на стул, а сам, к ее удивлению, принялся проводить ревизию емкостей, так и стоящих в подогреве. Достал еще тарелку. — Где ты этот бред усвоила? — глянул на нее через плечо, заломив бровь.

Достал вино из специального холодильника в нижнем ряду шкафов. То самое, что обоим по вкусу.

— Одна из заповедей моей мамы для воспитания утонченных девушек, — рассмеялась Маша, и встала, что бы ему помочь. — И вообще, я с тобой поужинать хотела. Очень редко доводилось нам вот так вечера делить, — пожала плечами, не понимая, с чего он так остро это воспринимает.

Ну, не поела...

— Бл***! — ругнулся уже серьезней и открыто. — Как ты вообще выжила, душа моя?! Одни гнобили, другая голодом морила!! — он действительно разозлился.

Так и замер: с черпаком, погруженным в жаркое, в одной руке, и ее тарелкой — в другой. А Маша ничего не могла с собой поделаться — расхохоталась.

— Никто меня голодом не морил, ну что ты, серьезно! Просто приучали к сдержанности и разумному подходу в еде...

— В смысле? С какой стати нормально питаться — неразумный подход? — и не думал соглашаться Олег, щедро наполняя ее тарелку.

— Эй, я столько физически не съем, — отобрала она тарелку, по дороге отсыпав часть назад. — Ну, знаешь, «принцип самого лучшего»: не брать в рот абы что, лучше съесть что-то одно, но самое качественное и вкусное, выпить полбокала вина, но самого изысканного, не соглашаться на низкое качество вещей... Или людей вот, тоже, — подмигнула ему, позволив Олегу подвинуть ее стул.

Он также сел, уже и себе наполнив тарелку.

— И как же ты со мной так вляпалась? — хмыкнул вдруг Олег с искренним интересом. Откупорил бутылку и посмотрел прямо на Машу.

— Почему «вляпалась»? — не поддавалась на провокацию. — Чуть не «вляпалась» я когда-то, а с

тобой... как с вином этим, — взяла бокал, который он для нее наполнил, так, что их пальцы переплелись вокруг стекла, соприкасаясь друг с другом. — Каждая капля и секунда потрясающе бесценна, — лукаво посмотрела в глаза Олегу.

А он как-то сокрушенно хмыкнул, не отпуская ни ее пальцев, ни ее взгляда.

— Сколько бы ни учился, мне так не сумеешь словами передать то, что внутри на части рвет, — тихо заметил с какой-то иронией над собой.

И пальцы ее сжимает крепко. Как бы бокал не треснул...

Только он ей в эту секунду настолько близок с этим своим отношением! Насколько важен... Сам в сокровенную сущность проник, к черту любые слова!

— А меня ещё учили, что слова — прерогатива женщин. Мужчина же поступками оценивается, — голос вновь охрип. Простуда? Или те чувства, которым и сейчас воли не давала до конца, душат? — И тут в моей жизни никого не было и нет, кто равен тебе...

— Душа моя... — отставил этот треклятый бокал, не отпустив ее ладонь. Потянул на себя, прижавшись губами к центру ее ладони. Щекой прильнул...

Ну зачем еда, правда? Кусок в горло не полезет... Совсем не голодная. Его обнять хочет!

— Так что там за история с замужеством? — напоследок еще раз жадно поцеловав самые кончики ее пальцев, Олег выпрямился и требовательно глянул на Машу.

Будто уловил мысли про ужин и почти угрожал расплатой, если она за еду не возьмется.

— Да ничего интересного, на самом деле, — с улыбкой вняла Мария, начав есть. — Больше предлог тебя ещё на ночь рядом с собой удержать...

— И все-таки? — подвинул бокал с вином к ней ближе.

Маша отпила немного. Бокал на столе один... Хотя вон в специальной подставке еще пять висит. Вернула, уже зная, что теперь он возьмет. И Олег не нарушил их традиции.

— Был один... Нет, не скажу, как звали, — рассмеялась, только блеск в глазах уловив. Вернулась к еде. Олег тоже ел, тем не менее, внимательно слушая. — Он все равно уехал из страны давно, смысл? — подмигнула. — Его Петя с Колей так в оборот взяли, когда узнали, что на мне жениться собрался... — Маша весело покачала головой, рассматривая блики света в вине, которое он вновь ей протянул.

— А детальней? — не отступал Олег.

— Да ничего существенного, правда, — сдалась все же, сделав еще глоток вина. — Познакомились ещё в университете, даже работали какое-то время в одной конторе. Он в нашу устроился, которую когда-то еще дед полуофициально создавал, потом отец узаконил. Яркое, будоражащее, и общего много... Мне казалось, что любовь такая и есть, — Маша как-то задумчиво улыбнулась, вспоминая себя и свои чувства тогда...

Словно детский сад сравнить с университетом по нагрузке... Или самый настоящий горький шоколад со сладкой плиткой по обилию ощущений для вкусовых рецепторов...

— Да видимо, даже казалось только мне. Братья сразу, как про свадьбу прослышали, его

пристально изучать начали. А мы уже и заявление подали, и ресторан почти нашли... Только меня Петя с Колей на неделю в квартире у Пети заперли, с помощью Насти и с позволения родителей — те тоже против были — заманили. Считали, что парень выгоду ищет. В общем, что они с ним делали и чем запугивали — я не в курсе. Только больше я этого горе-жениха не видела. Видимо, любовь ко мне оказалась слабее страха перед моими братьями, — Маша пожала плечами, вернувшись к ужину.

Олег же взял бокал. Все это время просто слушал ее, даже тарелку пока отставив.

— Деталей не зная, сложно сказать... может, и правы были твои родные... Тем более, мне сложно представить, что бы подобное могло помешать тебя заполучить... — медленно и задумчиво заметил он. — Но подход... дикий, ей-Богу! — с явным осуждением и нотками презрения заметил в итоге. Сделал глоток вина, вернулся к своему ужину. — Сомневаюсь, что ты бы прям стремглав бросилась замуж... Или не боролась бы всеми силами за то, чего действительно хотела. Или кого...

— Может, тогда хотела и хоть как-то любила только я... — задумчиво хмыкнула, словно размышляя. — Или я так пыталась из-под опеки родных вырваться как раз? — с усмешкой заметила Мария, отодвинув тарелку. — Наелась, правда, — твердо заявила, заметив его взгляд.

— Характер у вас не тот, чтобы соглашаться с тем, что не по нутру, Мария Ивановна, — рассмеялся Олег, долив им вина. — Это я уже давно заметил.

— Зависит от того, для кого это делать, — не глядя на него, не согласилась Маша.

— Это я тоже просек, — словно специально напоминая ей, кто он и откуда поднялся, согласился Олег.

Но при этом поймал ее ладонь вновь и, переплетя их пальцы, «спрятал» ладонь Маши в своей руке. И ей уже не хотелось ничего обсуждать, только впитывать в себя эту ночь, это прикосновение, и вкус этого вина, вновь — одного на двоих... Да и не отпугивало это никогда, по сути. Противоречивый. И так много в Олеге для нее иное перевешивало...

И все же, он еще ел, и было бы неплохо слегка облегчить тягучую и вязкую атмосферу их общей потребности друг в друге, повисшую над столом.

— А ты? — сделав новый глоток, пока он продолжал есть, так и не отпуская ее руки, поинтересовалась Маша.

— Что «я»? — уточнил Олег с какой-то кривой улыбкой.

Понял вопрос, только отвечать не горел желанием.

— Ты обещал историю за историю, — напомнила Маша, и не пытаясь свою ладонь вернуть.

— Да не было никакой истории, — хмыкнул Олег.

Только смотрел не на нее, а куда-то мимо. И бокал с вином у нее забрал, отложив свою вилку.

— Просто дурной юнец, слишком гордый и эгоистичный, чтобы думать об окружающих, считающий, что весь мир должен ему подчиниться. Сумеет заставить...

Ей что-то совсем не нравились нотки, звучащие сейчас в голосе Олега, да и подоплека. Но она

собиралась узнать все, раз уж он начал говорить. И сама же от него ничего не скрывала.

— И в чем он ошибался? — словно бы они действительно говорили о ком-то другом, уточнила Маша, не забирая вино.

Олег усмехнулся все той же кривой усмешкой, уловив ее маневр.

— В том, что на него не могут давить через других людей, которые ему близки... — все еще не встречаясь с ней глазами, отстраненно заметил Горбатенко.

У Маши почему-то холодно внутри стало. Она знала несколько таких историй. И ни единой со счастливым финалом...

— Олег... — действительно собиралась сказать, что не нужно больше ничего говорить. Достаточно.

Но Горбатенко именно сейчас глянул на нее, твердо и жестко. И хоть он все так же держал ее руку, пальцы его в данный момент ощущались холодными и напряженными, словно из бетона отлитыми.

— Была одна девушка, которая считала, что любит этого парня, — не позволяя ей прервать себя, заговорил Олег.

— А он ее любил? — само вырвалось.

И не с ревностью даже... Только все о нем знать и понимать хотелось. О человеке с таким непростым характером.

Олег же только хмыкнул, не отводя задумчивого взгляда. Наклонил голову к плечу, словно раздумывая.

— Непростой вопрос, Мария Ивановна, с нюансами, — будто ему так легче, отстраненно заметил. — Наверное, да. Так, как тогда умел. Давно ведь было. Двадцать лет, считай, прошло. Больше на страсти и удобстве строил тогда отношения. Но она была для него дорога. Очень. Хоть и не оформляли официально ничего. Даже не жили, по сути, вместе. Так, наездами. Не то тогда время было, другим заниматься нужно... Только это ничему не помешало. И как-то, чтобы отомстить тому парню за наглость, его враги убили эту девушку и их сына, которому полгода от роду было... Он отомстил, ясное дело. И поднялся ещё выше. Только и урок тот заучил на «отлично». Да и сильных врагов у него сейчас не меньше.

Скучно, жестко. Рублено.

Олег рассказал это все, так и глядя Маше в глаза. А теперь поднялся, взяв бокал со стола, и отошел к окну, отвернувшись от нее.

А она сидела пришибленная.

Все было очень плохо. Гораздо хуже, чем она могла себе представить еще вчера. И мыслей толковых — ноль. Да, стало куда больше понятно и ясно. Только... такая боль внутри! За него — невыносимо просто... До пропадающего дыхания и наворачивающихся слез, которые сдерживала изо всех сил, потому что знала — не нужно. Лишнее. И за ту девушку, которую не знала никогда, но которая тоже посмела его полюбить. Что бы там и как между ними ни было, и каким образом ни сложилось бы все сейчас между ними. А ещё за ребенка... ни в чем не

виновного и не причастного же, по сути! Дети были ее болевой точкой, это да...

Вдохнула, сама испугавшись того, каким резким и прерывистым вышел звук. После чего отодвинула стул и встала, направившись к Олегу. Подошла вплотную. И прижалась лицом к его напряженной спине. Что тот мрамор, ей-Богу! И через рубашку его «холод» изнутри ощущает.

Один вдох-выдох, второй. Будто его пытается согреть своим дыханием. Протянула руку, собираясь взять их бокал. Но Олег тут же перехватил ладонь, даже не оборачиваясь. Сжал своей рукой, как тисками. Сильно, с какой-то алчностью даже, до дрожи внутри, до слабости в каждой мышце от слишком сильных и чересчур насыщенных эмоций.

— Сам сказал, если я хочу с кем-то быть, меня не отпугнуть и не отвернуть так просто, — сипло выдохнула ему в спину, не забирая руки.

Олег молчал. Даже дыхание задержал, кажется. Мгновение. Второе, третье. И тут так резко, с каким-то отчаянием тоже выдохнул. Отставил вино на подоконник и стремительно обернулся, заключив теперь всю Марию не в объятия... в тиски, прижимая к себе так, что не могла ни сдвинуться, ни пошевелиться. Уткнувшись лицом теперь в его грудь. И только и может, что слушать, как лихорадочно стучит сердце Олега.

— Я не выдержу, душа моя... — у него голос настолько хриплый, что с ее больным посоперничать может. Опустил голову, зарылся лицом в ее макушку. — Тебя я похоронить не смогу... не выдержу, — снова сжал так, что кости затрещали. — Я ее и вполонину не настолько любил, как тебя, Машенька... Не умел еще так, может. Или человек не тот... Хотя и ребенок... — ещё один тяжелый и хриплый выдох, в котором физически ощущается боль. — Тяжело было, чуть башкой не двинулся, Машенька. И сейчас... это — живой кошмар для меня... — замолчал.

Это было страшно. Когда такой человек, как Олег... Человек, способный на очень многие и разные вещи, открыто признает свою слабость и боль. Почти невыносимо. Слишком силен он был в этой слабости, чересчур яростен.

Зато сразу понятна и объяснима вся его паранойя с охраной, слежкой и вниманием к малейшим деталям... Болевые точки есть у каждого, независимо от характера и избранного пути.

Да, она знала, что он совсем не святой. И к своему теперешнему положению тяжелой тропой шел. Но ей ли судить, учитывая, чем братья Маши, да и отец ранее, деньги зарабатывали? И... «своя рубашка» ближе к телу...

А он был «ее». Это они уже решили.

— Ты меня рано со счетов списываешь, любимый, — пусть с трудом, но сумела выдохнуть, несмотря на его тиски. — У меня знаешь какая закалка по выживанию? Спецназ позавидует. Сам же знаешь, на что мои братья способны. И клиентов всяких хватало — ничего, выдюжила. Да и ты же теперь над каждым вдохом моим, считай, бдишь...

Обхватила его за шею, как в гостиную недавно, обняла, сама к себе крепко прижав.

Олег только хмыкнул. Но промолчал и не спорил. И то счастье.

Глава 8

— Кстати, о клиентах, — как-то тяжело выдохнув, через минуту заметил Олег, явно не желая продолжать прошлую тему. Но при этом не ослабляя ни на йоту хват, которым держал ее. — Что по Шаховцу?

Маша сделала вид, что не услышала. Нет, ну а почему он может так поступать, а она нет? И потом: прижата к его груди настолько крепко, может, ей просто уши заложило? И вообще, ей вновь стало хуже, и тут Маша ни капли не юлила. И лекарство она вечером так и не выпила, заснув у него в кровати, когда собиралась читать... Забыла. Но вот на самочувствие Маша не решалась давить. Олег в этом плане явно бдел более необходимого. Не отцепится потом.

— Душа моя, не увиливай, — ей даже удалось заставить его улыбнуться.

Что это, если не победа? После таких-то тем за последние полчаса.

Олег отклонился немного и требовательно глянул ей в лицо, явно намереваясь добиться ответа.

— Олег, я не хочу. Мы достаточно наговорили сегодня. Еще один камень сверху на эту пирамиду... У меня уже нервы не выдерживают. Ничего там критичного с этим Шаховцом сейчас нет. Этот вопрос решили ещё несколько лет назад и больше мы не пересекаемся. Не я, во всяком случае. Так что новая история вполне потерпит до завтра... Повод еще раз встретиться... — Мария почти умоляюще глянула на него.

— А нам был хоть когда-то нужен повод? Даже когда не помешал бы? — Олег хмыкнул, скривив губы.

И то правда. Сколько раз она приезжала к нему среди ночи просто потому, что больше терпеть не могла. Хоть поговорить бы... А он сколько раз звонил ей, на ходу придумывая предлоги?

Навалилось все невыносимой давящей ношей. Да и самочувствие давало о себе знать, хоть и задвинутое из-за стресса на задний план. Снова горло подводило и разбитость ломала все тело, периодами бросая то в холод, то в жар.

Опять тишина. Смотрят в глаза друг другу. Ему точно хочется получить немедленно все ответы, но и ее состояние видит.

— Хорошо, отложим до завтра... — после нескольких секунд согласился Олег.

И эта скорость, с которой он согласился...

— Ты уже и сам по нему все, что мог, собрал, да? — невольно улыбнулась. — И по тому судебному процессу?

— И по всему, что процессу предшествовало, — даже не пытался отрицать Олег.

А объятия его стали как-то свободней... Не разжал, вообще нет, просто само ощущение легче, словно его отпускало понемногу то прошлое, что вытащили своими откровениями. Она тоже улыбнулась шире.

— Так мне и рассказывать нечего тогда, — передернула плечами Маша.

— Э нет. О том, что и как Шаховец тебе говорил и дошел до угроз в твою сторону, я хочу знать дословно. Каждую букву и нюанс. Понятно? — глянул с требованием, потянув назад к столу. Так что вспомни до завтра. Ты хочешь чаю или кофе? Еще вина? — без пауз или переходов

поинтересовался Олег.

— Нет, — Маша покачала головой, понимая, что наваливается на него всем телом. — Спать только, — зевнула так, что едва челюсть не вывихнула.

Олег усмехнулся с теплом. Хотя не то чтобы это играло какую-то роль в плане его необходимости для нее — но и сам он выглядел ничуть не бодрее.

Ничего странного — начало второго. Третью ночь не спят толком. Да и дни при этом... нелегкие.

— Согласен. Пора. Еще и эта встреча спозаранку, — Олег тяжело вздохнул.

Потянул ее в сторону выхода, наверное, заметив, что и Маша на последнем издыхании держится. Добрались в спальню.

Странно. Интимно до дрожи в пальцах. Делить с ним сон и эти эмоции. Просто знать, что сейчас вновь будут лежать рядом, вслушиваясь в дыхание другого. И неловко при этом, словно подростки. А ведь оба понимают, что не изменилось ничего. Или все иначе?..

Перед глазами вновь настойчиво замаячила та самая шелковая пижама. Почему-то именно она первым делом бросилась в глаза ярко-светлым пятном в темной спальне, отвлекая от всего остального.

— А что у твоих братьев с Шаховцом сейчас?

Маша аж споткнулась. Вот же ж... Горбатенко! Заметил, что она расслабилась, и решил «брать тепленькой»?

— Что?! — хмыкнул Олег, заметив и в полумраке претензию у нее в глазах. — Вопрос же лично тебя не касается...

Маша фыркнула и, прихватив ту самую пижаму, взяла и закрылась в ванной. Просто чтоб исчезнуть на пару минут из поля его зрения. В назидание... Вообще-то, изначально собиралась спать в этом же домашнем костюме, чтобы не провоцировать ни его, ни себя. Но... поддалась каким-то бесьятам внутри. Ну и потом, он же ей купил это, значит уверен в себе и своей силе воли.

Почистила зубы новой зубной щеткой, о которой здесь также позаботились, умылась, мягко промокнув пушистым полотенцем щеки... Время тянула, да.

— Душа моя, что ты вообще о делах своих братьев знаешь?

Стоило ей отворить дверь ванной, уточнил Олег. Он стоял у окна и смотрел во двор. Может, за охраной следил, кто знает? И явно не собирался оставлять тему.

— Честно? Почти ничего, — в очередной раз зевнула. Не притворялась, в самом деле измотана. — Они пытались одно время втянуть меня в «семейный бизнес», но я твердо дала понять, что готова участвовать только в легальных делах. А после того случая с Шаховцом вообще ушла из семейной конторы, — Маша смотрела на свои руки, мимоходом отметив, что пора бы на маникюр записаться. Скользкая тема. Неоднозначная и неприятная. — А в целом... они моя семья, Олег. И я понимаю, не дура же, что все очень нечисто. Но... Не была готова идти вообще против них. Против течения, — вздохнув, призналась ему.

И наконец-то подняла голову.

Он смотрел уже на нее. И смотрел так... Уф... Маша не знала, хорошо или нет, что переоделась. У нее дыхание в груди раскаленным в момент стало. И жгло, давило, плавило кровь изнутри. Сердце... Так он смотрел на нее, что словами не передать. С таким желанием, такой нуждой, восторгом и потребностью... И с такой болью, которую все равно за всем иным Маша в его глазах видела...

— Не была... А теперь — готова? — хрипло поинтересовался он.

Откашлялся. Но это не помогло. И так смотрит, словно откусить от нее кусок хочет. Или нет, мало Олегу будет куска. Целиком проглотить жаждет. Даже руки в ее сторону дернулись, Маша увидела. Да только он, верный своим решениям, стиснул пальцы в кулаки.

Видно понравилась ему пижама, которую для нее выбрал.

— Для чего готова? — ого, и у нее голос такой же хриплый. Не может безучастно смотреть в его глаза, когда там такое выражение.

— Шаховец с Демченко дела ведет. Знаешь, кто это? — Олег отошел от окна и приблизился к ней.

Пару шагов не дошел, словно не был в себе уверен. И говорит о слишком серьезных вещах вроде, но этот взгляд и хриплый тембр голоса... Ни как Маше не сосредоточиться на смысле! Губы пересохли и в голове горячо-горячо.

— Знаю... — едва слышно выдохнула. Попыталась собраться, но кроме его глаз, напряженной полоски губ, линий, прочертивших скулы из-за напряжения — не видела ничего.

— Демченко рад будет, если меня снимут. Еще лучше с шумом. Как и твой старший брат. Я им давно дышать не даю, перекрывая торговлю наркотой, — Олег смотрел прямо в глаза ей.

А Маша зажмурилась, ощутив болезненный удар в груди.

— Петя имеет к этому отношение? — такого не знала в самом деле.

— У них с Демченко старый уговор. Петр его людей от сроков отмазывает уже лет десять, если не больше. Когда сам вмешивается, когда просто дает указания. У них там по судам целая сеть, каждый за свой процент работает. А я им как бельмо в глазу. Мешаю, препоны создаю...

— Да, знаю, что ты очень категоричен по наркотикам. Все спросить хотела, почему именно так? Твой предшественник иначе относился... — выдавила слабую саркастичную улыбку.

Олег зло матюкнулся.

— Мне толпы обдолбанных подростков — ни к чему. Как и рост их смертности. Я не такой debil, чтоб деньги делать на гробах. Других вариантов достаточно. Тем более Демченко сейчас на химию перешел, от нее каждый третий через пару недель в коме. И далеко не всех успевают откачивать. На фига мне это, Машенька? Я область поднять хочу. А какие показатели через пару лет будут, если сейчас всю молодежь отравить или в дебилов превратить? Кто через два года работать будет, бизнес развивать?

Она промолчала. Была с ним согласна на все сто. Конечно, у нее ещё и моральные аспекты

давили грудь... Хотя кто сказал, что Олег вот так по — своему мораль не видит? И в который раз поразились тому, насколько совпадают ее представления о жизни с представлениями мужчины из совсем другого мира и среды, по сути. А как разнятся с мировосприятием ее братьев, воспитанных теми же родителями...

— То же и с Шаховцом. Думаю, твой брат потому и продолжает с ним дела вести, несмотря на ситуацию с тобой, потому что тоже имеет крупную прибыль с его нелегала...

— А тут что? — Маша так и стояла зажмурившись.

Как маленький ребенок. Словно отрицала то, что слышала. «В домике». И так эту новую информацию может посчитать ненастоящей. Хотя на самом деле понимала и знала, что не обманывает Олег. Сама что-то подобное подозревала, только получить подтверждения оказалось очень больно. Потому и раньше не вникала, малодушничала. Только сколько можно? Открыла глаза, признавая таким образом правду. А Горбатенко словно только этого и ждал.

— Шаховец технику ввозит. Это ты знаешь, думаю? — Она кивнула. — Типа официально, — Олег сделал характерный жест рукой, подчеркивая сарказм. — А на самом деле, там девяносто процентов нелегального. В судах его тоже теперь твои братья прикрывают и их люди. Каждый со своей стороны. Ну и про то, какой у него характер — ты сама неплохо знаешь, похоже. Что мы еще обсудим. Да и прошлое у него такое, что тебе лучше не знать, — Олег глянул вдруг очень серьезно. — Скажу только, что твои догадки по партнеру верны, только не копай в этом направлении, душа моя. Я сам тебе не позволю... — помолчал секунду. — У меня с ними серьезный конфликт назревает, Машенька. А ты здесь сейчас, со мной... Готова из-за этого против братьев выступить?

Она тяжело сглотнула.

Опять тишина воцарилась в спальне. Тяжелый разговор немного сбил атмосферу чувственности и напряженного желания. И Маша вновь остро ощутила, насколько ей тяжело... Во всех смыслах: и физически из-за простуды, и морально выдерживать это все, а еще и его решимость, которую пока не удалось переломить в полном смысле. Не в состоянии больше терпеть, она взяла и подалась вперед, прижимаясь к нему всем телом. Почти упав на Олега. Обхватила его руками за пояс. Но он был все равно быстрее. Ладони Олега сомкнулись за ее спиной ещё до того, как Маша успела его обнять толком. У нее все внутри задрожало, когда его жар ощутила, услышала этот жадный, судорожный вдох на своей макушке.

— Что же ты творишь, душа моя? — вновь так хрипло, что голос затылок царапает, кажется. — Знаешь же теперь все... На что толкаешь?

О ее выборе спрашивает. А у нее к его выбору вопросы имеются.

— Олег!.. — простонала, уже не обращая внимания на паршивое самочувствие. — Разве сейчас — я не твоя? Здесь, в твоём доме, в твоей спальне... В одежде, которую ты для меня купил, в твоих руках... Чья? Чужая?! Не твоя разве, единственный мой? — улыбнулась. — Мы оба уже свой выбор сделали, Олег. Даже если я вдруг у другого в руках окажусь, как ты с теми девками пытался...

Выдохнул резко. Его руки сжались сильнее, сминая и шелк пижамы, и ее кожу под тканью. Словно метку старался поставить. Да, она его понимала... Усмешка Маши стала грустней.

— И неважно, был у нас секс или нет. Любой, кто захочет, поймет то, что я твоя... Как это

скрыть или спрятать? Особенно теперь...

Он все ее аргументы и неплохо выстроенную речь по убеждению — прервал самым действенным способом: накрыл рукой губы Маши. Прижал пальцами. Их лица вновь близко-близко. Лоб ко лбу прижаты. Смотрят в глаза друг другу, дышат одним на двоих дыханием. И у него в глазах пылает то, что словами все обходит, не скажет никак «моя», а мысленно — просто орет, она же видит.

Знает его хорошо. Не по нутру Олегу мысль даже, допущение про других. И что права она — он тоже знает. Потому и примчался тогда в парк, ни на что не оглядываясь, потому и теперь не могут никак разойтись. Они уже одно целое, и без всякого секса, хоть каждый другого с такой дикой силой желает, что внутри все болит, как от голода. Но это большее что-то. Чувственное, да, примитивное во многом, глубинное желание полного обладания самым необходимым, самым «своим» человеком. Настолько близким, как никто и никогда более...

Прижалась к его пальцам губами, целуя. Так как он не позволял ей поцеловать его губы.

— Вот как с юристом спорить о чем-то? — то ли хрипло засмеялся, то ли застонал Олег, в ответ прижавшись губами к ее векам. — На все — свои доводы и железобетонные аргументы есть. И не поспорить же, — обнял второй рукой за плечи еще крепче.

— В чем я не права? — грустно прошептала Мария ему в пальцы, с трудом сглотнув.

— Во всем права, душа моя. В каждом ударе, не то что слове, — хмыкнул Олег с тяжким вздохом. — Потому и спрашиваю, готова ли ты к тому, чем для тебя я обернуться могу, как братья к твоему выбору отнесутся...

— Олег, я взрослая девочка и давно сама за себя отвечаю, — фыркнула Маша.

— Взрослая, — согласился он, с усмешкой целуя ее в висок. — И все ещё больная. А я так тебе и не даю ни отдохнуть, ни вылечиться толком, — потянул Машу в сторону кровати.

Уходит от окончательного разговора. Точно как она от его вопросов. Стоят друг друга. Надавил на плечо, заставив забраться под одеяло.

— Лучше с тобой вот так, урывками, спать больной, чем без тебя — целые ночи, — просто призналась она, не споря сейчас. Действительно чувствовала себя паршиво, чтобы там и как ни хотелось.

Позволила ему укрыть себя.

— Олег, — потянулась следом все равно, когда он на шаг отступил.

— Сейчас вернусь, душа моя, — поцеловал еще раз в лоб. — Я ночь с тобой тоже не готов ни на что менять, даже если это пару часов сна или разговора только... сама не раз видела, все отменяю, — улыбнулся криво, провел пальцами по ее щеке. Сам пошел в ванную.

А на нее вся усталость разом навалилась, казалось. Ясно, конечно, — почти три часа ночи. Вот это они заговорились! И так горло разболелось, а вставать за лекарством — уже силы нет. Зря она бегала расстегнутая, конечно. И прав был Дмитрий, что попрекал ее таким ребячеством. Глаза слипаются. Нет, не добраться до лекарства.

Тихие шаги Олега скорее вобрала в себя, чем увидела.

Так хотелось раскрыть глаза, еще понаблюдать за ним, впитать в себя его жесты, движения, домашние привычки, которые больше нигде не увидишь, никак не узнаешь. То личное и интимное, что и знать больше никто не знает. Только в самый близкий круг допущенные. Да почти не получалось разлепить уставшие веки. За все дни накатило, за их дерганные ночи. Лег рядом, она почувствовала его тепло и жар тела. Без рубашки, но вновь в брюках, хоть и в домашних. И она в этой пижаме... Шелк от него кожу отделяет, но сам же и дразнит, ластится, ласкает. Особенно, когда руки Олега крепко обнимают, сжимают талию, пройдясь по плечам и бедрам. Жадно, но и словно воруя эти касания, будто бы без права. То ли «спасибо» ему сказать, то ли проклясть...

Повернулась, так и не сумев открыть глаза. Устроилась щекой на горячей груди, губами, всем лицом к его шее прижалась. Обхватила его ноги своими, перекинув через бедро. Ее он! Пусть и не пытается спорить. Хотя Олег и не спорил. Опустил одну ладонь ей на это самое бедро, словно к себе прижимал крепче. Второй обхватил руку Маши, что лежала над его сердцем. Она ощутила ворсистую шероховатость нити на его запястье... А часов не было. Снимает на ночь, выходит. Немного потянув вверх, Олег прижался к костяшкам ее пальцев губами. И... кажется, они так и уснули, впитывая и узнавая друг друга на ощупь, на вкус.

Глава 9

— Слушай, ты бы за голову взялась, — Алена с некоторым осуждением покачала головой. Написала ей на листочке название каких-то новых таблеток, которые Маша должна была принимать. — И сюда тебе нечего пока бегать, если по-хорошему.

Мария слабо улыбнулась. «Сюда» — это в нотариальную контору, где они и сидели в данный момент в ее кабинете.

И Алена была не первой, кто пытался ей с самого утра «вправить мозги». Олег тоже не пришел в восторг, когда Маша сказала, что ей надо в офис. И ее доводы его вообще не убедили. Тем более что она их даже толком привести не могла — горло болело опять с невероятной силой. Вот искренне, до слез. А Маша пыталась ему этого не показать, чтоб не понял... Глупая попытка. Особенно если человек действительно понимает тебя и все твои увертки.

— Какая работа?! Оставайся дома и не пытайся даже выходить! Дима врача привезет... — Олег был сердит и недоволен ее профессиональным рвением. — И помолчи уже, ради Бога! Думаешь, я не понимаю, насколько тебе больно... блин! У самого горла дерет, когда тебя слышу, душа моя.

Сам заметил, что это место — для нее «домом» определил? Права была: что бы там ни говорил, а уже свой выбор сделал, даже если признавать это прямо не позволял себе.

И обнимал с какой-то трепетной жадностью, бережно настолько, что и обижаться на него не могла, и такая властность не задевала. Да и потом, при всей властности и напускной суровости — видела и знала, что на самом деле не помешает он ей никуда идти. Только пытается достучаться и донести разумные доводы.

— Олег, помнишь, что сам говорил про больничный? Так и мне болеть особо некогда, — шепотом, чтобы не перегружать горло, выдохнула она. — И у меня есть работа, которую необходимо делать. И люди, которые хотят только у меня сделки заверять. И уже ждут два дня. Сам понимаешь, так клиентов растерять проще простого...

Не обманывала, ей ещё вечером написали несколько постоянных клиентов с очень горячими

просьбами хоть на полчаса выйти. И Маша пообещала. Ей доверяли, и она ценила это. Да и людей понимала. Не хотелось их подводить. Ну, и три сделки... Если все верно организовать — два-три часа. Не полный же день! А репутацию поддержит, да и людям поможет.

— Тебе деньги нужны? Оплатить больничный? — все еще раздраженный, хмыкнул Олег, усадив ее на стул и включив кофемашину.

— Не вздумай! — отрезала резко. Глянула со всей суровостью, на какую только была способна. Хоть и сложно что-то сурово заявлять, когда сглотнуть больно.

Он вроде и усмехнулся, а по факту же видно, что скривил губы. Недоволен. Но и ее аргументы понимает.

— На сирот своих всегда готова взять, а на тебя я, значит, ни копейки потратить не могу, чтобы без споров. Изгаляться приходится, — глянул через плечо... непонятно, то ли сердито, то ли поддевая.

Маша вздохнула и уткнулась лицом в ладонь. Не отдохнула вообще. Шесть утра, а они уже завтракают. Не захотела без него продолжать спать, а Олегу к семи на встречу. Не выспалась опять, за три часа-то!

— Дети... это дети, Олег. Им надо...

Он молча снял с подставки две чашки и подошел к столу, поставив кофе перед ней. Она тут же обхватила одну пальцами, с наслаждением вдыхая аромат.

— Любишь детей? — Олег же, протянув ладонь, обхватил пальцами щеку Маши, немного надавив, чтобы посмотрела на него.

— Люблю, — и не думая обманывать, одними губами согласилась.

И, не отворачиваясь от его руки, сделала глоток кофе, стараясь согреть горло и уменьшить боль.

Олег смотрел в упор на нее, мягко и нежно поглаживая пальцами ее кожу на скуле.

— Что же своих нет, Мария Ивановна?

— Да вот, не сложилось как-то, — улынулась так же криво. И тоже ему в глаза смотрит.

«От любимого детей хотела», — не сказала, но он понял. Увидела это в его взгляде... Вообще, странное дело — то, как они понимают друг друга. Опыт по жизни сказывается? Или дикое желание и тяга к самому существу другого? Чтоб любым способом ближе. Хоть как-то...

Олег промолчал. Другой рукой взял свой кофе и тоже отпил, еще несколько мгновений согревая ее кожу. После чего пошел-таки к холодильнику и начал изучать, что у них на завтрак.

— Эй, подруга, ты меня слышишь? — Алена помахала перед ее лицом рукой. — Так, все! Заканчивай с работой — и домой. Не то я тебе постельный режим пропишу. И вот эти вот таблетки начинаешь пить сразу. Сейчас вместе в аптеку зайдём. А то доиграешься... — суровым тоном врача, а не подруги, заявила она.

— Слышу, — вздохнула Маша, возвращаясь мыслями в настоящий момент, пусть все еще

хотелось остаться в их торопливом и сонном утре.

Олег все же смирился с тем, что она также засобиралась. Но и не запретит же: взрослая она, да и доводы с работой услышал. Пусть и сделал акцент, чтоб дольше трех часов не сидела. Грозился проследить. Учитывая его наблюдение за ней — Маша поверила. И пообещала. Да и не нарушила ничего: уложилась в два с половиной часа. А теперь к ней Алена заскочила по пути в свою клинику, чтобы проверить состояние. И Маша предупредила об этом Горбатенко, сбросив сообщение. А то проверит, где она, и пришлет Дмитрия — ее из конторы вытягивать... забавно будет.

— Хорошо, сейчас пойдем, — принялась вяло складывать вещи в сумку.

Заезжала утром домой, чтобы собраться. Ну, и машину свою взять. Отказалась от водителя и сопровождения, хоть Олег и сильно настаивал. И все равно подозревала, что он от своей идеи не отказался, и где-то неподалеку кто-то из его людей маячит. Или же у нее мания преследования появляется.

Алена не торопила. Тоже поднялась из кресла и ждала, пока подруга будет готова. Да и разговор не заводила, понимая, что это приносит дискомфорт. Но стоило Маше подойти к вешалке за пуховиком (да, про «утепление» она тоже слово Олегу дала), как ее телефон включился. Звонил Петр. Говорить со старшим братом никакого желания у нее не имелось. Но и увиливать от разговора — неразумно. Еще лично приедет, упаси Боже... Так и не простила ещё Петю за последнее. И эти непонятные вопросы, возникшие после разговора с Колей, и то, что от Олега вчера узнала... Много нюансов.

— Да? — ответила на вызов, пусть это единственное слово и прозвучало слишком хрипло.

— Маша? Ты как? Коля сказал, что болеешь. Слышу, лучше не стало? — как ни в чем не бывало, с тревогой в голосе поинтересовался старший брат.

— Не стало, — не спорила она, не напоминая, из-за кого без плаща под дождем «гуляла». — Ален, две минуты, — отклонив телефон, попросила у подруги. Та кивнула.

— А ты где? — видно, все равно услышав, насторожился брат.

— В конторе, собираюсь домой. Алена зашла проверить мое состояние, — не вдаваясь в подробности, поделилась Маша.

— Почему на работе, а не дома? — вроде и пожурил, но без особой строгости.

Да Маша такого бы от него и не ждала. Петя сам отличался маниакальной преданностью работе. Больничный и не брал никогда, кажется.

— Нужно было, — словно с чужим человеком говорит, а не с братом.

Самой как-то дико, даже учитывая нюансы. А не может навернуться на душевность, которая еще три дня назад была. Не после всего.

— Да, клиенты ждать не будут, — понимающе хмыкнул Петр.

— Да.

Алена вздернула бровь с насмешкой. Поняла, кто звонит, и ее точно забавляла такая манера

общения в семье. Ну и Петя... не любила она его, что и демонстрировала всей своей мимикой, веселя Машу.

Тишина в трубке какая-то неловкая. Ей нечего ему сейчас сказать, но он позвонил же с какой-то целью. Вот и давала брату возможность выговориться. И тот не преминул воспользоваться.

— Маш, там через десять дней будет торжественный вечер. После публичного представления нас к новым должностям. Ты, наверное, уже получала приглашение? — наконец, подошел к основному Петр.

— Да, видела... — не успела прочитать еще. Но конверт, в самом деле, из почтового ящика сегодня достала. Да и на мейл что-то приходило.

— Ты сможешь там и для своего фонда преференции получить, ассоциация не против провести какой-то благотворительный аукцион. Я это уже с ними обсудил, — продолжал брат.

Подкупает... Значит, что-то для себя хочет. Но Маша молчала пока, ожидая дальнейшего и не торопясь благодарить. И Петр это тоже понял.

— Так вот, Маш... Ты же не держишь зла? Я действительно сожалею, что перегнул палку и не сдержался. Взбеленился не на тебя, по факту, а выплеснул на твою голову. Прости, сестренка, искренне.

— Да, Петь, я поняла твои мотивы, — нейтрально заметила Мария.

— Да... Для меня это очень важно, Маша. И твоя поддержка — тоже важна. Я нуждаюсь в этом, понимаешь? В твердом знании, что могу на семью рассчитывать и опираться во всем. И что мы единым фронтом выступим и всем покажем, насколько поддерживаем и любим друг друга...

Ага... Убедительно так, слов нет...

О репутации своей печется, чтоб никто не понял и не узнал, что далеко не настолько все гладко в клане Коваленко, как он привык демонстрировать. Для Петра это, в самом деле, важно. Да и публичная репутация судьи Верховного Суда, как ни крути, а должна быть безупречной.

— Я поняла, Петь, — вздохнула Маша. — Только пока не знаю, как чувствовать себя буду. Алена мне вообще госпитализацией грозит. Так что не уверена, смогу ли прийти, — не поддавшись на манипуляции и ничего не простив ему даже на словах, «повинилась».

А Алена тут же одобрительно подняла в воздух два больших пальца и губами прошептала «без проблем, положим в больничку, если надо».

— Все так серьезно? — в этот раз беспокойство брата звучало действительно натурально. — Отлежись тогда, а не работай! Что мы, не подстраховали бы тебя, Маш, ну в самом деле?!

Сговорились они все, что ли? Она вздохнула.

— Вроде бы умеренно, Алена мне добавила лекарств, так что, надеюсь, обойдется. Да и для фонда это шанс, ты прав, не хотелось бы упускать. Но пока мало что могу конкретизировать, — ответила туманно и расплывчато. — Да и я на пару часов вышла на работу сегодня, не перегибаю палку.

— Смотри, если что, даже не вздумай отмалчиваться, звони... — начал было Петр, но она его прервала.

— Да, хорошо, Петь. Поняла. Ты прости, но горло сильно болит. Давай уже лучше сообщениями, — открыто намекнула, что пора закругляться.

И брат не спорил.

— Поправляйся! — напутствовал напоследок и отключился.

— Пошли в аптеку, — тут же подхватила ее под руку Алена.

Может, заметила, что Маша вымоталась этим разговором больше, чем предыдущей работой? Вероятно. И Маша покорно потянулась за подругой, натягивая пуховик, оставив контору на помощников.

Олег позвонил, едва она домой добралась.

— Нароботалась? — все ещё немного с упреком, хоть и услышала иное, что от остальных спрятал бы.

Улыбнулась, несмотря на усталость и недомогание.

— Мгм... — хоть и выпила таблетки, что Алена ей буквально в рот впихнула, эффекта еще пока не наблюдала.

— Плохо? Горло не прошло? — тут же уловил и верно истолковал.

— Да нет, лучше, чем утром, — честно призналась Маша, сразу проходя на кухню. Кофе ей точно не помешает. Включила плиту, прижимая телефон к уху плечом. — Просто устала очень. Сложно ещё ритм выдерживать.

Он хмыкнул. Но так, чтобы сразу ей дать понять, что именно об этом и говорил утром, когда настаивал на том, чтобы Маша осталась дома... у него. А теперь вот к себе вернулась.

В этот момент, прерывая ее внутренний монолог и спасая кофе, который вот-вот мог убежать, Олег тяжело выдохнул. Она сама ощутила его усталость. Что-то за грудиной дрогнуло за него, сопереживая. Точно как он утром о ее горле говорил. Тоже измотали его.

— А у тебя что? Чем замучили? Снова какие-то проблемы? — поинтересовалась, перелив горячий напиток из турки в чашку.

— Не спрашивай, душа моя, — снова усмехнулся Олег. — Врать тебе не хочу. Проблем всегда «с головой», сама знаешь, — вроде и легко, и с шуткой, в обычном несерьезном тоне...

Только ей не по себе стало. А уж после следующих слов — холод по спине прошел. И дело было точно не в простуде.

— Я сегодня не вырвусь, дел по горло, Машенька. Ты у себя останешься или ко мне поедешь? Водителя прислать могу, — тем же легким тоном поинтересовался Олег. — Хоть сам и работаю, но мне приятно будет, если у меня переночуешь... — замолчал.

И она зажмурилась, вспомнив прошлую ночь и то, как дышали друг другом почти. И по молчанию на том конце связи поняла, что и Олег это вспомнил.

— А если останусь, — голос хриплый, но уже тоже не от боли. — Также кого-то пришлешь?

— Пришлю, душа моя. Мне так спокойней будет, — и не думал отрицать Олег, хмыкнул с весельем.

А у нее все равно привкус какой-то горечи на языке.

— Хороший мой... Что-то сложное? — как спросить, чтобы понять его недомолвки, чтобы угадать...

— Простого у нас в принципе ничего нет, не те времена, Машенька, — тот же ровный тон, чуть веселый, немного усталый. — Разберемся. Не нервничай...

Маша знала, что он прикрыл веки, будто впитывал в себя привкус этого слова, как она вкус кофе сейчас. Вчера заметила, насколько наслаждается, когда она его «любимым» или «единственным» называет. Когда ласково... И она его понимала, сама млела каждый раз от его «душа моя».

Легко ему говорить «не нервничай». А сам бы как реагировал, заяви она Олегу подобное?

— Так что скажешь, Машенька?

— Я, наверное, лучше у себя все-таки, раз тебя все равно не будет, — вздохнула она. — Закончу с теми документами. Да и сегодня появилась пара моментов, которые проверить нужно. Без тебя мне не по себе там, как-то очень пусто. Здесь хоть пространства меньше, в котором теряешься...

— Это ты точно заметила, — рассмеялся Олег. — Насчет пространства... — помолчал. — Хорошо, воля твоя. Только охрана у дома будет, имей ввиду, — тоном, который четко давал понять, что никакие ее возражения ни на что не повлияют, добавил Олег.

Теперь Маше оставалось лишь вздохнуть.

— Олег! — вдруг вспомнила, опасаясь, что он сейчас прервет связь. — А ты будешь на этом вечере? Который после представления новых судей Верховного Суда собираются устроить? — на такие мероприятия его не могли не приглашать.

— Приглашали вроде бы, — как-то мимоходом согласился он. — Но не уверен. Много нюансов...

— Мне Петр звонил, уговаривал прийти. Даже сказал, что уже договорился про аукцион, чтобы собрать пожертвования для нашего фонда. Подкупает, — поделилась она. — Поддержка ему нужна, и положительный облик. А я сказала, что меня Алена в больницу грозит положить... В общем, тоже не уверена и желания нет, хотя для фонда и стоит. Думаю, мне ещё соучредители об этом напомнят, — улыбнулась, сделав еще глоток кофе.

— Ладно, с этим разберемся, время есть еще, — Олег понимающе хмыкнул. — Отдыхай, душа моя.

Она поняла, что больше у него времени нет, вздохнула. Много с языка рвалось. Слишком большое искушение, он ее этими своими новыми послаблениями тоже толкал к вседозволенности... Но, как он верно сказал, пусть и о другом, «нюансов много», а она его подставлять не хотела.

— Люблю тебя, — почти прошептала.

Не таилась — горло подвело и от эмоций, и от болезни.

Олег резко и шумно выдохнул. Пауза. Оба знали это. А все равно, вслух не говорила раньше.

— Душа моя... — так же хрипло, хоть у него с горлом и нормально все. И вновь пауза, когда оба знают, что у него в голове и на языке вертится... Только не все в офисе сказать можно. Даже если один. Это не дома. — Ты хоть выпишись сегодня...

— Не обещаю, но постараюсь очень, за двоих, — рассмеялась Маша.

На том и распрощались. Она все-таки уснула, пусть и среди дня. Устала больше, чем хотела всем признаваться. А потом почти до часу ночи занималась документами, и по своим делам, и теми, что Олегу обещала. Не столько из-за того, что торопил кто-то, — по нему скучала. И заснуть одной, хоть и в родной постели, было уже не так просто и уютно. Попробовала иное, а теперь уже не хватало его рядом. Даже в какой-то момент пожалела, что не поехала к Олегу... А смысл? Его там все равно нет...

А ещё волновалась все равно, хоть он и не велел. Да толку сердцу и душе в таком приказе мало. А многие знания — многие печали, истинная правда. И Маше хватало представлений и догадок о том, чем его «дела» могут оборачиваться.

Не освободился он и на следующий день.

Ничего удивительного, сказать по правде. Мария дивилась тому, что прошлые три ночи безотрывно с ней был. Ведь прекрасно знала, сколько на самом деле у него забот и проблем. И официальных, и «других», сама же неоднократно к нему ночью приезжала именно в офис, не сомневаясь, что застанет.

Но днем они все равно встретились — Олег приехал. Буквально на двадцать минут. Кофе ей привез из кофейни, и снова те круассаны и сладости, которыми угощал как-то. Да, Маше понравилось тогда, и он не пропустил.

— У тебя же есть нормальная еда, душа моя? — с подозрением глянул на нее, едва переступил порог. Коробку не отдавал, даже отвел руку, в которой держал ту, в сторону.

Чем заставил Машу залиvisto рассмеяться. Ни на что не обращая внимания, она к нему прильнула, крепко обхватив руками за пояс. Уткнулась всем лицом ему в шею, вдыхая его запах. Щекой к груди прижалась, чтобы слышать, как сердце стучит — ровно и уверенно.

— Есть, Олег, — все еще посмеиваясь, успокоила его. — И я сегодня даже ела.

— Поверю на слово, Машенька, — расплылся и он в улыбке. А потом сам крепче прижал ее к себе свободной рукой, но отклонившись головой, плечами. Заглянул в лицо Маше. — Лучше? — почти с утверждением уточнил.

Заметил. Ей в самом деле лучше стало, не пропускала больше прием лекарств, тем более последних, которые подруга добавила. И заметно на поправку пошла. Может, конечно, еще и отдых сказался. Все ж таки проспала больше, чем за все предыдущие дни.

— Гораздо, — подтвердила Маша, продолжая его обнимать.

Сразу стало заметно, что он рад. Тогда ей наконец-то вручили долгожданную коробку с угощением. А ещё так обняли, с такой жадностью стиснули в руках, что «косточки хрустнули». Олег прижался к ее макушке лицом. Прошелся губами по волосам, поцеловал в висок.

— По Овчаренко подвижки есть приличные. Почти всю ночь это мониторил и решал. Подключил прокуратуру, у них свой интерес к этому его бывшему партнеру, — ни на йоту не ослабляя ни объятий, ни той силы, с которой к ее коже губами прижимался, рассказал Олег.

Не совсем ожидаемо, кстати. Не думала, что будет делиться после его вчерашнего расплывчатого ответа. Зато ей полегче сразу на душе стало. Вновь лицо на его груди спрятала. Скользнула своими пальцами по его руке, греющей ее щеку. Нить на месте... Выдохнула. Переплела свои пальцы с его.

— Надо будет документы подготовить, если чувствуешь себя получше, душа моя. Есть шанс, что он заключит с ними соглашение и все назад перепишет, как ты и предлагала оптимальным, — нежно, с некоторым нажимом поглаживая ее щеку пальцами, добавил Олег.

— Без проблем, сделаю, — согласилась Маша, готовая сейчас на все, лишь бы он и дальше так стоял, обнимая, целуя, глядя...

Но оба знали, что времени в обрез. Всегда мало этого ресурса у него, а для нее находит.

— Ты хоть спал? — глянула снизу вверх.

— Перекаптался пару часов на диване в кабинете. Не то чтобы выспался, но сбил немного усталость, — хмыкнул Олег. — Мне пора, Машенька... — губами по скуле щекочет, и дальше ее к себе прижимает так, что она и при желании отступить не смогла бы.

А уж если такого желания и в помине нет...

— Знаю, — улыбнулась без веселья.

Мало. Не напилась еще его запахом, его теплом. Но знает, что должен.

Прижался напоследок к ее виску с ещё большей жадностью губами.

— Чтоб до завтра полностью выздоровела, — распорядился с улыбкой.

И еще раз погладив по щеке горячими пальцами, ушел. А она побрела на кухню, планируя выпить этот кофе с круассаном. Ну, и по документам, о которых он просил, решить.

Глава 10

На следующий день, ощущая себя уже совсем здоровой, Маша вновь рискнула выйти на работу. Запись была полной не только на сегодня, но и на следующую неделю больше половины времени уже занято. Некуда оттягивать. Да и работалось как-то легко, с удовольствием. Возможно, потому, что с самого утра курьер принес ей новый букет от Олега. И вновь сладости...

«Я так поправлюсь», — со смайликом написала ему. — «Цветы прекрасны, спасибо!»

«Это и есть моя цель», — с таким же смайлом ответил Олег. — «Устал бояться, что ты себя со свету сживешь. Не мотайся сегодня по городу сильно, душа моя...»

И после этой мини-переписки Маша никак не могла прекратить улыбаться. Хоть последнее предупреждение и заставило немного насторожиться. Но все равно настроение зашкаливало. Было как-то непривычно после долгих месяцев и даже лет опасений, сомнений и утаивания позволять себе и ему говорить чуть больше, писать то, что действительно хочешь, а не намеки ронять... Пусть и сейчас еще не открывали все, что на душе лежало.

Ее хорошее настроение заметили и помощники, и Николай, который звонил в середине дня, чтобы поинтересоваться самочувствием Марии.

— Что веселая такая? — кажется, брат и сам улыбнулся, услышав ее задорное приветствие в трубке.

— Чувствую себя хорошо, на работу вышла, в ритме снова — вот и настроение поднялось. Устала болеть, — немного слукавила Мария.

Но не решилась что-то открывать Коле. Несмотря на то, что после последнего утреннего разговора общение между ними явно наладилось, не рисковала довериться настолько.

— Ясно, — понимающе рассмеялся Николай. — Тебе Петька звонил по приему? Уговаривал прийти?

— Да, но я ещё не решила, пойду или нет, посмотрю, как себя чувствовать буду, — тоже не конкретизировала.

— Ну, мне косить повода нет, — даже как-то немного раздосадованно пожаловался Николай. — Хотя охоты туда идти тоже не особо. Были другие планы. Но ладно, посмотрю, что и как. А ты не перерабатывай, Машунь. Не срывай только поправившееся здоровье, — напутствовал напоследок.

— Хорошо, постараюсь, — вновь рассмеялась Маша.

На том и распрощались.

А к середине дня, когда у нее уже, по правде сказать, начала накапливаться усталость, все же сказывалась простуда, позвонил Олег.

— Доброго дня, Мария Ивановна. Как ваше здоровье? — даже замерла, услышав тот, прежний, голос и тон.

Отвыкла за эти несколько дней. Растерялась на какое-то мгновение. И только через пару секунд сообразила, что он не один, вероятнее всего.

— Доброго, Олег Игоревич, — настороженность все же сквозила и в ее тоне.

И Олег, словно почувствовав это, улыбнулся, что тоже в голосе отразилось.

— Я по документам, о которых мы с вами говорили. Насчет Овчаренко и его собственности. Готовы?

— Да, конечно, — взгляд метнулся к папке, лежащей на краю стола. Там были подготовлены все документы — и по фирме, и по частной собственности Юрия.

— Спасибо, Мария Ивановна. Как и обычно, бесконечно вам благодарен, — все с той же улыбкой заметил Олег, не меняя тон. — Я вам напишу адрес в сообщении и время. Пусть один

из ваших помощников подвезет эти документы. Они нам сегодня понадобятся. Хорошо? Или мне Дмитрия прислать?

— Да, разумеется, — она тоже ничего не спрашивала, понимая, что для всего есть причина и повод. И то, что он про помощников уточнил, а не сразу своего самого преданного охранника прислал — наталкивало на мысль. Значит, не все так просто сейчас там у него. По месту. — Нет, Дмитрия не обязательно дергать. Решим.

— Благодарю... Мария Ивановна. Я еще свяжусь с вами сегодня, — напоследок добавил он, явно намекая, что им есть о чем поговорить, кроме этих бумаг.

Отключился. Через несколько минут пришло сообщение с адресом.

Маша задумчиво посмотрела на то, открыла карты в браузере, еще раз перепроверяя свою догадку.

Настроение изменилось. Не испортилось, но стало напряженной, сосредоточенной.

То, что адрес не офиса Горбатенко — сразу было ясно. А вот то, что это практически промзона, наводило на мысли. И если вспомнить все, что он ей накануне говорил о сделке и прокуратуре... А еще то, что охранники, которых Олег и сегодня к ней приставлял, пусть и вроде не особо навязчиво, «довели» Машу до конторы, а потом он в авто стался один, второй уехал... Очевидно, что Олег «собирал силы». И если это действительно так, то помощник... вряд ли окажется для него самым оптимальным вариантом. И он не мог этого не понимать. Следовательно, снова стережется и перегибает палку в вопросе ее безопасности. Даже в ущерб себе. А Маша... Что ж, ей это не казалось верным решением, учитывая юридические нюансы, которые так или иначе могут возникнуть.

Олег набрал ее буквально через две минуты после того, как Мария повернула в сторону, противоположную дому.

— Душа моя, скажи, что ты просто в магазин едешь... — она слышала напряжение и недовольство в его голосе.

Охранник сдал направление, не иначе. Видела его авто в зеркале заднего вида. Но уже не собиралась менять принятого решения.

— А у тебя там есть магазины, ненаглядный мой? Какой-то новый торговый центр строишь?

— Машенька! — Олег сердился.

Но с ее багажом по жизни это как-то тревожило не особо. Тем более что Маша имела повод для подобных поступков.

— Да, Олег? Что? — остановившись на светофоре, уточнила она без всякого страха в голосе.

— Тебе здесь нечего делать! Я четко сказал, чтобы прислала кого-то из помощников...

— Если я права в предположениях о том, что ты собрался проверить, помощники — это мало, любимый, — искренне вздохнула Маша. — Много вопросов может возникнуть.

— Тебя здесь не будет, ясно?! — буквально рявкнул Олег.

Но ее и это не испугало. Она уже достаточно хорошо знала этого мужчину.

— Я за рулем, хороший мой. Неудобно говорить. Скоро буду, — только и заметила Маша, начав движение. И отключила связь.

Если Олег и не был согласен с такой постановкой вопроса, больше не звонил. Наверное, тоже считал, что разговор по мобильному за рулем отвлекает.

Зато стоило ей остановиться у недостроенного здания, расположенного по адресу, который Олег сбрасывал, как ее буквально вытащили из авто. Да, аккуратно и осторожно, но безапелляционно. При этом Дмитрий и ещё пара охранников окружили машину, словно бы отгораживая от окружающего. Или, возможно, делая все, чтобы саму Марию сложно было рассмотреть тому, кто оказался неподалеку.

Олег же молниеносно «упаковал» ее в свою машину, не позволив и рта раскрыть. И теперь сел рядом. Выражение его лица наглядно демонстрировало, что Горбатенко очень... очень недоволен ее своеволием. Но Маше не было ни капли страшно. Да и до Пети он не дотягивал в своей ярости. Слишком хорошо она видела в его глазах гораздо больше эмоций, чем просто злость...

— Привет, — спокойно произнесла Маша до того, как Олег начал бы ее вычитывать, и, подавшись немного вперед, переплела их пальцы.

Он, уже открыв рот, чтобы ее отругать, очевидно, резко выдохнул, с каким-то опустошением, и невесело рассмеялся. Будто бы признав, что не может выдержать тон и ноту суровости с ней. А потом сгреб Машу в свои объятия и прижал к себе.

— Привет... — прижался виском к виску. — Ты что творишь, душа моя? — его губы на ее шее обжигают касанием. — Не можешь же не понимать, что здесь и прокурор будет, и куча народу, которые про тебя не должны знать или видеть в таких обстоятельствах, Машенька. Да и твоя деловая репутация. Я тебя в это втягивать не собираюсь! Говорил уже...

— Тебе будет нужен нотариус, Олег, — у самой голос хриплый и жаркий. Слишком близко он, слишком нужен, тем более после всех этих дней-ночей, когда ходили по самой грани. — Нотариус со всеми полномочиями. Не помощник, не просто подготовленные документы... Нет, — попыталась заглянуть ему в глаза, только он продолжал ее шею обжигать своим горячим дыханием — мурашки по спине. Не позволил отклониться. — Все должно быть сделано верно в такой ситуации, чтобы потом вопросов ни к тебе, ни к Юрию не возникло. Поверь мне. Иначе...

— Ты из этой машины не выйдешь, душа моя, — прервал, обхватил обеими ладонями ее щеки, заставив теперь Машу смотреть прямо ему в глаза. Тоже напряжен. Пытается отстраниться, по каждому его движению это видит. И проигрывает сам себе, притягивая Машу все ближе. — Ясно? — решительно и беспрекословно заявил он, словно и не услышал ее доводов.

Но обнимать продолжает. И по коже будто разряды молний. Воздух между ними наэлектризован... Только и она отступать не собирается, хоть все мышцы уже в мелкую дрожь!

— Олег, — не любила, когда ее игнорируют. Пусть и понимала, что именно заставляет Олега действовать в ущерб себе же. — Я же о будущем думаю, и о твоих интересах...

— По фигу мои интересы! — снова резко и зло прервал. Раздраженно и сердито сверкнул глазами. — Мы сейчас о твоей безопасности говорим, душа моя! — отрезал он, еще

настойчивей сжав ее щеки, словно бы призывал одуматься этим.

И заставлял в глаза его смотреть.

А там, в его взгляде, столько всего бушует, что у Маши сил нет настоять. Только и вариантов не имеет, должна ему донести. Потому что в самом деле права и знает об этом!

Он сжал челюсти, заметив ее упорство. Сквозь зубы выдохнул, словно уловив эту решимость Маши... А может, устав бороться со всем, что между ними копилось, клубясь в тесном салоне авто, нагнеталось месяцами, когда другого коснуться не позволяли себе... Или поддавшись тому, что держало, не давало обоим отстраниться хоть на миллиметр, вдруг резко наклонился и прижался к ее губам своим ртом. Жадно, жарко, жестко... И при этом с такой потребностью и нуждой, с такой напряженной дрожью, которую она ощущала в нем, что Маша все доводы и аргументы вдруг из виду упустила!

Выдох на стон похож... Подалась, прильнула к нему со всей своей силой — их первый поцелуй... Действительно долгожданный! И безразлично стало до ситуации, резонансов и всего того, что останавливало раньше.

Его горячие губы на ее, дыхание, которого обоим не хватает. Жаркие руки Олега, вжимающие Машу в его большое и сильное, кажется, каменной твердости тело. В голове жар, здравых мыслей нет. Обхватила его шею руками с дикой потребностью, словно жить без Олега не могла! И ведь так и становилось на самом деле! И он не мог уже, кажется...

Только у него выдержка сильнее. Замер, соприкасаясь с ее лицом своим лбом, носом, щеками. Губы все ещё на губах, хоть и не целует уже. Обжигает горячим дыханием. Она прямо физически ощущает его усилие, чтобы прекратить, оторваться, потому что надо... А не в силах ни один из них. И оба тяжело дышат, не в состоянии погасить все, что вспыхнуло между ними.

— Ты никуда из этой машины не выйдешь, любовь моя... — его яростный шепот «катится» по ее губам, щекам, шее. — Никуда!

И руки Олега обнимают ее так крепко, что дышать трудно. Да и не хочется! Только сейчас поняла, что у него на коленях сидит — не заметила, когда затащил. Или сама забралась? Тоже обнимает его со всей своей силы. И от того, что он сказал только что — все тело в дрожь. Души наизнанку, все границы нарушены.

Резко выдохнула, уткнувшись лбом в его скулу.

— Но это для тебя необходимо, любимый, — таким же шепотом.

— Перебьюсь, — сердито отрезал он, не позволяя ей ничего объяснять дальше. — Ты — сидишь тут. Диму оставлю, — распорядился.

Еще раз коротко и жадно прижавшись к ее губам, ссадил Машу со своих рук. И видно же, что самому никуда идти не хочется уже. Но оба знают — слишком серьезные дела ждут. И люди.

— Документы на пассажирском сиденье у меня, — тихо напомнила, наблюдая, как он проводит рукой по волосам — она взъерошила, даже не поняв, не заметив. Мозг отключился в его руках.

Расправил пиджак и галстук. Она ухватила его за руку — нить цела... Прижалась губами к его ладони. Почему-то не верилось, что скажет, случись что, вот и перепроверяла постоянно. А Олег, поначалу не понявший, что она делает, перехватил тут же ладонь Маши и к костяшкам

ее пальцев с такой алчностью губами припал, что обоим ясно — никому не хватило того поцелуя, что только что себе позволили. Только времени совсем в обрез.

Так и не взяв пальто, открыл дверь, выходя на улицу. И на один последний миг глянул на нее. Все еще злится и недоволен. Но и все другое, что в обоих бушует, что сам сейчас выпустил, — в глазах Олега горит, заставляя ее дрожать вообще не от страха.

Все, чего он сейчас бы хотел — это сгрести ее в охапку и отвезти домой к себе. Подмять под себя, всеми возможными физическими способами закрыв и защитив, укрыв собой. Спрятать, от всех утаить. Чтобы и духу Маши здесь не было! Чтобы не увидел никто. И из своих рук не выпускать даже на секунду... Потому что не врал тогда, когда наизнанку нутро выворачивал перед ней: не выдержит, если с Машей что-то случится. Ее потери не вынесет. Был достаточно честен с собой, чтобы признать — это его точка излома и слабости, преодолеть которую не сможет. Просто потому, что не захочет без нее трепыхаться или дальше для чего-то глотку рвать.

Оценка событий и смыслов меняется с годами. И в какой-то момент начинаешь ценить такие нюансы, которые раньше в сторону отодвигал, считая, что нагонишь, успеешь. Нихе*а... Не работает так. И постепенно приходит понимание, что больше может и не быть ничего. И не так уж щедра сука-жизнь, не сыплет тебе на голову подарки и счастье из мешка... Только себе у тебя отжимает все, что хоть минимальную ценность для души и сердца имеет. И с каждым прожитым днем, с каждой такой потерей — начинаешь безгранично ценить крохотные мелочи.

В последние годы для Олега было подарком и наградой само присутствие этой женщины в его жизни. Разговоры с ней, эпизодические встречи. Даже если по самому краю его судьбы шла, пусть и не его она...

Про то, что взрывало разум и душу последнюю неделю, когда заполучил в свои руки, хоть и сам воли обоим не давал, — и говорить нечего. Словно жил все эти годы в замкнутом вакууме, ничего не желая уже, по сути, от существования, — перекантоваться бы, да не дать никому себя в землю втоптать. Просто не проиграть... И вдруг оказался на бескрайнем просторе свободы, под раскинувшимся над ним небом, словно ставшим частью самого Олега. Весь мир в тот момент стал ему принадлежать! Все оттенки красок под сомкнутыми веками, когда ее прижал к себе в том парке. И дышать смог так, что воздух на вкус ощутил... сладкий и пьянящий. Сейчас же, когда позволил себе ее поцеловать... кайф острее любого физического удовольствия, что знал десятилетиями. Почти до боли. За грудиной до сих пор горело и жгло.

А она, словно не осознавая, насколько важна и существенна, как бесценна для него, — взяла и сюда приехала... Чтобы его интересы отстоять.

Мля! Олег растер лицо, стараясь встряхнуться и сосредоточиться на предстоящем. Вернуть себе холодную отстраненность. Что было почти невозможно, ощущая аромат ее духов на своем лице. Взял документы из авто Маши, которое уже переставили его парни так, чтоб за их машинами видно не было. Глянул на Димку. Тот все понял без слов, кивнул, получив «распоряжение». Олег точно знал, что ни на шаг от машины не отойдет, да и Машу без раздумий собой закроет от всего. Приподнял открытую ладонь, показывая верному помощнику и охраннику, что ценит и не забудет этого. И пошел навстречу машине Юрки. Им всем предстоял непростой вечер.

Маша не выходила из авто следом за Олегом. Сейчас обострять и настаивать смысла не было. Однако не сомневалась, что ему придется вернуться за ней. Особенно, как увидела, кто именно

из прокуроров приехал. Начальство. Неплохо знала Алексея. Он будет до последнего на каждой мелочи и правовом нюансе настаивать...

И оказалась права — Олег вернулся через сорок минут. Теперь действительно злой, как черт, и яростный. Не на нее, это Мария тоже хорошо ощущала. И в то же время, его какой-то безысходный гнев на обстоятельства, яростное смятение от того, что не имеет другого варианта, которые он буквально транслировал вокруг, — проходили сквозь нее, окутывая и давя на Машу, вызывая ответное смятение тем, что понимала мотивы Олега. Как и то, почему иначе нельзя... Да и приехала потому, что знала: если Горбатенко дает свое слово кому-то — делает все, чтобы слово сдержать. Вот и сейчас, пообещав решить проблему Юрия, он вынужден действительно ее решить, а не создать новую. Даже если самого Олега бесит необходимость Машей из-за этого рисковать.

— Я должен был отдать эти бумаги кому-то другому, — раздосадованно обронил он сквозь зубы, помогая Маше выйти из авто. — Кому угодно. Не тебе.

Его ладонь на мгновение сжалась на ее локте, будто и сейчас, все понимая, Олег все равно не хотел пускать Машу в здание.

— Мы сейчас здесь, в этом месте и в этом мгновении. Все остальное — уже несущественно. Все нормально будет, хороший мой. Нас с тобой не так просто одолеть, когда мы вместе, — сжала его руку на такое же мгновение.

Не потому, что не понимала опасений Олега. Понимала. Да и прав он был во многом — ситуация могла превратиться в очень непростую. Но вариантов сейчас в самом деле иных не имели.

Олег ничего не ответил. Одарил ее все тем же яростным взглядом, явно не убежденный и все ещё злящийся на себя, что допустил подобный расклад. И повел Машу внутрь, забрав из авто ещё и регистрационную книгу с печатями. Дима пошел за ними.

Обстановка в самом здании показалась ей еще более накаленной. И та официальность, что Олег словно накинул на них двоих, как плащ на плечи, стоило войти, — только усиливала такое ощущение. Вновь по имени-отчеству... И невооруженным взглядом видно, насколько ему не по нутру происходящее. Так и бесится, бушует, хоть и старается наружу не выплескивать. Но она его всегда хорошо понимала.

Старалась почти не говорить, быстро оформляла все, что следовало, подготовленное же. В обсуждения также особо не вступала, с Алексеем только поздоровалась да с Юрием парой слов перекинулась. А все равно чувствовала, как на нее словно бы давит напряжение Олега. И в себе стала отмечать нервозность. Груз этот на плечи давит, как низкий потолок в комнате: вроде и не тот рост у нее, чтобы задевать, а непроизвольно голову в плечи втягиваешь. Да ещё и периодически улавливаемый оценочный взгляд Алексея добавлял повод нервничать. Не то чтобы тот с ее братьями накоротке был. Нет, скорее. Но и не «на ножках». И чем ее участие в сегодняшнем вечере может в будущем для Марии обернуться — поди угадай. Не так и зря нервничал Олег, не без повода злился. Но ведь и не просто так именно с этим человеком сейчас дела решал. Значит, тоже связи между ними хорошие и найдут решение без крайностей?

Непонятно, решила проблему Олегу или добавила только?

В душе раздраз и сомнения, которые тоже не улучшали самоощущения. Быстро закончила все и, отдав Юре документы, стала за спиной Горбатенко, стараясь особо не привлекать к себе

внимания. Да и по сторонам не разглядывала. Олег ее раньше в подобные обстоятельства никогда не брал. Обходился документами, как и сегодня хотел. Не подставлял... И хоть Мария о многом, в чем он участвовал, юридически ориентировалась, наяву, так сказать, старалась не рассматривать. Незачем. Да и Юрий ей был симпатичней, чем тот его бывший партнер, что сейчас в наручниках сидел под наблюдением охраны. А потому не казалось, что несправедливо. Наоборот, все возвращали к тем позициям, которые Маше виделись честными.

— Мы отвезем вас домой, Мария Ивановна, — отстраненно-вежливая реплика Олега словно бы поставила точку в этом вечере.

Все стали собираться. Маша не спорила. Вообще ни слова не сказала, кивнув. И пошла вместе с Димой к выходу, пока Олег что-то напоследок Юрию говорил. Хотелось быстрее покончить с этим.

В собственную машину ее никто не пустил, ясное дело, да она и не рвалась. К тому же кто-то из охранников Олега сел за руль, так что здесь не бросят. Она же спокойно устроилась на заднем сиденье его авто.

Олег подошел через минуту. И он все еще не успокоился. В замкнутой атмосфере автомобиля его раздражение и злость ощущались еще сильнее. И, что странно, казалось, что с каждым километром, удалявшим их от того здания, эти эмоции в Горбатенко только нарастали. И ехали они в направлении ее дома.

— Пригласите в гости, Мария Ивановна? — не оборачиваясь к ней, тем же отстраненным тоном поинтересовался Олег, когда Дмитрий остановил авто перед ее подъездом.

Даже с иронией, как ей показалось.

— Вы всегда у меня желанный гость, Олег Игоревич, — решила не уступать ему в тоне. — Буду рада.

Охранник в их диалог не вмешивался. Да и в принципе изображал глухого. Однако тут же вышел и придержал для нее дверь.

Собрав свои бумаги и печати, она тоже вышла. Олег уже был рядом.

Странная ситуация. Пока ей не до конца понятная. И его напряженная ярость, которую Олег так старательно пытался подавить, но та все равно пробивалась, мерцая вокруг него словно «аурой». Такого между ними ещё не было. А учитывая количество событий за вечер — гадать сил нет.

Поднялись на лифте, он отодвинул ее, забрав ключи. Сам открыл, лично же снял и с охраны, не скрывая, что знает код. Откуда? Вопрос вертелся на языке, но Маша не уточнила.

— Почему ты сейчас злишься? — отложив все на скамейку, стоящую у дверей, Мария устало сбросила пальто прямо на пол.

Избавилась от ботинок. Провела рукой по лицу, прогоняя усталость. Ее губы все еще хранили ощущение его поцелуя, и меньше всего хотелось проводить вечер в такой атмосфере. Но у Олега имелось свое виденье.

Он повернулся к ней после этого вопроса на какое-то мгновение. Но промолчал. Так и стоял у стены коридора, не проходя дальше. Руки сжал в кулаки, будто этим пытался взять эмоции под

контроль. Увидел, что Мария заметила — спрятал в карманы брюк. Резко выдохнул сквозь зубы, шумно, тяжело. Вновь отвернулся, всматриваясь в темноту квартиры.

И так ничего и не говорит.

Маша вздохнула, обошла его и посмотрела в глаза, не позволяя отстраняться.

— Олег...

— Я не должен был тебя в это втягивать... — вновь отвел взгляд. И резко выдохнул, зажмурившись. — Не должен был, твою ****!

Ей стало ясно, что вся эта ярость, злость и гнев, которые на самом деле бурлили, бушевали там, под тонкой коркой его самоконтроля, — направлены вовнутрь. На самого Олега.

Внутри у Маши что-то защемило, заставив дрогнуть сердце. Сделала ещё шаг к нему. Теперь впритык. Коснулась его руки. Олег вздрогнул, с жадностью схватил ее пальцы.

— Я сама принимала решения, хороший мой. И я хотела помочь тебе. А это было важно: для твоих дел, для планов...

Олег внезапно уставился в ее глаза с той же яростью. Только уже не прикрывая эту бурю ничем. И вокруг них воздух словно схлопнулся. Коридор стал тесным, дышать нечем от его эмоций, что выпустил наружу.

Обоих затрясло почему-то.

— На х*р! В пекло, ясно?! — рявкнул, обхватив ее затылок рукой, словно не желал, чтобы она отворачивалась.

Не позволял отступить. Навис, запирая ее между собой и стеной. Лицо к лицу. Глаза в глаза смотрят. И у нее внутри все сжалось из-за того, что его злое смятение ощущает, словно свои эмоции.

— В топку меня и мои планы, Машенька! Все эти греб**ные дела! Это все пыль, душа моя! Ты должна быть в безопасности — вот, что важно, б**! — погрузил пальцы в ее волосы, сгребая короткие пряди.

Вторую руку упер в стену у ее плеча. Давит. Непонятно, чего сильнее хочет: на себя ее опрокинуть или в стену вдавить? До сих пор пытается прикрыть от любой угрозы?

Мария протянула руки и обхватила его сведенные, жесткие щеки руками, чувствуя под ладонями, как «ходят» желваки от его напряжения.

— Я имею такое же право заботиться о тебе и твоих интересах, Олег, как и ты сейчас печешься о моих, — глядя ему в глаза, без всякого страха напомнила Мария.

— Твою ж... — сглотнул, умолк, не завершив ругательство. Еще разъяренной глянул в ее глаза, вынудив Машу запрокинуть голову, чтобы отвернуться не могла. — Это серьезно, Маша! И опасно! — рыкнул. — Ты же не можешь не понимать, душа моя! — чуть ли не со стоном, но злым, отчаянным из-за того, что она не уступает, не сдает позиций.

Выдержала, не отвела глаза. Отказывается прятаться... Продолжает настаивать на своих

правах быть рядом с ним в любой ситуации.

— Ты же моя! Не смогу потерять!.. — хрипло рявкнул в ответ на этот взгляд он.

И... и, словно бы это вдруг стало переломной точкой, Олег неожиданно дернул ее целиком на себя и впился в губы Маше, сминая плоть, сжимая ее плечи. Так, как не целовал и накануне. Так, как ее еще никто не целовал, ни разу в жизни! И обоим вдруг ясно стало, что сейчас ни у кого из них не достанет силы это все прекратить...

Глава 11

Их будто бы столкнуло, спаяло друг с другом! Неожиданно и не планируемо, для нее, во всяком случае. Да и Олега, казалось, накрыло с головой, вообще не характерно для Горбатенко. Побоку контроль у обоих, никакого здравого смысла! Зато такая жажда и потребность взметнулась, что невозможно от его кожи оторваться! Ни на шаг ей от Олега не отступить!

Его ладони на ее щеках, притягивают, заставляют оказаться еще ближе.

Она обнимает его шею с такой силой, словно задушить пытается, а ему от этого ещё больше удовольствия, похоже! Грудная клетка Олега вздымается тяжело, часто, с каким-то судорожным усилением, перебрасывая тяжелую дрожь и на ее тело, распластанное сейчас на нем. Обжигая Машу его горячим дыханием.

Молчат оба.

Некогда говорить! Все предыдущие годы тратили на разговоры!

А Маша сама не знает, как вместить и осознать все, что сейчас разум и душу переполняет, — у нее нет сил терпеть такое напряжение! Глаза физически открыть не в состоянии, сами по себе веки тяжелеют. Она же все тянется к Олегу. И остановиться — ни силы, ни желания нет!

Отпустил ее лицо, жадно прошелся по рукам, по плечам. Не освобождая губы, не прекращая их какого-то бешеного поцелуя, от которого у нее в голове ничего не осталось, кроме звенящей пустоты: горячей, жаркой, нуждающейся только в нем... Никто и никогда еще настолько нужен не был.

И Олег даже не думает останавливаться: нападает, в свой рот втягивает ее губы, языком вторгается в это влажное пространство. Губам даже больно немного, а она сама к нему еще крепче прижимается. Отвечает с такой же страстью, с жаждой по нему. Слишком остро, невыносимо почти, кажется, грудь вот-вот разорвет что-то чересчур объемное и невместаемое... Все те чувства к нему, которые так долго в себе подавляла, необходимые теперь наравне с дыханием!

— Машенька... — выдохнул в ее рот. — Любимая моя!

С такой алчностью стискивает ее тело руками, что у Маши сил нет терпеть — всего хочет. Сразу! В этот же момент! А Олег уже ниже ладони опустил, сжал ее бедра, и вдруг вскинул, приподнял Машу — еще больше поцелуй углубил теперь. Видно, удобней ему так. Вжал в стену. Себя вдавил в нее — возбужденный и напряженный пах в развилку ее бедер, где так сильно сейчас в нем нуждалась!

И она задохнулась! Сорвалась в хриплый стон, который Олег глотнул, слизывая с ее губ.

Вцепилась в его плечи, затылок, зарылась пальцами в волосы Олега и обхватила ногами его пояс. Колотило, как в лихорадке. Сама с отчаянной потребностью целует его лицо — до всего дотянуться хочется!

Кожа к коже. Пытается привыкнуть, все прочувствовать: это новое ощущение его под своими ладонями запомнить, чуть жесткой кожи, царапающе-колючих щек, напряженной шеи, горячего рта, нападающего на нее. Не может остановиться, пульс рвет вены, кажется! И сердце грохочет так, что Маша глохнет, горло этими ударами разрывает, а она больше к Олегу тянется, ощущая такие же лихорадочные удары его сердца.

Тела горят! Физика и примитив вроде бы. С кем угодно такое же возможно?..

Нет! Точно знали этот ответ. Оба.

Сами сути их друг к другу тянутся, делая чересчур глубокой нужду в одном, конкретном человеке, без которого не совершить следующего вдоха уже, добавляя этой потребности ощущение самой желанной награды. Ломая ту грань, когда ещё в чем-то сомневаешься, помня о каких-то там доводах!

Все! Нет ничего. Только он и она вместе...

Ладони Олега — горячие, большие, сильные — скользят по ее бедрам, задирая юбку все выше. С такой же алчностью, которую Мария в себе ощущает, сжимают кожу, будоража разум и плоть. Она запрокинула голову, прижав затылок к стене, пытаясь набрать воздуха горящим горлом, чтобы вновь его поцеловать. А рот Олега уже ниже спускается. Губы «кусают» шею, дразня и втягивая в себе чувствительную вдруг до дрожи плоть, вырывая из ее груди стоны, которые Маша не в состоянии подавить. Как и свою в нем безумную потребность!

Накрыл ртом левый сосок. Вот просто так, как есть, — через шелковую блузку и кружевной лиф! Сжал губами, зубами надавил, втянув в себя! Руку поднял, начав пуговицы расстегивать. И лицом, зубами помогает себе, сдвигает ткань, обнажая Машу.

Застонала от этого. В животе невыносимое чувство пустоты и горячей тяжести одновременно. А Олег уже до правой груди добрался...

Сама тянется к нему больше. От этого ее кожа о ткань его сорочки трется, дразня, заводя больше... Колючие, жесткие волоски на его груди щекочут ладони, будоража неведомые и незнакомы по силе эмоции, когда Маша расстегивает, отдергивает рубашку, стягивая ту у Олега с плеч.

Пиджак мешает! Голову тяжело поднять, глаза не в силах сосредоточить — слишком хорошо ей и тяжело в один и тот же момент! Так много ощущает, а хочет еще большего!

Она цепляется, тянет, стараясь и от пиджака избавиться, да Олег слишком на ней сосредоточен. Держит на весу Машу, не давая пока возможности его от одежды избавиться, чтобы ещё плотнее прильнуть. А то, что удастся заполучить, — мало Марии!словно наркоманкой в один момент стала! И еще глубже дышит, не замечая уже головокружения, посылая к черту искры в глазах, — ей все ещё больше нужно! Всего: его тела, запаха, этой пылающей страсти!

К нему сильнее стремится, без всякого уже контроля разума всем телом подаваясь вперед. А он держит без вопросов и возражений. Маша вжимается в его тело своим, отбросив всякую

сдержанность, да и Олег цепляется пальцами за нее.

Жадно. С силой, которой, быть может, и не ждала от него. А сейчас от этого ощущения — нирвана охватывает. Потому что, слишком хорошо уже его зная, в полной мере понимает, насколько Олега одурманивает. Ведь и в похожей ситуации почти ловила с другими. Не специально, но... А он всегда был отстранен, собран, немного насмешлив, словно просто снисхождение к потребностям своего тела проявлял...

Не в этот момент.

О, да! Не с ней!

Ничего Горбатенко не контролирует в этот момент. И не скрывает этого. Не может просто. Ее покоряет... А сам ею покорен уже целиком! Бедрями толкается вперед, то и дело срывается, начиная кусать, и тут же языком, губами загладить пытается, шепчет:

— Прости, душа моя!..

И опять зубами, словно тоже просто не может сделать с собой ничего! А оно так и есть! Она его на все сто понимает!

И от его прикосновений, от жадных и жарких рук Олега, только сильнее закручивается спираль нужды у Маши внутри!

Он ей настолько нужен! Целиком...

Этот твердый и горячий пах, который Олег продолжает в ее промежность вдавливать так, что она досконально его возбужденный член ощущает, пусть и через ткань. И Марию трясет от необходимости его в себе ощутить. Всего этого мужчину на себе: с тяжестью его мощного тела, испариной обжигающей кожи, которую и сейчас пытается с его шеи слизнуть, дурея от солоноватого привкуса. С тем чувством полной защиты и растворения в покоренности его телом, которую только с Олегом и хотела испытать. Своей перед ним слабости, которая этого мужчину покоряла и делала таким же зависимым от нее, какой и Мария сейчас себя ощущала... Хотела секса с ним, да. Давно... Любого. Облизать его всего была готова, все оттенки на вкус познать. Впервые в жизни, кажется, по собственному желанию отчаянно хотела бы вниз опуститься, встав на колени. Стянуть с него брюки и своими губами, своим ртом обхватить его тяжелую и твердую плоть, скользя языком и пальцами по члену Олега. И чтобы он в свои ладони ее волосы загребал, погружаясь между губ глубже, чтобы ещё сильнее контроль терял... Чтобы для его удовольствия! И чтобы он кончил — хотела. Ощутить мускусный вкус его удовольствия...

Горела от нужды свое тело ему отдать любым затребованным способом... Все, что Олег захочет у нее взять. Всего, что сама пожелает с него получить и требовать! Того, о чем с кем-то другим и подумать бы постеснялась... А сейчас — ни капли смущения. Потому что точно знает — и он для нее сделает не меньше!

Жар в голове и все тело влажное, возбужденное, словно набухшее: грудь, губы, бедра... Горячие скользкие складки промежности, до которых он уже пальцами добрался, кое-как содрал (и по ходу порвав, кажется) с нее колготки, отодвинув белье в сторону.

— Моя!

Прижал, поглаживая с силой, но как-то так потрясающе «для нее», что Маша всей грудью

застонала ломающимся голосом. Сильнее подалась на его ладонь, на эти жадные пальцы, прижимаясь еще больше.

Его... Разве она спорит?!

А Олег от этого ее безоговорочного согласия рыкнул даже, и вновь легко зубами ее губу прикусил.

Пошло? Нет... Между ними не пошлость или низость. Не ощущает подобного. Просто друг для друга оба, и все.

Господи! Да она сама его готова начать кусать, кажется! Чтобы ещё больше этого мужчину своим сделать. И когда успели настолько все эмоции вспыхнуть? Как он так взбудоражил ее? Несколько же мгновений прошло...

В голове кровь барабанила таким грохотом, что Олег сам от себя глож. Не слышал ничего, кажется. И в тоже время, напряженное и судорожное дыхание Маши, выдающее ее эмоции и чувства — перекрывало для него даже эту какофонию пульса. Хотел в себя ее вдавить! Нуждался в том, чтобы спаяны были, чтобы без расстояния! Плоть от плоти. Одно целое...

После всех своих тяжелых и лишенных всякого оптимизма мыслей за этот вечер — должен был точно знать, что она в кольце его рук. Он сумеет от всего защитить! Потому что не предполагал, а точно знал все самые хрен**ые варианты развития событий. На своей шкуре те прожил и прочувствовал. И теперь отчаянно пытался самому себе доказать, убедить, что есть иной путь. И ради этой женщины, ради Маши, Олег именно его реальностью сделать должен. Не вовремя вообще, кажется, при их-то раскладе и ситуации, а уже по фигу!

Сжимая пальцы так, словно сквозь кожу ее прорваться пытался, ей-Богу, Олег не мог прекратить целовать: ее рот, шею, до груди добрался. Уткнулся горящим ртом, всем лицом...

Елки-палки! Он зубами готов был все пуговицы оторвать с ее гребан**й блузы, лишь бы больше самого ощущения Маши в свои руки заполучить, ее тепла и вкуса для своего рта! Зависимым себя ощущал, ненасытным в этой потребности и необходимости в ней.

Только и пугать ее меньше всего хотел бы. Да и синяки на ее коже помнил... Нежная она у него. Хрупкая. Не желал боль причинить! Пытался удержаться на грани, хоть с его нравом и характером это — как конец радуги искать... Знал, что бескомпромиссен и жаден до жесткости может быть, как ни пытался это в себе подавить. Особенно к тому, чего так давно жаждет. И не услышат тело, мышцы, члены никаких доводов разума, стоит хоть немного силу воли ослабить... Ведь удавалось сдерживаться ранее... Но не с ней. Никак. Воля и выдержка уже и так трещали по всем швам! Потому что Маша — его! На самом примитивном уровне — подсознательная потребность и тела, и разума, и чего-то пустого и горячего за самой грудиной, куда мог бы — вколотил бы ее. Чтоб навсегда, ни миллиметра расстояния...

Держал Машу крепко, не мог пальцы разжать. Прижал собой к стене, разрываемый на части слишком сильной жаждой. И не получалось ту под контроль взять!

Кожа у нее сладкая, горячая до одури. И этот пульс под его губами, ртом, языком... Впился в ее грудь, не в состоянии удержаться. И ни х*ра не мешало: ни одежда, ни белье!

Хотя нет, бесило сильно, только все равно хотел заполучить! А руки уже в самом ее горячем, самом закрытом месте... Влажная, шелковая, обжигающая. По пальцам его сочится влагой их общего возбуждения... Мля. У него сердце колом в груди от возбуждения стало, по ходу. Про

пах и вспоминать нечего — до боли возбужден. До одури его трясет от ее стонов, вкуса, запаха... Большого хочет!

Но неудобно, блин. Руки заняты, свободы маневра не хватает!

Раздраженно гортанно рыкнув из-за невозможности немедленно сделать с ней все, о чем долгие годы даже думать себе не позволял (Ха! Только оно само, без разрешения его мозга, думалось и картинками рисовалось...), Олег оторвался от манящей его влажности. Крепче ухватил Машу и с нею же резко развернулся. Точно помнил, что тут у нее где-то был комод...

Мария не сопротивлялась ничему, что он творил. Наоборот, воспользовавшись тем, что он несколько занят, старалась и его раздеть больше. Только Олег своими же руками ей мешал. Не специально... А Маша все равно стягивала пиджак, с рубашкой его поступала так же, как он с большей частью ее одежды — без всякой жалости!

Усадил ее на комод, по пути столкнув вазу с цветами, что сам утром и прислал.

Не заметил. Не до мелочей, ей-Богу. Все сознание на Маше замкнуто. Да и кровь до мозга слабо добывает, в другом месте скопилась...

— Олег! — то ли рассмеялась, то ли застонала Маша, под звон бьющегося стекла. — Жалко!

— Куплю новую, душа моя. Хоть три, слово даю... — пообещал он, лихорадочно сдергивая с нее блузку. Отбросил. Следом себе за спину отправил и лифчик, сдернув мешающее ему кружево с ее тела. — Господи! Какая же ты красивая, любимая! — выдохнул.

С каким-то трепетом сжал ладонями ее груди. Скользнул пальцами по тонким ключицам, выпирающим из-под кожи, по контурам ребер, что под грудью просматривались. Маша задохнулась от его ласк, задрожала вся.

— Только изводишь себя! — с недовольством проворчал Олег, накрыв ртом уже сжавшийся от его ласк, напряженный сосок.

Она рассмеялась с новым стоном, выгнулась больше, обхватила его голову руками, прижимая к своей груди.

— Не нравлюсь? Тощая? — заломила бровь со смешком, в котором такая хрипотца звучала, что у Олега по спине будто горячим шаром прокатили, сосредотачивая весь этот жар в паху. Боже, где она на иронию резервы брала?! Он только о самой Маше сейчас был в состоянии думать.

— До одури нравишься, — переключился на вторую грудь.

Не врал — нравилась ему до крика, застрявшего в горле, перекрывающего дыхание. Да где там. Больше и весомей этого слова все!

Потому что между ними «нравится» — не прокатывало. Он раньше думал, что ему в женщинах объемная задн... кгхм, «пятая точка» нравится. А когда свое нашел, когда Маша ему в мозги и в грудную клетку влезла — понял, что ни фиги! Плевать ему на объемы и размеры, хоть груди, хоть задницы!

Хотя у нее все на месте было, андрогином тут и не пахло. Фигура — обалденно женская! Просто в самом деле изводила себя. Сейчас особенно... Видно и он в этом повинен, добавлял

нервов и повода для тревоги. Помнил, что раньше она поупитанней была, когда познакомились только... Но ничего, не суть важно. Да и он теперь это под свой контроль возьмет — не х*р ей себя мучить. Пора жить в свое удовольствие!

Но сейчас не до этих мыслей. Объяснять ей что-то выдержки и сил нет. Лучше делом показать, в каком диком восторге от нее!

Вновь скользнул одной рукой ниже, потер большим пальцем пупок, дразня живот, сминая кожу. И опять нырнул алчными пальцами ниже, под белье, теперь уже с ходу погружаясь в самую суть этого влажного жара. Осторожно, но властно проникая во влагалище. Большим пальцем по ходу на чувствительный бугорок клитора надавил... Продолжая ее грудь в свой рот втягивать, прикусывая. Вынудив Машу протяжно застонать, вцепившись в его шею...

А она взяла и укусила его! Натуральным образом. За плечо. Так, ощутимо и по — взрослому. Горланно рассмеялся от неожиданности.

Он все боялся, а Машу ни фига не сдерживало в этом вопросе, по ходу. Но ему не больно — офигенно хорошо от ее открытости, что не ломается и не замыкается, не прячет своих желаний. И показывает ему, как срывает у нее контроль от его ласк... Не думал особо, но... Наверное, все же другого ждал из-за ее «родословной», а сейчас тихо балдел от того, как она на каждое движение его пальцев бедрами вперед подавалась! И стоны свои не прятала, ничего от него не тая.

Руки Маши тем временем, уже избавившись от его пиджака и рубашки, добрались до его брюк. Она расстегнула ремень, пусть обоим приходилось изворачиваться, потому что Олег и ради собственного кайфа не желал отказывать себе в удовольствии ее ласкать. Обхватила горячей ладонью уже возбужденный и напряженный член, мягко сжала пальцами, вынудив теперь Олега коротко хрипло застонать.

А у него и так уже череп рвало от дикой потребности ее своей до конца сделать. Сейчас. Однозначно и мощно, чтоб всем телом, каждой мышцей Машу ощутить во всей полноте... Но комод в коридоре, как бы там ни было, не казался ему для этого самым подходящим местом. Не для этой женщины...

Вновь впился в губы голодным поцелуем. Подхватил ее, с сожалением покидая горячую влажность, сжимающуюся вокруг его руки. Ощущал, что не так много любимой до грани оргазма осталось. Но хотелось максимум дать, и комфорта в том числе! А Маша принялась извиваться в его руках, требуя ее на ноги поставить. И вот она, как раз, свои ладони от его плоти никак не желала отнимать. Доводящие его до белого каления, но не злости или ярости, а удовольствия, которого, по сути, Олег и не искал.

Потащил ее в сторону спальни, четко понимая, что выдержка на последнем пределе и ему реально надо подмять ее под себя. В прямом смысле слова. Но и честность, что всегда отличала их отношения, не задвинул никуда.

— Я оказался не готов к такому развитию событий, любовь моя, — сипло, но предельно откровенно признал Олег, где-то на коротком отрезке от коридора до кровати избавившись от своих брюк и ее юбки. — У меня презервативов нет.

Маша опустилась на кровать, обнимая его за пояс руками, мягко вынуждая Олега следовать за собой. Хотя он не тот, кто сопротивлялся, это точно!

— У меня тоже такого нет, — призналась Маша. — И таблеток я никаких не принимаю. Не

было необходимости, — открыто ему в глаза смотрит.

А в ее взгляде такая страсть к нему, такая любовь плещется, что устоять — ни единого шанса. И отказываться от развития событий в связи с возникшими нюансами она точно не планирует. Да и у него подобного намерения нет.

Проблема?

— Я здоров, — перехватив ее ладонь и прижав пальцы к своим губам, чтобы терпение его не истощала своими ласками, сообщил Олег.

Да, она не спрашивала, но, блин, заставляла же всякое, о чем в данный момент он не то что жалел... Вариантов не было. И сейчас они рискуют, только сил больше ее избегать — не имеет. Так что мало ли какие мысли у Машеньки в голове бродят... Тогда как-то всегда хватало ума защиту применять.

— Помнишь, открывал недели три назад центр этот новый для области, первым же типа был, у кого кровь брали. И они мне реально все анализы сделали. И на ВИЧ, и на гепатиты, — ухмыльнулся, заставив ее откинуться спиной на матрас. Навис, уперев свое бедро между ее ног, не позволяя от него закрываться. — Чисто, — прижался к ее губам, накрыл рукой грудь, которая вздымалась так же часто, как его собственное сердце грохотало.

— И я здорова. Периодически проверяюсь, Алена гоняет, — прошептала Маша ему в губы с улыбкой.

Сильнее обняла, заставив лечь на себя. Плоть к плоти, как и хотел. Обоих подкидывает от нужды и потребности...

Обалденная женщина! Сладкая на вкус этим оптимизмом, этой непробиваемой готовностью его интересы отстаивать, своей любовью к нему, чего Олег даже не думал же у нее просить, факт.

Но был еще один открытый вопрос.

— Могут быть и другие последствия. Даже при максимальной осторожности, — напомнил он, по правде сказать, на последнем издыхании сдерживаясь.

Оторвал ее руки от своих плеч, запрокинул Маше за голову, обхватив одной ладонью оба запястья. Придавил своими бедрами, прижав ее поперек матраса, — балдея, да! Но так еще и не проникнув внутрь желанного тела. Скользнул второй рукой вниз, вновь начав натирать и ласкать, будоражить чувствительный бугорок, возвращать к тому краю предудовольствия, с которого сам и сдернул пару минут назад. Прижал губами сосок на призывно вздымающейся груди, заставляя Машу стонать.

Желая этих стонов!

— Мы взрослые люди. Справимся со всем, что нам судьба подарит, — а она ещё охрипшим голосом ему ответить пытается!

При этом бедрами обхватила его ноги, подается на его руку, все позволяя, что ему сейчас так нравится с ней делать, доводя Машу до оргазма. И смотрит так, что у Олега за грудиной что-то слишком объемное и тяжелое появляется, не вмещаемое, невыносимое и жизненно необходимое при этом. Тяга к ней, к своей женщине... Готовой к тому, что вообще им нельзя по

здравому размышлению... но оба же хотят!

Он их тот разговор утром на его кухне помнил дословно...

Но сейчас не о будущем — о настоящем моменте хотелось думать! Или не думать вовсе...

Жарко, воздух вокруг словно пылает. Или это они изнутри горят?!

Отбросив уже всякую осторожность и сдержанность, напал на ее рот, как оголодавший. Прижал основание ладони, натирая ее клитор, пока пальцы так же беспощадно внутрь ее тела врывались, заставляя Машу стонать и всем телом под ним извиваться. Слизывал испарину, мелкими каплями проступающую на ее шее и груди, впитывал жар румянца, разливающегося по ее щекам, шее и соскам.

А как только ощутил первую судорогу ее плоти, охватившей его пальцы, — приподнялся. Резко вонзился, наконец-то дорвавшись до всей полноты ее тела и страсти! Заставив Машу сипло закричать горлом, увеличив этим меру ее удовольствия.

Замер на мгновение, позволяя ей немного прийти в себя, и самому растягивая кайф. Так и не отпустил ее рук, удерживая их над головой любимой, чтобы удобней, полнее ее грудь и шею дразнить. И, утратив любой сдерживающий контроль или доводы, со всей своей нуждой начал жадно, сильно двигаться. Вновь заставив Машу хрипло кричать и дрожать мелкой дрожью...

— Я тяжелый, — у самого голос, словно прокуренный. Сипит. Уперся локтями, пытаюсь приподняться. Не так давить на нее. А двигаться не может прекратить.

Маша за него ухватилась. Глаза одуревшие, одурманенные от удовольствия. Ее пальцы скользят по его влажной от напряжения коже, его руки от нее оторваться не могут.

— Ты — любимый! — хоть тихо, но так веско, что хр*н с таким аргументом поспоришь.

Одним словом дала ему понять, что и тяжесть его, массивность — желанна и необходима для нее. Все то, чего до сих пор рядом с ней... Не то чтобы стыдился, нет. Не пацан. Да и не комплексовал вроде давно, всем и каждому все доказав... Но рядом с Машей желал бы упрятать, нажитым лоском прикрыть ту грубость и угловатость, что с рождения, с жесткой юности в его кости выросла. А Маше — по фигу. Он такой и нужен...

У Олега из-за этого совсем мозги смело. Одна все та же потребность... И непреходящая нужда всю ее под себя подмять. Всем хрупким телом Машу вдавить в свое, спаять их... Уперся в матрас, только на мгновение покинув ее жар, отнимающий у него всякий разум и здравый смысл.

Маша недовольно искривила рот, потянувшись следом.

— Не надо, Олег, — даже шепот ее горячий. — Не выходи. До конца хочу... — испугалась, что он все равно про осторожность помнит?

Фиг вам! Не помнил он не х*ра уже, хоть и тупо, опасно было настолько страсти поддаваться... Только как с Машей иначе?

И он точно не собирался прерывать ничего.

Обхватил ее талию ладонями, переворачивая, подталкивая. Уткнул лицом в подушку, и снова

ворвался, погрузился в жидкий огонь, которым ему сейчас ее тело казалось. Всем собой накрыл, его руки на руках, сжал ее ладони своими, накрыв в кулаки, стиснул. Сжал тонкую кожу на плече губами, едва сдерживаясь, чтобы не впиться зубами, как она в него недавно, — реально же дурел от потребности в Маше! И не в состоянии уже контролировать хоть что-то, как безумный стал врываться в ее тело, выгибая любимую под себя так, чтобы и ей по максимуму дать. Кажется, оглохнув от хриплых стонов Маши и своего бешеного удовольствия!

Чтобы хоть как-то в себя прийти, им минут двадцать потребовалось.

Оба оглушены.

Лежат под одеялом, что он кое-как на них натянул. Шевелиться нет ни желания, ни сил после такого взрыва. Олег просунул руку ей под голову, перебирает пальцами волосы, легко поглаживая плечо. Так и прижимает поверх спины ногой и второй рукой, хоть и сместился вбок немного, чтобы дышать дать возможность, а все равно полностью из-под себя выбраться не позволяет. Да Маша и не рвется.

Обняла его руками и лежит, сквозь ресницы рассматривая Олега, словно впитывает в себя его черты. И улыбается с таким блаженством, что никаких вопросов не остается.

Тишина между ними в спальне, а комфортно невероятно. И даже совесть не мучит, что где-то там внизу охранники свою службу несут под подъездом... Надо бы ее в охапку и домой ехать, так надежней. Но... ничего для Олега в этот момент нет, кроме женщины в его руках. Она — весь мир сейчас заслонила.

— Так что, Мария Ивановна, говорите, готовы мне дочку родить? — прошептал ей в самое ухо, притянув Машу еще ближе, щекоча дыханием. Крепче обеими руками сжал.

Она с тихим смехом поежилась.

— И сына тоже, Олег Игоревич, — хрипло прошептала в ответ и прижалась щекой к его груди, словно слушала мерное уже биение сердца.

Вроде в шутку все, и несерьезно...

И вообще не ко времени думать о таком, учитывая все. Опасно и тупо... Слишком разумные и все доводы знают.

Только оба понимают, что за смехом и привкусом шутки стоит дикое желание. Он то в глазах Маши ещё несколько дней назад уловил, и ее жажда словно эхом в нем отразилась, подняв с илистого и мутного дна души то, что давно пытался забыть. Иногда просто боялся помнить... слишком тяжело. Но как отказать любимой, готовой ради него против своей семьи пойти? Что добавляет груза на чашу весов «против», конечно. И все же...

Так и не сказав больше ничего, прижал ее голову к себе так, чтобы уткнуться во взъерошенную макушку. Глубоко вздохнул. Маша тоже не стремилась неозвученное в пространство спальни словами бросать. Ощутил прикосновение ее горячих и нежных губ к своей шее, где бился пульс. И оба, по ходу, почти в один момент отключились, слишком измотанные. И напряжением, и счастьем, которое все еще стереглись даже наедине свободно показать.

Глава 12

Олег все-таки разбудил ее. Он проснулся в три ночи, подсознание работало само по себе, по-

видимому, не забывая тот факт, что есть вопросы безопасности. Вот Олег и растормошил Машу, которой точно не хотелось вообще двигаться, покидая его руки и объятия. И это грело, как «медом» по душе растекаясь. Добавляя новое и до крику желанное ощущение невероятного комфорта и удовольствия. Иного, не такого физического, как накрыло их несколько часов назад. Наверное, такова и есть нирвана в чистом виде. Однако имелись нюансы, о которых и сейчас следовало помнить. Наряду с этим диким и вообще непривычным чувством счастья и парения, которого Олег десятилетиями не знал, подняли голову уж больно знакомая настороженность и паранойя.

Он должен ее уберечь! Спрятать. Дать гарантию максимальной защиты. Не столько Маше даже, сколько самому себе, слишком остро вдруг вновь ощутив хрупкость этого вновь обретенного счастья. Точно зная, что любого усилия и предосторожности может оказаться недостаточно. И теперь — даже больше, чем ранее.

Маша с этими аргументами не спорила, несмотря на то, что зевала на ходу, то и дело отключаясь, когда пыталась какие-то вещи побросать в сумку, чтобы с собой взять необходимый минимум. В итоге Олег не выдержал:

— Забудь, душа моя! У меня по мелочи есть, на утро хватит. Остальное завтра возьмем. Или купим, если сильно припечет. Поехали, будешь дальше досыпать, — со смешком решил он, потянув ее к выходу.

А Мария оказалась слишком сонной, чтобы приводить какие-то аргументы. Или же со всем согласна была. Потому натянула пальто поверх прогулочного костюма и без всяких споров покинула с ним квартиру. Да и в машине почти сразу отключилась, стоило ожидавшему их Диме завести двигатель. Авто Маши тоже парни забрали, чтоб под домом не маячило.

Олега и самого клонило в сон, не без этого. Но и какой-то кайф был в том, что мог позволить себе не спать, наслаждаясь тяжестью сонного тела любимой на своем плече, пока ехали в тишине. Перекантовался же пару часов... Да даже не так! Отключился рядом с ней после всего так полно, как иногда за всю ночь не получалось уснуть. Потому сейчас мог просто позволить себе это незамысловатое удовольствие. Да и думалось в тишине хорошо, когда точно знал, ощущал, что Маша под боком и не грозит ей ничего. А мыслей в голове было много, и их следовало выстроить в четкую структуру, создав план, чтобы действовать максимально быстро. Тем более учитывая то, о чем он Маше еще не говорил. Да и родственнички ее вряд ли о таком сестре рассказали, исходя из последних событий — не сомневался.

В памяти Маши смутно отложился этот ночной переезд в дом Олега. Как-то смазанно и рывками. Отключалась на ходу. Зато при пробуждении — точно знала, где находится. И просыпалась с улыбкой. Чему, конечно, немало способствовало и ощущение крепких и теплых рук Олега, обнимающих ее.

Волшебное чувство. Уже немного привычное по нескольким ночам вместе, но куда более полное и насыщенное, объемное! Потому что так по — новому все теперь было. Так... иначе. Ведь она знала теперь о нем куда больше особенностей и мелочей. Такие нюансы, которые только между двумя узнать возможно. Запомнила совсем иной его ритм дыхания и особенное напряжение мышц, ощущение силы и мощи его тела на ней... И в ней.

И даже сейчас простые мысли о прошедшей ночи и всем, что они себе наконец-то позволили, — заставили ощутить жар и в теле, и внутри груди.

Любила его. Просто любила. И сейчас ощущала открытое и почти полное счастье.

Почти... потому что все-таки понимала, что вопросы остались.

Еще не раскрыв глаз, она повернулась и прижалась лицом к груди Олега, уже сама обхватив его руками. Глубоко вдохнула и... тихо рассмеялась, просто не в силах это счастье в себе держать. Вроде и взрослая давно, а влюбленной девчонкой себя ощущала. Легкой и звонкой, невесомой! Приоткрыла глаза, осматривая спальню, успевшую стать... нет, ещё не привычной, но уже знакомой.

И только теперь заметила, что за окнами довольно светло. Моргнула, даже приподнялась, чтобы удостовериться. Начало девятого утра.

Нет, понятно, что их измотало все, но...

— Спи еще, — сонно проворчал Олег, явно не желая давать ей возможность передвигаться дальше. Крепче руками обхватил.

Она же с улыбкой перевела глаза вновь на него. Высвободила одну руку и даже с какой-то жадностью накрыла его щеку, скулу пальцами: напиваясь и теплом кожи Олега, и шершавостью пробившейся щетины, легкими ощущениями его дыхания.

— Я была уверена, что ты и в субботу в офис едешь ни свет, ни заря, — тихо поддела Олега, прижавшись губами к его губам в легком касании.

Пришел черед Олега смеяться, смешивая веселье с этим мягким поцелуем, легко прикусывая ее губы, словно полнее ее «в плен» старался захватить. Да и из своих рук он и не подумал выпускать ее, или как-то расширить возможности передвижения Маши.

— Еду обычно, — и не думал спорить Олег, все-таки открыв глаза.

Посмотрел на нее... А у Маши грудь сдавило от силы тех эмоций, которые она в этом взгляде любимого мужчины увидела... Так непривычно и настолько сильно, что дрожь по позвоночнику и вся кожа покрылась «мурашками».

— Но сегодня не буду, — продолжил отвечать на ее вопрос, о котором Маша успела забыть за эти пару секунд. Еще плотнее прижал к себе. — Имею право устроить себе выходной хоть раз в полгода? Пусть сегодня живут без авралов. А я с тобой хочу побыть, — усмехнулся Олег с какой-то веселой иронией.

Немного саркастичной, словно бы не верил, что «без авралов» возможно. Однако его и данный факт сейчас, похоже, не особо беспокоил. А Маша... она его очень понимала — в самом деле не хотелось даже двигаться, не то чтобы куда-то выходить.

— Выходной... — протянула, словно по языку раскатывала. — Я была почти уверена, что ты и слова такого не знаешь, — мягко поддела Олега.

Он вновь хмыкнул, но в споры не вступал. Откинулся на подушку, прикрыв глаза, и словно в самом деле целиком и полностью расслабился. Но так и продолжал ее держать.

Сейчас казалось, что и нет нужды обоим еще в чем-то, кроме крепких объятий друг друга. Потому со спокойной совестью вновь улеглась ему на плечо. Уже не спать хотелось — просто лежать около него. А в душе все равно жило какое-то тревожащее ощущение, что проблем меньше не стало, наоборот даже.

И эти опасения разгорелись ярким пламенем, когда они все же спустились в кухню завтракать.

Вроде бы замечательно все было: и возможность касаться друг друга постоянно, обнимать его, со смехом перекидываться какими-то фразами, рождающимися между ними незамысловато и легко. Целоваться постоянно, словно подростки, бродить по дому не расплетая рук. Или обсуждать то, что оба знали, а такого немало имелось, ведь тесно переплелись их интересы, не имея иных точек соприкосновения ранее, кроме рабочих моментов. Так что тем для разговора — море.

И кофе казался обоим обалденно вкусным, лучше, чем был еще пару дней назад... И плевать, что сорт и кофемашина те же самые! И сырники настолько вкусные, каких она никогда не ела. Но не оттого, что те повар какого-то ресторана готовил, а потому, что Маша невероятно счастливой себя ощущала. Для нее даже пасмурный осенний день за окном играл такими красками, какими солнечные дни не сверкали еще месяц назад, навевая депрессию. И в глазах любимого мужчины она такое же счастье видела, на его лице эти эмоции читала, — совсем непривычно, учитывая вечную склонность Горбатенко к «нечитаемости». Сейчас же — словно раскрытая книга для нее... Только для Маши, она это так же хорошо понимала. И наслаждалась каждой секундой. Кофе пила мелкими глотками, слизывала с вилки сметану с сахарной пудрой, которой тот самый повар сырники полил. Даже листик мяты для декора сверху вызвал у нее искренний восторг, развеселив Олега.

Небывалое утро для них, невероятное. И Маша очень надеялась, что только первое в череде других таких.

Пока Олег, закончив пить свой кофе, не поднялся и, впервые отойдя от нее больше чем на два шага, не посмотрел в окно.

— Где тебе больше нравится, душа моя: Франция, Бельгия, Италия? Или Австрия?

Обычный вопрос, наверное. И кому-то он простым показался бы, возможно. Может, Олег просто направление для отдыха выбирал. Да только Маша его за эти годы хорошо изучила, а за последний месяц много деталей выяснила. Да и юрист в ней никуда не делся: видела лазейки, специфику и прецедент. И сами эти страны...

Она умела понимать полунамеки. Тем более, когда те делал он.

— Олег, я никуда не поеду.

Маша поднялась, забыв и про свой кофе, и про начатые сырники. Подошла к нему, прижалась лицом к его спине, как раз между лопатками. Щеками, веками ощущая напряжение и скованность его мышц. Протянула ладонь и накрыла его руку, которую Олег сжал в кулак. Вновь пытается собраться, закрыться. Только между ними это уже не работает. И сейчас не удержался — поддался ее мягкому давлению, раскрыл кулак и переплел их пальцы сам.

— Это единственный вариант, душа моя, — не согласился с ней Олег, поднял их сплетенные ладони и прижал к своим губам костяшки ее пальцев. — Сама реалии понимаешь...

— Хорошо, — «отступила» на словах, но и не думала сдавать позиции. — И как ты это представляешь, любимый? — заглянула через плечо, чтобы глаза Олега видеть.

А он заскрежетал зубами и резко, шумно выдохнул, опустив тяжелые веки. И молчит.

Маша и сама вздохнула. Оба стоят — даже не пытаются разойтись.

— Уеду я, и что? Как это будет, Олег? Сами «мы»? На выходные приезжать станешь? А сколько их у тебя, напомни, утром говорил? Первые за полгода... Сначала каждую неделю прилетать будешь, а потом — два раза в месяц. После — и того реже. Не потому, что не будешь хотеть меня видеть, — сама его губы теми пальцами, что он целовал, и прижала. Не позволила себя прервать. — Но загружен же, мы оба это знаем. Ты здесь ко мне вырваться не мог. А это — другая страна... — вздохнула. — Может, и не узнает никто тогда... Только если родится дочка или сын — сколько раз они отца видеть в год будут?

— Зато живые. Вы все — живые останетесь! — сипло прервал он ее, даже не отнимая руку Маши от своего рта.

— А ты? Гарантию мне дашь, что с тобой все в порядке будет? — хмыкнула с мягким сарказмом.

Олег промолчал. Тяжело и очень показательно. Не в их ситуации говорить о гарантиях, да...

Маша же только сильнее к его спине щекой прижалась. Закрыла глаза.

— Я не хочу так, Олег. И не могу таким образом отношения строить. Да и ни отношения это будут. Даже не то, что последние два года у нас имелось. Ведь ни встретиться нормально, ни поговорить, ни на что времени хватать не будет. И ты это знаешь не хуже меня. Я не буду знать о том, что твои мысли занимает, что беспокоит и волнует. Ты перестанешь понимать, о чем думаю я... Хочешь так, любимый? — Маша снова замолкла, переводя дыхание.

Олег не сказал ничего. Выдохнул сквозь сжатые зубы. И только крепче ее ладонь сжал. Прямо ее монолог выходит.

— Отношения — это... не как работа, конечно, — рассмеялась Маша сама сравнению, которое в голову пришло. — Но в них тоже необходимо время вкладывать, силы, душу. Поддержку давать и опору. Мы же оба это знаем и понимаем, ненаглядный мой. Потому же ты в том парке оказался через двадцать минут после звонка мне. Потому я вчера приехала...

— Любовь моя, — Олег говорил хрипло. И физически ощущалось, что ему это тяжело дается. Очень тяжело. И все ее слова в его кожу впиваются раскаленными иглами. — Даже учитывая это все — лучшего варианта нет...

— И что это будет... Опять, как до вчера? Только я не приеду, чтобы девок твоих гонять? — прервала с иронией.

Без ревности... Пока.

Олег фыркнул и даже рассмеялся.

— Да уж вытерплю до выходных, сто процентов, — тоже поддел. Хмыкнул и перетащил ее наперед, прижав к себе двумя руками. Снял пижаму эту, под ткань забрался. Ладони горячие на ее спине. Гладят, дразнят. — Тем более... Мне ты нужна, Машенька. Позарез! Те все — вообще не в тему!

Приятно, конечно. Да только Маша все-таки достаточно взрослой была. И в отношения на таком расстоянии... не верилось. Не в нормальные, которых так хотелось.

— И сколько ты будешь приезжать каждые выходные? — вернулась к тому, с чего начали.

Но сама его обняла так же сильно, забралась руками под футболку, которую он надел, когда из спальни выбрались. На ней — та шелковая пижама, что Олег для нее купил. Поддалась тщеславному желанию поволновать его, вместо того, чтоб уютный домашний костюм натянуть. И волновала — ощущала это, притиснутая к нему всем телом.

Но она же женщина, да и любимая, к тому же. Имеет право на тщеславие!

И на свою точку зрения по поводу их отношений и своего в них места.

— Но есть же и ещё один момент: захотят найти — найдут и достанут. И во Франции, и в Бельгии, и в Австрии. И ты это не хуже меня понимаешь, любимый, — запрокинув голову, посмотрела ему прямо в глаза.

У Олега взгляд почернел.

Знала, что и он об этом думал. И боялся. Потому что больше максимума никто не в состоянии сделать, даже он. А в их ситуации — и такой максимум может не защитить. Она его страхи и планы хорошо понимала как раз потому, о чем и Олегу только что говорила: они эти годы как раз отношения и строили, пусть и без секса до прошлой ночи. И были настолько близкими друг другу, насколько вообще возможно между двумя людьми. А это все не так и сложно потерять.

Растерять в расстоянии и перелетах, новых соседях и старых делах, о которых она уже никакого знания иметь не будет. Да и он не в курсе окажется. Поначалу волновать не захочет, потом сильно много рассказывать уже придется — некогда, а после — и доводы для таких разговоров пропадут. Общение — навык, даже между любимыми, и его так же утратить можно, если люди меняются каждый по отдельности, непонятно для второго.

— И, кроме всего остального, Олег, — Маша все еще не отвела глаз, выдерживая тяжелый, весом в тонну, казалось, взгляд любимого. — Я не хочу так. И никуда не уеду. Я хочу и буду с тобой. Около тебя. Во всем, что бы в будущем нам ни выпало. И ты меня силой никуда не отправишь! — решительно и твердо заявила Маша.

На мгновение Олег вновь зажмурился. Когда же открыл глаза — Маше как-то не по себе стало.

— Ты... недооцениваешь... количество... моих... врагов, душа моя, — медленно и с паузами произнес Олег, словно выдавливая слова из себя. — И то, сколько реально угроз они несут для тебя — женщины, которая для меня важнее и дороже всего остального!

Она зажмурилась — слишком важные и ценные слова. Их хотелось слышать с иным контекстом и смыслом.

— Любимый! Но ведь они были и будут, эти твои враги! — в каком-то даже исступлении возразила Маша, не собираясь ему уступать. Не считая себя вправе отступить от того, что оба только вчера друг другу подарили. — Я это знала и понимала. И не собираюсь оставлять тебя с ними один на один! И не надейся! — тоном, которым когда-то опровергала аргументы обвинения в суде, заявила Маша.

Она в самом деле не собиралась никуда уезжать! И заставить ее он при всем желании — не сможет.

Но для нее оказались полной неожиданностью следующие слова Олега.

— Против меня иск в суд подали. Не первый, ясное дело, — он хмыкнул, смотря сейчас не на

Машу, а в окно поверх ее головы. — Исков этих уже были десятки. Но в этот раз подал Шаховец, через своих представителей. А за ним... сама знаешь, кто стоит. Власть почувствовал твой Петр, хоть сам и неявно маячит. И они оба до конца идти намерены, — вновь хмыкнул. Отстраненно и холодно. Как тот Горбатенко, «про которого ей старался даже не упоминать». — Мне тоже есть что против них выставить, любовь моя... Только ведь это будет оружие массового поражения. Для всех. И вскрыться может слишком многое. Зацепить многих. Я ещё не до конца могу предсказать, как те, кто за мной, на это отреагируют. И не легче ли им будет меня просто в расход пустить вместе с тем же Шаховцом, к примеру. Или с братом твоим... И я не хочу тебя в это втягивать. Ни полоскать твое имя на каждом углу, ни как-то под удар ставить. Ясно? — сказал, как отрезал.

Надеялся такими новостями отпугнуть ее? Ну-ну.

Маша осмысливала это все несколько мгновений.

Шок... он был, да. И какое-то одеревенение. Только она, видимо, и ждала чего-то подобного подсознательно. Да и все те намеки Пети...

А потому сумела достаточно быстро взять себя в руки и не показать Олегу того, насколько непросто ей было такое слышать. Вскинула голову, распрямив плечи. Знала, что спина стала жестче, и он это ощутил.

— Я никуда не уеду! — твердо и уверенно заявила Мария. — Теперь тем более! Я с тобой буду, Олег! Мы решим, как и что. Придумаем тактику. Но я тебя одного не оставлю в подобной ситуации, и не рассчитывай! — выставила еще и подбородок вперед.

А руками так и обнимала его, грея руки о кожу Олега. И пусть видела, что ему вообще не по нраву ее заявление, а не собиралась в этом уступать. И его поддержки лишать — тоже в планах Маши не значилось.

Глава 13

Она буквально излучала недовольство и «ворчание». Он это физически, руками ощущал, которыми крепко обнимал Машу. Словно какие-то сотрясения воздуха в нескольких миллиметрах над кожей. Колючее и горячее. Даже забавно. Особенно в совокупности с тем, как хмуро она при этом поглядывала на него через плечо время от времени.

Их понимание друг друга: мыслей, мотивов, поступков и доводов — явно прогрессировало. И по ней, и по нему это видно было.

И да, нельзя сказать, что ее аргументы не отозвались внутри него согласием. А ещё какой-то дикой смесью потрясения, благодарности и восхищения этой женщиной. Преклонения за ее готовность просто стоять рядом с ним, что бы ни творилось вокруг.

Давно не юнец вроде, неуместные эмоции. Но настолько сильные, что подавить те — не имелось на данный момент никакой возможности.

Однако... Однако и его доводы были разумными — оба понимали.

И все же... Существовало столько всего, что делало даже это «сердитое» из-за нее и напряженное его стараниями пространство между ними — каким-то бесконечно общим, чутким и до дрожи обоим необходимым! Трепетно-чувственным.

Даже сейчас Олегу хотелось рассмеяться в голос, пусть фокус темы их «столкновения» был весьма и весьма далек от веселья. А ещё ему хотелось впиться в ее поджатые губы и зацеловать Машу до умопомрачения! Чтоб и думать забыла вот так хмуриться. И вновь заставить ее просто счастье и умиротворение испытывать, чтобы любоваться той обалденной улыбкой, которой Маша его все утро радовала. Бесконечно редкое и такое ценное для него ощущение ее счастья, которое он подарил. После всех этих месяцев и даже лет напряженной отстраненности, мыслей о ее безопасности и сохранности, «невовлечения» в свои разборки...

Обнял еще крепче, хоть Маша и кривила губы. Повернулась к нему. Да ведь и не думала отодвигаться — сама подалась ближе. И на экран телевизора, который включили, чтобы якобы отслеживать новости и хоть как-то пригасить остроту противостояния характеров по вопросу ее безопасности, — никто даже не смотрел. То и дело глаза в глаза. И лица соприкасаются.

Права она — Олег это четко понимал. Но ведь и его доводы не от больной головы придуманы, да и не из пальца высосаны, и это Маша тоже знала.

Такая странно-забавная ситуация.

Думал ли Олег, знакомясь с ней три года назад, что все вот так вывернет? Их случайно представили друг другу. На одном из вечеров, подобных тому, что они недавно обсуждали. Куда не особо хочется, но необходимо ходить, социальное положение уже обязывает. Он знал, кто ее старшие братья. Она же, похоже, понятия не имела, какая у Олега с теми конфронтация. И ещё адвокатом работала... Руки сами сжались в кулаки, стоило вспомнить, что заставило ее сменить профиль... как и роль этого отморозка Петра в ее решении. Ладно, он этого не забыл и не забудет.

А тогда она буквально приворожила его просто разговором о своих сиротах, уже в те годы курировала тот приют. Олегу до тех детей дела не было, по-честному, ему с ней говорить — по душе пришлось. Отвлекся. Да и забавляло, как нервировал старшего Коваленко данный разговор, бросал то и дело косые взгляды. Но не вмешивался. На людях всегда соблюдали нейтрал оба. Однако и на миг не возникло сомнений, что уже сегодня братья просветят сестру о сути конфликта и нежелательности общения с «врагом семьи».

Но сложилось иначе. И Маша не просто оказалась не при делах с братьями, а вообще мало знала о том, что те проворачивают. Олег проверял. И с ним общалась охотно при каждой новой встрече, без всякой оглядки. Да и сироты эти скоро для него самого предлогом стали — всегда есть повод остановиться и перекинуться парой слов... И не хорошие знакомые еще, но уже и не случайные люди в зале.

А потом он просто проконсультироваться решил, когда про смену ее профиля узнал. Мария же помощь предложила... Почти так же упрямо и настойчиво, как час назад ему свои аргументы выставляла.

Не то чтобы Олег планировал привлекать ее к чему-то подобному. Но, наверное, в очередной раз захотел убедиться, что она в самом деле искренна и не играет за братьев.

Проверил. Потом что? По-хорошему, уже тогда надо было прекратить втягивать ее все глубже в свои дела и тонкую паутину, затягивающую ее на его сторону. А Олег себе все «в следующий раз» обещал. Доигрался вот теперь...

Жалел?

В том-то и дело, что нет. Не тогда, когда она вот так в его руках целиком и безраздельно, когда частью его самого стала. Хотя проблем добавилось, да.

— О чем думаешь? — Маша прижалась губами к его ладони, сжатой в кулак. Вырвала его из мыслей о прошлом и настоящем.

— О всяком, — хмыкнул Олег, заглянув в ее глаза.

— Я не уеду, — выпятила она подбородок, словно рассчитывал, что он сейчас вновь заговорит на эту тему.

— Это я уже понял, — без веселья, на самом деле, хохотнул он.

Но притянул ее еще ближе к себе, обхватил плечи обеими руками, прижался губами к затылку, ощущая, как ее короткие волосы щекочут его лицо.

Господи! Почему они просто не могут остаться здесь, в этом моменте? Где она в безопасности и с ним?..

Смешное желание и безнадежное. Олег знал. Он был профи в вопросе безнадежности и безвозвратности момента. «Каждому человеку Бог дает ровно столько испытаний, сколько он в состоянии вынести...» — ему это говорили не раз.

Не страдал религиозностью никогда. Но в свое время и Библию перерыл в поисках ответов, и по храмам слонялся. Не то чтобы помогло или к вере обратило, скорее добавило ощущения фатума.

Сколько еще ему по силам? Машу он не мог потерять, и не собирался. Проще и легче свои интересы сдать, лишь бы ее не зацепило. Да только даст ли такой вариант желаемый результат? Непонятно, но Олег собирался изучить перспективу, не говоря пока ей ничего. Эта женщина слишком сильно радела за его интересы, порою в ущерб себе. Как вчера. Его такой подход не устраивал.

— Мне бы завтра или в понедельник надо в приют заглянуть, — отвлеченно заметила Маша, пока он молчал, про себя взвешивая все варианты. — Давно не была, надо уточнить — может, что-то срочно привезти. Ну, и деньги перечислю...

— Соскучилась по своим подопечным? — хмыкнул он уже веселей, поглаживая ее плечо.

А Маша как-то грустно вздохнула...

— Не то чтобы соскучилась... Я стараюсь как можно меньше встречаться с ними, любимый, если честно, — посмотрела прямо на него. — Нет, регулярно отчеты читаю, выслушиваю воспитателей и психолога, как и другие кураторы. Праздники там всякие. Но лицом к лицу... Я не выдерживаю, Олег. Я слабачка, — криво улыбнулась она, прижавшись лбом к его плечу. — Я их всех усыновить готова, понимаешь? У меня сердце разрывается из-за каждого. От этих потерянных взглядов, в которых с каждым годом остается все меньше надежды, что родная мать вернется... Там же многие из неблагополучных семей. Или что кто-то другой станет для них настоящей семьей. Мы стараемся найти хотя бы опекунов, ну, слышал возможно, которые на выходных проводят с ними время, наставляют, поддерживают, пишут, куда-то водят. Однако это тоже не очень востребовано у нас в обществе, — она вздохнула в очередной раз. Тяжело и с каким-то беспомощным горем, режущим ему по нервам.

Олег развернул ее к себе и прижался губами к волосам Маши. Видит Бог, этой женщине он хотел бы дать что угодно. И такой тон ее голоса — резал ему по груди изнутри, выворачивая наизнанку пониманием, что не все в его или ее силах, на самом деле. Хотя было то, что он мог ей дать. И чего Маша, однозначно, хотела... О чем он давным-давно даже мечтать не пробовал.

— Даже не вздумай ещё называть себя слабачкой, душа моя, — добавив грозности в тон, пусть и шутливо, велел Олег, продолжая легко поглаживать ее шею. — У тебя больше силы духа, чем у половины мужиков, которых я знаю. Но да, ты слишком чуткая и справедливая, чтобы безучастно проходить мимо этих детей, к которым судьба оказалась сурова, — поцеловал ее переносицу, заставив Машу улыбнуться.

— Не знаю, — вздохнула она. — Иногда мне кажется, что больше не хватит сил просто выйти на улицу, такая безнадежность появлялась пару месяцев назад. Ничего не хотелось. Бессилие... Уехать бы куда-то, куда — сама не знаю, и чтоб никто не знал... Не сейчас, правда, — тут Мария одарила его лукавым взглядом из-под ресниц.

Он знал каким-то образом. Ощущал это в ней в последние месяцы. Потому ли тянулся все больше? Выгорание какое-то, опустошенность. Звонил, дергал, сам просил, чтоб приехала, пусть и по надуманным поводам...

Сжал ее еще крепче. Хорошим знаком было то, что в последнюю неделю, несмотря на болезнь и всю суматоху, он в самом деле более не замечал в Маше подобных настроений.

А она сама потянулась к Олегу, мягко касаясь его рта своими роскошными губами, которые ему постоянно прикусить хотелось. Не от жестокости — чтобы себе всю ее оставить. Заполучить. По-детски как-то, с тем бескомпромиссным эгоизмом, который только в самом малом возрасте без всяких доводов существует. Странная жадность, учитывая, что она и так никуда не порывалась от него отодвинуться. Но Олегу стоило невероятных усилий с этим желанием бороться. Может, и зря. Если вспомнить, как охотно она вчера пускала в ход свои зубы...

— Хочешь, можем завтра вместе в твой приют съездить? — почти не отрываясь от ее губ, предложил Олег, все же не забыв, о чем она говорила. — В понедельник наверняка меня выше головы загрузят. А вот завтра — есть шанс.

— Давай, — тут же с радостью ухватилась Маша за его предложение, устроившись при этом так, что улеглась, по сути, на нем. — С тобой легче будет. Да и... — замолчала.

Но он понял невысказанный намек. Хмыкнул. Не забыл, как она все надеялась, что его участие в жизни этих сирот каким-то образом его прошлое выбелит. Олег к такому не стремился. Все, что было, — его. Он готов за каждое ответить. Надо так было. А иначе — не складывалось у него.

Но и на Машу не злился и не обижался. Знал, ощущал, что и для нее — не тяжелое, черное или порок в его прошлом основное. А за будущее его радеет... Немного наивно и забавно, как для юриста, если по-честному. Но ему эта человечность в ее характере не меньше всего остального душу грела. Да и что, убудет от него что ли? А ей в радость.

— Ты зависла, — Алена с некоторой усмешкой во взгляде смотрела на нее, действительно вырвав данным замечанием из погружения во внутренний мир. — И поскольку ты уже здорова, я не могу списать это на болезнь. Да и выглядишь ты точно хорошо. Даже счастливо, пожалуй, — подруга окинула ее изучающим, хоть и по — доброму смеющимся взглядом. — Так что дело точно не в давешней простуде...

Алена многозначительно вздернула одну бровь и, отломив ложкой кусочек своего тирамису, с явным удовольствием стала смаковать десерт. При этом продолжая изучающе смотреть на Машу.

А та только широко улыбнулась.

— Я здорова, ты права. Да и куда мне с врачом спорить, — лукаво улыбнувшись, подмигнула подруге, сделав глоток кофе и сама соблазнившись десертом. — Просто задумалась...

Они частенько встречались посреди недели во время обедов. Благо частная клиника, в которой работала Алена, располагалась неподалеку. И когда подруга принимала пациентов в первую смену, могли потом поболтать вот так в кафе. Вот и сегодня возможность выпала.

— Просто? — Алена хмыкнула. — Слишком ты жизнерадостная для «просто», давно тебя такой не видела... — ещё одно многозначительное движение бровью.

Но Алена не давила и не настаивала на каких-то откровениях. Диалог выглядел шутливым, да и подруга давала всем своим видом понять, что не ждет каких-то признаний, если Мария к подобному не стремится. Но и поговорить готова, коли подобная необходимость есть.

Маша вновь улыбнулась, глядя на свой десерт. Права Алена — она «зависала» то и дело в собственных мыслях. Надо бы за собой последить. Потому как не стоит показывать всем свое настроение или проснувшуюся мечтательность. Это с подругой еще можно не очень напрягаться, а вот с братьями или при клиентах — глупо будет. И весьма неосторожно.

— Не спрашивай, и мне не придется тебе врать, — состроив лукавую гримасу, увильнула от ответа Маша, понимая, что не имеет права Алене почти ничего рассказывать, даже если чем-то и хочется поделиться.

Радостью, этим счастьем, о котором если и мечтала, то уж точно не рассчитывала. А оттого — ценнее все было, острее во много раз! Но вслух рассказать... Нет. Не сейчас, когда все еще настолько тонко и зыбко. Неопределенно.

Не потому, что в подруге сомневалась, нет. Но куда свои суеверия деть? Не вырвать из души то, что под кожей давно прижилось. Да и мало ли... ведь никуда сложности не ушли. А подставлять Олега или подвергать Алену хоть какой-то опасности — точно не хотела.

— Все интересней и интересней, — хмыкнула подруга, но было видно, что намек поняла и не собирается ни в душу лезть, ни манипулировать каким-то негативом.

Она и раньше знала, что не все в жизни и работе Маша готова или имеет право обсуждать. Вот и сейчас не настаивала.

Маша же только вновь улыбнулась, на самом деле оценив.

— Хочешь интересно вечер провести через два дня? — предложила она подруге, поменяв тему, вместо того чтобы вдаваться в подробности своего настроения.

— Какие предложения? — тут же отозвалась Алена, продолжая наслаждаться своим десертом.

— Будет торжественный вечер после представления судей. Вино, фуршет, точно какая-то музыка. Вполне вероятно, что даже интересные беседы с кем-нибудь. Ну, или полезные, ты это

приветствуешь, — немного шутливо скривила губы.

Алена совмещала должность начмеда в своей клинике, так что действительно всегда была открыта для развития социальных связей.

— Петю назначили же, помнишь? — вздохнула Маша, вдруг утратив интерес к сладкому.

— И ты хочешь идти? — удивилась Алена, также отодвинув остатки десерта. — Вроде же не горела желанием в этом участвовать?

— Не горела. И сейчас не горю, — и спорить не о чем. Вздохнула, растерев виски пальцами. — Но этот аукцион... Не хочется упустить возможность...

— Ясно, — понимающе кивнула Алена. — Сироты твои...

Так на Горбатенко похоже прозвучало, что Маша не удержала смех.

— Они, — кивнула с улыбкой, вспомнив, как с Олегом ездили в приют три дня назад.

Денег всегда в таком случае не хватает. Дети растут, а если их много и государственного финансирования почти нет, а ты очень хочешь дать подопечным только самое лучшее... То стиральная машинка сломалась, то одежды не хватает младшим. А старшим?! Они словно от того, что дышат — растут! И учебники уже устарели... Про сладкое и говорить нечего: Маша (да и все кураторы тоже) всегда старалась такого побольше привезти — дети же! Но и заканчивались подобные гостинцы в первую очередь.

А тут ещё эти цены на отопление при едва теплых батареях, и вариант с собственной котельной, который бы решил проблему, но стоит столько...

Олег — видно, заметив опустошение в ее глазах после разговора с заведующей, — пытался настоять, что сам спонсором выступит. Ну или через область это оформит, уж у него-то для подобного все рычаги имеются, лишь бы Маша не грустила. Да только...

Хорошо. Она побоялась. Не за себя...

После того памятного разговора с Петром — испугалась подобные крупные суммы, так или иначе, от Олега проводить. Или давать повод прицепиться к неправомерным действиям и злоупотреблению рабочим положением в личных целях.

Хотя какие они «личные», если здраво подумать, — правомерно возражал ей Олег?

Оно-то вроде и так, но Маша с Петей выросла. И действительно допускала вероятность, что брат в силах задумать еще какую-то гадость, лишь бы назло Олегу и ей... Или использует это в своей «кампании», которую давно развернул против Горбатенко. Что, она не знает, как у них и самое благое дело могут выставить преступлением? Благодатная почва в умах и душах окружающих всегда имеется — мало, что ли, желающих позлорадствовать и позавидовать ближнему своему? Предостаточно.

И Маша таких — десятки знает, и неплохо.

А Петр... Закон у них... хороший. Да только — как то самое «дышло». И если ты знаешь, как его вертеть — всегда свои интересы отстоишь. Потому что судья законы и все поправки к ним трактует, вынося решение.

И ее брат — он в этом профи.

Ведь точно примет в штывы случившееся, Маше здесь и гадать было не о чем. И это она еще преуменьшает... Ну а в том, что так или иначе братья о ее отношениях с Олегом узнают — тоже не сомневалась. Шила в мешке не утаить. Хотя и кричать на каждом углу не собиралась, особенно пока с иском тем не разберется, о котором Олег не спешил ей рассказывать подробно...

А сам любимый так вообще бы предпочел ее ото всех куда-то упрятать, что уже про братьев Маши вспоминать? И как бы «невзначай» все время возвращался к этой теме, стоило Марии начать расспрашивать о деталях.

— Слушание еще не началось, душа моя. Да и дело «гражданское», они пока не пытаются замахнуться на большее, прощупывают почву, — уходил от любых подробностей и обсуждений Олег, стоило ей начать задавать вопросы. — Не о чем говорить особо еще.

— Слушай, я ведь не забыла пока, как драться, могу и наподдать! — с некоторым раздражением вспыхнула прошлым вечером Маша (конечно, скорее ночью — выходные закончились, и как Олег ни старался, а приезжал домой только ближе к полуночи), когда он в очередной раз так ей ответил, уходя от разговора.

Глянула на Олега сердито и свысока. Не то чтобы его проняло — зато заставило так расхотаться, что любимый потом ещё минут пять не мог успокоиться.

— Вы мне угрожаете физически, Мария Ивановна? — задыхаясь от смеха, поддел ее Олег.

— Самым прямым образом, — подтвердила она, и сама рассмеявшись.

И, забравшись к Олегу на колени, обхватила его руками, крепко обнимая. Сама целовать начала эти смеющиеся губы, подрагивающий от хохота рот.

Нет, ну серьезно, она верила, что у него адвокаты прекрасные и все под контролем. Знала этих людей. Одного как-то сама и порекомендовала. Но Маша же тоже не дизайном интерьеров на хлеб зарабатывала и зарабатывает, ей-Богу! Хотя и сменила квалификацию. А уж касательно задумок старшего брата и его каверз — у нее опыта не счесть! Но нет, никто и не думал ее слушать или посвящать в нюансы!

Олег настойчиво демонстрировал, что к этому вопросу ее не подпустит и на шаг. Или же Маша может начать выбирать себе страну, куда переехать собирается... Оба понимали, что «разговор в общем» и ни о чем. Она не поедет, а он не отправит. Только от темы уходит.

Но хотелось знать детали, а Олег не говорил. Впрочем, Маша не особо и настаивала пока. Если дело на стадии рассмотрения, время есть и еще выяснит подробности — у Коли попробует что-то разузнать, да и у Петра тоже, пока брат не подозревает о том, что Мария «на сторону врага» переметнулась. В его понимании, конечно... Сама она не стала бы вот так категорично заявлять, да и братьев чем-то обижать или задевать не хотелось. Но если вопрос будет поставлен категорично — свой выбор Маша уже сделала и отречься не собиралась. А с судом разберется, раз ещё не горит...

Ну, или она так думала, по крайней мере...

— Так ты пойдешь? — голос Алены вновь вернул ее в реальность.

— Пойду, наверное, — вздохнула Маша, наблюдая, как подруга еще себе кофе заказывает.

Олег не был уверен, что будет на вечере. Опять повторил то свое «много нюансов», не вдаваясь в подробности, что бы оно ни значило, черт его побери! Хотя, поняв, что Маша склоняется к варианту участия, пообещал сделать все, чтобы присутствовать.

— Саму не отпущу. Не доверяю я твоей семье, уж извини, — ехидно, явно не забыв последствий прошлого семейного общения, отрезал Олег. — Мне твое здоровье и душевное равновесие важнее итогов аукциона и сирот... Да, душа моя, и не смотри так, да! Я эгоист, и в первую очередь о своем пекусь и забочусь, — твердо отрезал Олег. — И ради общего спокойствия готов больше тебе денег перевести, чем на этом аукционе заработаешь. Под любым предлогом оформив, коль ты уже опасаясь, что меня обвинят в чем-то...

Маша фыркнула и закатила глаза.

— Неправда. Ты обо мне всегда заботился, даже года два назад. И о детях этих... — попыталась было разрядить обстановку и сделать ударение на его добром сердце.

— Только потому, что и тогда — ты моей была, а из-за них нервничала, — с немного снисходительной усмешкой прервал ее Олег, не позволив развивать данную тему.

И так глянул глаза в глаза, с таким чувством, что у нее в груди горячо стало. Сладко почти до боли, до щемящей острой нежности...

— Тебе и для тебя — я позволю и пойду на все. Ясно? Остальные... не моя сфера интересов, Машенька. И не надо приписывать мне большую глубину души и самаритянство, лады? Одну — не пущу.

— Не прошло и недели, как живем вместе, а уже тираном стал, — хмыкнула она, чтобы немного сбить комок к горле и это тепло в груди. — Я Алёну с собой возьму, пока ты не приедешь, — быстро добавила, пока он не успел ничего возразить, веселясь от ее «упрека».

Умела торговаться и договариваться, идя на уступки ради конечной цели.

Олег задумчиво и оценивающе смерил ее взглядом, точно поняв это.

— А если не сможет поехать Алёна твоя? — хмыкнул.

— Не поеду... — допустила Маша подобную вероятность. — Но эти дети... — жалостливо, и грусть в глазах.

Давила на интересы сирот, но сама, кроме аукциона, хотела все же с братьями пересечься на людях, вопросы задать... Не напрямую, но выяснить, что у тех на уме. Да и других послушать. «Сплетни» и пересуды, если так можно сказать. Разобраться, что в жизни верхушки и как сейчас, куда «ветра» дуют.

И насколько в самом деле «ей не надо ни о чем думать», как Олег пытался убедить. Или все же стоит и самой, пусть и не в открытую, а пока понемногу, на его поддержку и позицию работать.

Заяви об этом — он точно ее не пустит. Не позволит не то что ради него собой «рисковать», а и просто заниматься не особо приятным, как ему это виделось. И хоть кол на голове теши, а не желал слушать, что она хочет и будет для него делать и заботиться не меньше, чем Олег о

Маше. Ведь и он «ее»! Так что — в своем праве...

Но коль напрямую не слушал, Маша умела находить и окольные варианты. А он и понимал это вроде, да доказательств сейчас не имел...

— Ты мне руки выкручиваешь, душа моя, — ухмыльнулся Олег так, что было ясно — даже восхищается этим ее упрямством. — И вот как тут на этот гребаный вечер не приехать? Не брошу же тебя этим львам на съедение...

— Не передергивайте, Олег Игоревич, — рассмеялась уже Мария, обняв его. — Там будет самая лучшая часть нашего общества, что вы! А я о детях пекусь, — лукаво глянула на него сквозь ресницы. — И Алена моих братьев не меньше твоего не переносит. И близко их не подпустит... Да и наедине нас не оставит... Даже перед Петей не пасует. Пару раз пыталась «грязное белье» журналистам сдать. Едва ее отговорила, — держала шуточный тон и вид, так, что и он не мог ни к чему прицепиться.

Олег хмыкнул. Хоть и видела по его взгляду, что чуёт, сечет, но и придраться — не может, нет вроде повода.

— Мне она все больше по душе, в таком случае. Сброшу-ка я твоей Алене на телефон пару проверенных контактов в прессе. От «анонима»... — протянул Горбатенко, сжав ее плечи крепкими объятиями. — Вдруг опять такое желание появится.

— Олег! — рассмеялась Маша. — Не пугай меня, — шуточно одернула. — Если вы объединитесь...

— Ты целее будешь, — ввернул он. — Хоть я и так больше не позволю ничему и никому и волоса на твоей голове тронуть! — тише добавил.

И так серьезно... как клятва, от которой у Маши дрожь на затылке, под горячей ладонью Олега, где он ее шею сейчас поглаживал.

— Ладно, я такое пропустить не могу. Приобщусь к высшему обществу и нашей элите, — улыбнулась Алена. — Да и меня начальство похвалит за укрепление и развитие связей среди вероятных спонсоров. Совмещу общение с тобой и пользу по работе, — подмигнула подруга.

— Меркантильно, но вполне разумно, — тоже с улыбкой согласилась Маша.

Она знала, что и Алене участие в этом мероприятии можно на пользу обернуть.

Еще и потому предлагала. А почему нет, если может и подруге в чем-то помочь? Алена никогда ей в поддержке не отказывала. Да и Олегу такой аргумент приводила для надежности.

Глава 14

Нити не было.

На руке Олега, под его часами, куда Маша сама ее повязала, сейчас не было красной нити.

— Да я не помню, душа моя, — Олег, кажется, вообще удивился, что она обратила внимание на это. Сам он не заметил пропажи и теперь немного удивленно посмотрел на запястье. — Честно говоря, не до того сегодня было, чтобы отслеживать такое, — устало растер лицо рукой, прошелся пятерней по волосам.

Она видела, что он уже утомлен и измотан, а ещё предстояло посетить две встречи. И этот вечер, на который сама она отправлялась через два часа, а Олег все же собирался приехать позже, закончив со своими делами... Вроде и глупцу понятно, что некогда ему было следить ещё и за нитью.

Они и решили как-то спонтанно пообедать вместе, когда она позвонила. Ощутила эту его загруженность, усталость. Предложила отвлечься. А Олег даже с радостью ухватился за ее идею. Сказал, что есть час в запасе, приехал в ресторан, недалеко от офиса, где они сейчас и сидели в отдельном кабинете.

Хотя, что немного напрягло Машу, не особо вдавался в подробности уже прошедших встреч, когда она, заметив отсутствие нити, начала расспрашивать.

— Ты уверена, что она сегодня пропала? Может, я ее вчера или пару дней назад потерял? Некогда было следить, извини, — с мягкой улыбкой повинулся Олег, хотя и явно не считая ситуацию существенной.

Потому что это Олег не придавал значения ее амулету. А для Маши нить многое значила и служила показателем. И ей очень хотелось бы знать: когда и на встрече с кем нить порвалась? Знала о поверье, что нить на себя негатив берет, который на ее владельца направить пытаются... Так что да, Маша очень даже желала бы понять, кто именно желает зла ее любимому!

— Слушай, а почему у тебя такого амулета нет, Машенька? — так же беззлобно хмыкнул Олег. — Живая же и невредимая. Вот и со мной все нормально будет. Не волнуйся, душа моя.

Пытается на нее перевести стрелки?

— Не сложилось, — не поддалась Маша, хоть и улыбнулась. — Вроде и защищаться особо не от кого было. Да и кого мне завязать просить было? Петю? — глянула лукаво. — Ну а с любовью... вроде и так была, боялась хуже сделать, — сложно рассказывать о своих суеверных опасениях человеку, который в это не верит. — Но это идея, сегодня вечером мне завяжешь... — стрельнула в Олега взглядом сквозь ресницы.

Любимый выразительно закатил глаза, но тоже широко улыбнулся.

— Я не по этой теме, Машенька, говорил же. Не в курсе, как шаманить...

— А ты мне просто завяжи, любовь твоя сама все «нашаманит», — уже в полный голос рассмеялась, не позволив ему отнекиваться. Хотя сама все же нервничала. — И я тебе заново повяжу... — предупредила, чтобы и не думал этого избежать.

И несмотря на беззлобные поддевки Олега, заметившего это ее волнение и попытавшегося разрядить ситуацию, Марии стало не по себе.

У нее здесь и сейчас никакой нити не имелось. Да и дома. По сути же не перебралась нормально: как уехали тогда ночью, так и осталась у него, обходясь минимальным набором вещей. Пару раз заскакивала в свою квартиру, чтобы пополнить запасы, но нитью не озаботилась — не горело, да и вещей брала мало. Просто времени все не хватало, но Олег просил, чтобы в его доме жила. А она не спорила. Понимала, что именно стоит за данным требованием, и даже радовалась, что его навязчивая идея для нее перебраться «за рубеж» сменилась подобной просьбой — все же рядом с ним, настолько близко, насколько и сама Мария только желать могла. Потому и от охранников, «приглядывающих» за ней, которых

Дмитрий подобрал по распоряжению босса, не отмахивалась. Единственное, попросила, чтобы они все же не особо открыто работали. Хотелось меньше к себе внимания привлекать так долго, как это будет возможно.

Но сейчас не охрана занимала ее мысли. Да и не еда.

Надо будет куда-то обязательно заехать и нить купить, тут же решила Мария.

Отодвинув еще полную тарелку, чем заслужила полный недовольства взгляд любимого, Маша попыталась воскресить в памяти утро. Даже глаза прикрыла. Впрочем, картинки тут же вспыхнули в голове настолько ярко и без всяких усилий, что дело было не в сосредоточенности, скорее, а в излишней чувственности, которой сейчас вроде бы не место...

Она вышла из душа, торопливо поправляя сережку, не желающую нормально застегиваться. Маша уже немного задерживалась и вполне могла опоздать на встречу. С самого утра не выходило взять себя в руки. Даже с ночи, пожалуй: снилась всякая муть, ничего конкретного, но слишком много тревожных образов, не позволяющих отдохнуть.

Не хотелось ей ехать на этот вечер сегодня, вот подсознание и «радовало» припрятанным негативом и тревогами. В результате Маша совершенно не выспалась, не помогли даже крепкие и горячие объятия Олега, в которые она пыталась «укутаться», прячась от этих разорванных снов.

Вот и собиралась вдвое дольше обычного, с каким-то трудом приводила себя в порядок, ещё больше дергаясь из-за того, что и волосы не желали укладываться так, как ей хотелось, и та самая сережка не застегивалась. Даже не оделась до сих пор толком, бегала между комнатой и ванной, на ходу натягивая на себя хотя бы белье... То самое, кстати, что Олег купил, когда она болела. До сих пор не доходили руки хоть примерить. А сегодня — без вариантов, другого свежего уже просто в наличии нет. Да и они вопрос с ее статусом однозначно закрыли.

Сам Олег, давно собравшись, спустился вниз и, наверное, обсуждал с Дмитрием планы на день, пока ее ожидал. Так Маша думала...

А Олег поднялся ее поторопить, оказывается.

Она не заметила сначала, а вот он как раз очень хорошо рассмотрел «детали» ее одежды. И сказать, что Олегу понравился выбор белья Машей — было бы просто ничего не описать. Его мужское самолюбие и гордость явно воспарили на небывалые высоты. Да и она сама не могла не признать, что это кружевное белье, хоть и казалось простым само по себе, — на ней, на ее теле смотрелось неожиданно будоражаще и сексуально. И Мария в полной мере смогла это ощутить, когда тут же очутилась в объятиях любимого.

Она даже толком оглянуться не успела, когда горячие и сильные руки Олега обхватили, сжали ее, словно отрезая от всего. Прижал... да что там! — притиснул к себе спиной. Заскользил жадными руками по плечам, с легким нажимом провел горячими ладонями по ребрам, сжимая алчными пальцами грудь.

Рассмеялась от неожиданности в первое мгновение. И тут же смех сменился горловым стоном, которого Маша сама от себя не ждала даже. А у Олега от ее стоны — дыхание с шумом, хриплое и такое горячее, что и ее словно в жар моментом бросило! В лихорадке задрожала, откидываясь на него.

— Ненаглядный мой? — простонала.

Вроде бы напомнить хотела, что оба торопятся и уже опаздывают. А не смогла. Мысль сейчас его остановить — кощунственна! Да она вздохнуть не сможет, если он в этот момент остановится!

— На твоей коже этот цвет потрясающе смотрится, — голосом, который стал ниже обычного раза в три, прошептал ей Олег в ухо, дразня влажными короткими то ли поцелуями, то ли легкими укусами. — Я так и представлял.

Вновь весело вроде, а на самом деле — стонет, не может молча просто. И мысль о том, сколько и как он о ней мечтал, — возбуждает с дикой силой. А его руки уже сминают кружево, сдвигают в сторону, освобождая доступ ко всему и сразу. Его твердый пах вжимается в ее бедра настойчивыми толчками. Одновременно сжимает грудь, перекатывая чувствительный сосок пальцами, а вторая рука уже под трусиками, скользит по влажному жару. Без всякого предупреждения проникая пальцами внутрь. Нежно, да, но бескомпромиссно и с таким потрясающим напором, в то время как Олег легко царапает кожу на ее шее, прикусывая. И четкое понимание — да, опоздают оба, потому что сил нет остановиться! Не хотят...

Маша точно помнила, как выгнулась ему навстречу. Ее и сейчас, в кабинете ресторана, в такой жар от этих воспоминаний бросило — щеки запылали. И у Олега на лице потрясающая и самодовольная улыбка расплылась. Протянул руку и переплел их пальцы. Поднял ладони, прижавшись губами к внутренней стороне запястья Маши. Сразу понял, о чем она вспомнила. О том же подумал...

А у нее от его поцелуя только ярче картинка перед глазами... И рука Олега перед лицом, которой любимый в матрас упирался, когда накрыл собой, подмял, вызывая какую-то потрясающую чувственную беспомощность и ощущение полного ему покорения.

Под часами нить была.

Маша это точно помнила сейчас. Губами ласкала его руку, пальцы, не в состоянии прекратить стонать пока, он в ее тело алчно и жадно, с какой-то одержимой потребностью погружался, — не в силах до сих пор эту потребность оба были пригасить. Нуждались друг в друге, как в воздухе! И амулет губами Маша точно задевала...

— Утром была, я помню, — хоть и сама улыбнулась, когда страх сменился чувственностью, не отступила от первоначальной позиции Маша, не забирая руки.

Погладила его скулу, скользнула по напряженному подбородку, упиваясь возможностью касаться, гладить, ласкать его. Но Олег все еще не был впечатлен данной проблемой.

— У тебя было время и силы на детали отвлекаться? — рассмеялся Олег с потрясающей хрипотцой в голосе, от которой у нее по спине сладкая дрожь пробежала. Заломил бровь.

Казалось, вспоминать утро и их безумие страсти было для него куда интересней, чем припомнить, на какой из встреч мог нить потерять. Но Мария не поддавалась, хоть и сама невольно расплылась в улыбке.

— Я куплю моток, новую завяжу тебе сегодня, ладно? — вроде как спрашивала, но и показывала ему всем видом, что для нее это все еще очень важно.

— Если тебе этого хочется, душа моя, — смирившись, рассмеялся, потянул ее за руку и

пересадил к себе на колени, явно также утратив интерес к обеду. Обнял, зарылся лицом в ее волосы, крепко держа Машу в своих руках.

— Точно приедешь на вечер? — на всякий случай уточнила, учитывая, что день был смещен. Могли и поменяться расстановки.

Пока же сама мягко поглаживала, легко нажимала пальцами на его голову, затылок, шею — хотела, чтобы расслабился, выдохнул. Ощущала напряжение любимого.

— Да, не к началу, но к аукциону твоему точно буду, — пробормотал Олег, прикрыв тяжелые веки с явным удовольствием от ее действий.

— Спасибо, любимый мой, — прижалась губами к его рту, стараясь даже так смягчить, сгладить напряжение. Дать ему отдых от мыслей, которые держали в напряжении и тонусе, пусть и не хотел ее теми нагружать.

— Здорово выглядишь! — совершенно искренне сделала Маша комплимент подруге и улыбнулась, заметив немного растерянный румянец на щеках Алены.

Они, как и договорились накануне, встретились в холле ресторана, где организовали этот полуторжественный-полунеофициальный вечер в честь новых судей Верховного суда. Этакая закрытая «тусовка» касты.

Приглашенные уже собирались, кучкуясь небольшими группками. Общались, обсуждали последние новости и слухи в их круге и в городе. Собственно то, за чем Маша сюда и приехала, помимо аукциона. Тот, впрочем, она перепоручила организовывать партнерам, обеспечив больше поддержку своим именем в этот раз, ну, и сообщив практически всем приглашенным о том, что данное мероприятие будет проведено, а поддерживать и помогать детям весьма почетно... А ещё с лотами помогла, подобрав часть.

Собравшиеся все выглядели хорошо — круг и положение обязывали. И Алена никому из присутствующих не уступала.

Тем не менее, будучи серьезной, красивой, пробивной и сильной, подруга, тем не менее, как и многие другие, искренне стеснялась, когда хвалили не ее деловые качества, а красоту.

— Да, парикмахер и визажист творят чудеса, — вроде как не о важном, отмахнулась подруга. — А ты?.. — удивленно обвела взглядом.

— А у меня внезапно появились дела важнее укладки и макияжа. Пришлось идти как есть, — развела руками Маша, улыбаясь с некоторым лукавством. «Меня и без прически любят», — не сказала, но было такое ощущение, что Алена это поняла и улыбнулась как-то так... тайно.

Маша улыбку поддержала. А что оставалось? Спасибо, переодеться успела. Своим макияжем и укладкой она пожертвовала ради недавнего обеда с Олегом, в последнюю минуту отменив запланированную запись. И успокаивала себя как раз тем, что теперь-то ей можно и другими вещами поражать его душу и сердце, а не только ослепительным внешним видом на подобных мероприятиях. Да и с ним же время провела. А судя по настроению, любимый в этом нуждался больше, чем в том, чтобы она волосы накрутила. И уезжал после обеда куда более веселым, чем в тот ресторан приехал. Так что ее поддержка тут была важнее внешнего вида.

— Маша! — оклик заставил обеих девушек обернуться, и они начали осматриваться в поисках

Николая.

Брат уже торопился к ним. Мария заметила, что за его спиной осталась незнакомая ей девушка-брюнетка, с явным недовольством поглядывающая на удаляющегося Николая. Наверное, с этой брюнеткой он сюда пришел. Та ли это пассия, по поводу которой отпускал язвительные комментарии Петя на давешнем ужине?

«Надо бы узнать...» — подумала Маша, но сейчас было не до того. Отвлеклась.

— Привет! — улыбнулась она, когда брат крепко обнял ее за плечи. После их последнего общения казалось, что они стали ближе, чем раньше. словно бы старались понять друг друга. Хотя насчет своих вопросов к старшему он ей больше ничего не говорил. — Как дела?

— Нормально, Машунь, — с широкой улыбкой отмахнулся Коля. — Алена... Сражен! Ты потрясающая, как и всегда! Добрый вечер! — не отпуская плечи Маши, он наклонился, подхватил ладонь Алены и в шутливом поцелуе приложился к ее пальцам.

— Ну спасибо! Ты, как большой ценитель женской красоты, знаешь, о чем говоришь, — хмыкнула Алена с сарказмом. — Так что я польщена. Добрый вечер.

Однако руку не отобрала, даже когда Коля, уже опустив вроде, на несколько секунд задержал ее пальцы в своей ладони.

— Ты же врач, должна понимать, у человека не может не быть слабостей, — бесшабашно передернул плечами Коля, закатив глаза от ее поддевки. — Иначе это будет робот, — подмигнул он им обеим. — Но и с моим опытом, — тем более с ним, точнее, — не могу не отметить, что вы — две самые потрясающие девушки в этом здании, — с галантной и почти искренней улыбкой оставил он за собой последнее слово.

Рассмеялись все. Уж очень бесшабашно и с куражом держался Николай, заражая этим настроением.

И все же отпустил руку Алены.

Почему-то Маша обратила внимание на это движение. словно с неохотой.

— А как же твоя спутница? Не обидится, что не ей пальму первенства отдаешь? — поинтересовалась она, почти ощущая затылком недовольный взгляд брюнетки в их сторону. — Познакомишь?

— Тебе сейчас отвлекаться не стоит, — рассмеялся Николай. — Да и... — он соорудил такую гримасу, что стало сразу понятно — ничего особого эта девушка для него не значит и с семьей знакомить не стоит. — Ты с Петькой уже говорила? — поинтересовался брат, возвращаясь к серьезному тону. Видимо, не хотел углубляться в тему спутниц.

Легкий настрой слетел с него, словно сухие листья с деревьев за окнами. И Маша заметила, что при упоминании имени старшего брата изменился не только тон Николая. Сама осанка и словно бы состояние. Коля будто бы напрягся, хоть и продолжал удерживать на лице веселое и легкое выражение.

— Не успела, — отмахнулась Маша, не стремясь признавать, что попытается как можно дольше старшего брата избегать.

Разговор с ним был необходим, однако и оставлять время для долгого «общения» — не горела желанием.

— И не надо тебе с ним говорить, — фыркнула Алена с сарказмом. — У самой дел хватает.

Маша улыбнулась этой откровенной демонстрации отношения подруги к ее родственникам.

— Ясно, — Коля почему-то внимательно глянул на нее, словно что-то взвешивая в уме. — Я его на себя возьму большей частью, Машунь, лады? Там у него сегодня проблемы были. Так что настроение у Пети — «не фонтан», можешь представить. Не сложилось что-то так, как он хотел. Хоть и я не особо в курсе, — Николай вновь передернул плечами, и в этот раз Маша заметила, что брат на самом деле тоже устал.

— Я поняла, — вздохнула. Вообще здорово... Вечер обещал быть все более «увлекательным». — А у тебя что?

— А-а-а, — отмахнулся Коля. — Сейчас дело непростое идет. В антимонопольном слушания по тендерам. У меня клиентов кинули, мы подали иск. Задержали сегодня, — пожаловался брат, почему-то глянув на Алену.

Подруга эти несколько минут что-то быстро и подробно писала в мессенджере.

— Что-то случилось, Лель? — поинтересовалась Маша, отчего-то испытывая странную уверенность, что это Коля хотел бы спросить.

— Несерьезно, — не поднимая головы от смартфона, улыбнулась Алена. — Пациенты... — вздохнула так, словно бы это должно было им все объяснить, и вернулась к тому, что писала.

Маша с Колей переглянулись, похоже, вдвоем не особо разобравшись.

— Ладно, пошел я дальше здороваться со всеми, Машунь. Если что, я рядом, — чмокнув ее в макушку, брат отошел.

— Балабол он у тебя все-таки, — не отрываясь от своей переписки, с сарказмом заметила Алена. Но так как-то... Маша даже присмотрелась. Однако Алена все еще писала ответ пациенту. — Но насчет его совета о Петре, думаю, стоит прислушаться.

— Я в этом уверена, — вздохнула Маша, растерев шею. Вечер ещё не начался, а она уже устала. — Ладно, пошли. Вон Яна, которая сегодня подготовкой аукциона занималась. Выясним, все ли нормально и не нужна ли помощь. А потом ты мне скажешь, с кем тебе имеет смысл пообщаться, и пойдем контакт налаживать, — выдавив из себя улыбку, позвала подругу.

А сама почему-то вспомнила о том, что в ее сумочке лежит моток красной нити. Но Олег появится точно не раньше, чем часа через два. И ей еще столько сделать необходимо...

Заставив себя собраться, улыбнулась Алене, внимательно наблюдающей за ней и явно замечающей эти нюансы, и пошла в сторону зала, в котором, как она понимала, будут в скором времени проводить аукцион.

Глава 15

— Ян, что-то не так? — то, что будущая ведущая аукциона как-то рассеянно хмурится, было заметно издалека.

Пока приблизились, уже и Маша нервничать начала. Вот и выяснять принялась, не откладывая в долгий ящик.

— О, Маш, привет! Алена! — обернувшись к ним с улыбкой, Яна тут же обняла и поцеловала каждую по очереди. — Как тебе сказать, — вновь повернулась к своим владениям, обводя лоты тем самым взглядом. — Мало, Маш. Можем сумму не набрать. Сама знаешь, юристы не те люди, кто охотно расстается с деньгами. Даже для детей, — передернула плечами.

Маша криво улыбнулась, а Алена только растерянно закусил губу. Спорить тут было не о чем, и они все понимали, что слова Яны — стопроцентная правда.

— Так, а почему мало? — не собираясь опускать руки, Маша обвела глазами имеющиеся лоты, стараясь мысленно прикинуть, сколько можно за те выторговать у ее коллег.

Картина, которую сама Мария выпросила у Алены. Не то чтобы слезно умоляла, однако пришлось уламывать подругу пожертвовать свою работу на благотворительность. Правда не потому, что Алена жадничала, а из-за чрезмерной скромности и недооценке себя в этом вопросе, как и с внешней красотой. Алена была любителем, да. Однако рисовала такие пейзажи, что Маша получала искреннее и ни с чем не сравнимое удовольствие, рассматривая полотна подруги. У нее дома висела пара картин, подаренных Аленой, вот и сюда, на аукцион, уломала пожертвовать зимний лес. Красота! Но, конечно, учитывая, что подруга была именитым в их кругу врачом, а не художником, баснословной суммы, которую данная картина заслуживала, по ее мнению, не взять.

Кроме этого, имелась еще настольная лампа. Не простая — дизайнерская, сделанная на фирме того самого Юрия, которому помогали Олег и Маша, чем разозлила недавно старшего брата. Овчаренко был очень благодарен Маше за помощь и вообще без возражений, а даже с радостью предоставил ей эту лампу, когда Мария обратилась.

— Сейчас ещё часы привезут, — спохватилась. — Я тебе говорила. Мне уже писали — десять минут.

Яна кивнула, продолжая подготовку.

С этим ей Олег помог, обеспечил «контакт» — Александр Ольшевский.

— Я давно его знаю. По своим делам. Напишу Сашке, скажу, что ты ему позвонишь и сможешь протекцию перед юристами составить, приглашение обеспечишь?

— Приглашение — вообще без проблем, — улыбнулась тогда Маша, с благодарностью приняв помощь любимого.

Бизнесмен нуждался в расширении связей и полезных знакомствах, в том числе и среди юристов. Хотел разноплановые контакты наладить. И готов был ради приглашения на подобные мероприятия на многое... Подарить Марии наручные часы для аукциона, пусть и очень престижной марки, представителем которой Ольшевский и являлся, сначала воспринял как шутку. Не мог поверить, что у него всего лишь это просят. Пару часов предлагал, но Мария со смехом отклонила предложение, настояв, что ей достаточно и одних. Может, зря? Послала ему приглашение.

В целом, Александр показался ей достаточно приятным в общении, пусть лично они пока и не встречались.

Что у них еще было? Пара фотографий, пожертвованных кем-то из друзей Николая. Профессиональные фото, красивые. Два сертификата на фотосессию от известного в стране фотографа. Несколько сертификатов на уход в престижной косметологической клинике. Тоже хорошие лоты.

Однако она была согласна с мнением Яны, что нужную сумму могут и не получить... «Может, не стоило от предложения Олега отказываться», — мелькнула крамольная мысль.

Но тут к ним приблизился какой-то мужчина, отвлекая всех. Яна перестала переключать бумаги.

— Добрый вечер. Александр Ольшевский, — отрекомендовался вновь прибывший, с интересом осматривая всех троих. На Маше его взгляд задержался. С таким мужским интересом... Стало как-то не по себе. — Мне сказали распорядители, что я здесь могу Марию Ивановну найти? — он явно пытался ее вычислить.

Маша улыбнулась и протянула руку.

— Добрый вечер, Александр. Вам верно сказали. Вот и вживую встретились. Благодарю, что не опоздали, — с улыбкой поприветствовала его.

— Это я вас благодарить должен за приглашение и возможность в таком благородном деле поучаствовать, — с явным интересом изучая ее, отмахнулся Александр и аккуратно пожал руку Марии. — Часы. Кому отдавать? — показал красивую коробку, которую держал все это время.

Вновь обвел взглядом всех троих.

— Это мне, — Яна точно не собиралась никакие вероятные лоты упускать.

Бойко вмешалась в разговор и тут же перехватила коробку.

Маша рассмеялась.

— Верно, это Яна, она у нас сегодня отвечает за проведение самого аукциона. А это — Алена Витальевна, которая также помогала нам с организацией, — представила всех.

Все обменялись кивками и дежурными фразами. Поинтересовались кто чем занимается, Алена про больницу упомянула. Но все это время Александр поглядывал в сторону Маши все с тем же интересом, который сама Мария не смогла пока идентифицировать. То ли Олег на что-то давнему знакомому намекнул, и Ольшевский разглядывает ее как женщину Горбатенко. То ли ему ничего не известно, и это все же тот мужской интерес, который почудился ей с первого мгновения, когда Ольшевский еще не подозревал, кто она. И забавно с ним, и шутками сыплет, излучая оптимизм. Девчонки смеются так, что в их сторону даже другие гости косятся. Маша пару вопросительных взглядов и от Николая поймала. Брат точно пытался понять, кто это их так веселит?

И когда уже Маша решила про себя, что пора бы в открытую отправить Александра «в зал», знакомиться с другими приглашенными, может, даже Колю к этому подключить, к ним присоединился еще один собеседник.

— Мария, Алена Витальевна, Яна... Добрый вечер, девушки, — обернулись все. — Как ваши дела?

— Добрый вечер, Алексей, — даже с некоторым облегчением поприветствовала она знакомого прокурора.

Но не расслабилась. Они с ним не встречались ещё после той ночи, когда бумаги на фирму Юрия переоформляли. И при виде Алексея в душе всколыхнулись тревоги, про которые эти дней семь не вспоминала, не до того было. Станет он использовать то, что знал о ее участии, в каких-то своих раскладах? Расскажет Петру? Или Олег уже все с ним решил?

Надо бы уточнить дома у любимого. По виду Алексея сейчас мало о чем можно догадаться. Весел и приветлив, кажется, смотрит ровно, ни на что не намекая вроде.

Маша поняла, что еще немного, и у нее начнет болеть голова. Господи! И как раньше выдерживала все их полунамеки с Олегом? Какая-то неделя, чуть больше, открытости и счастья так расслабила...

— Дела хорошо, благодарим, — отозвалась, пока остальные здоровались. — Готовимся к аукциону. Надеемся, вы примете участие? — тоном, подразумевающим, что он не может отказать, поинтересовалась Маша.

И позволив Алексею лишь кивнуть, чтобы не начал приводить аргументы «против» участия (прокурор — он в таком профи), указала на Ольшевского:

— Познакомьтесь, это Александр, один из спонсоров нашего аукциона. Не могли бы вы ему тут все показать и немного в курс дела и вечера ввести, пока мы закончим с подготовкой? Сами бы с удовольствием со всем Александра познакомили, но надо же все до ума довести, — ввернула Мария.

Яна, верно уловив ее посыл, тут же закивала и вновь схватила стопки своих списков с фамилиями, лотами, счетами... Алена тоже посокрушалась, как много ещё стоит уладить и с организаторами согласовать.

— Конечно, с огромным удовольствием покажу все за вас, — усмехнулся Алексей, кажется, поняв, что его используют, но не возражая против этого. — Вечер только начинается, уверен, еще пересечемся не раз.

— Благодарю! — почти искренне улыбнулась Маша.

Пусть и не совсем поняла, для чего им ещё пересекаться. Или он с Олегом хочет поговорить и намекает ей, что догадывается — не все между Машей и Горбатенко просто?

Или она стала параноиком и ей стоит просто выдохнуть.

Маша прикрыла глаза, стоило мужчинам отойти. И подумала о том, что они с Олегом так и не решили: стоит или нет демонстрировать именно здесь свои отношения? И, как ни странно, именно она сомневалась — опасалась обострять их конфликт с Петей в среде, где большая часть симпатий точно будет на стороне брата, а не Горбатенко. Не хотела давать Петру преимущество.

В этот момент Яна хмыкнула, заставив ее вновь сосредоточиться.

— Слушайте! Девочки, может, мне вас на аукцион выставить? На вас мужчины просто слетаются тут, и со всех сторон поглядывают, — кажется, она сама пришла в восторг от своей идеи.

А вот Алена с Марией, переглянувшись, синхронно возмутились:

— Плохая идея!

— Очень, — поддержала Маша подругу. — У нас тут аукцион для детей, а ты...

— Так я ж ничего крамольного! — замахала руками Яна, смеясь. — Ужин. Два часа приличного общения. Причем я согласна даже делать вид, что не слышу ставок тех, кто вам неприятен, подадите мне какой-то знак...

— Плохая идея, — ничуть не убежденная, кажется, Алена опять покачала головой. — Я люблю детей, но выставлять себя на аукцион... Это как-то ... бррр, — подругу даже передернуло.

— Поддерживаю, — Маше эта идея тоже вовсе по вкусу не пришлась. Не говоря уже о том, что мог о таком подумать Олег... — Это уж какие-то совсем крайние меры, Ян...

— Что я могу сказать, вы бы тут точно популярностью пользовались больше, чем лампы и сертификаты, — хмыкнула Яна, но больше вроде не настаивала.

И они вернулись к планированию приблизительного расписания аукциона, решая, какой лот в каком порядке выставлять.

Петр появился минут через десять, вместе с женой. Маша почему-то сразу ощутила, что старший брат объявился. Вот словно после предупреждения Коли «сканировала» пространство на предмет недовольства. Что ж, ощутила. Довольно забавно, но в этом помещении, наполненном людьми с совершенно разными интересами и мотивами, настолько выраженного раздражения не ощущалось ни в ком. Прав был Коля — их старшего брата что-то сегодня сильно взбесило. И он до сих пор не сумел взять себя в руки, даже если внешне и пытался демонстрировать невозмутимость. Но Маша, зная его всю жизнь, очень явно улавливала флюиды злости Петра.

Подходить не хотелось вообще. Вот ни капли! И она сделала вид, что поглощена общением со знакомыми. Все равно на ужине пересекутся. Хотя краем глаза и отмечала, как брат с невесткой движутся по залу, периодически останавливаясь, чтобы поговорить то с одним, то с другим присутствующим. Задержались у фуршетного стола, где сейчас толпилась большая часть приглашенных, лакомясь закусками. Торжественный ужин должен был начаться только через полчаса.

Брат говорил со многими. Укрепляли позиции? Или же просто дань вежливости отдавали? С этим аукционом и беспокойством о лотах, она сама толком не успела ещё поговорить ни с кем, что собиралась сделать изначально.

— Маш? Что случилось? Почему нервничаешь? — Алена заметила изменение настроения, попыталась привлечь ее внимание.

— Нет, ничего, — отмахнулась.

Маша была не в состоянии сейчас сосредоточиться, Петр как раз завел разговор с Алексеем... И немного неразумно, конечно, было волноваться: если прокурор собирался обсуждать что-то с ее братом, то давно это сделал бы и не здесь, а она все равно как-то фоново занервничала.

— Ясно — Петр, — Алена проследила за ее взглядом и сама догадалась о причине

рассеянности подруги. — Вроде улыбается, с позитивом держится. Может, успокоился или Николай преувеличил? — поинтересовалась она.

Маша криво усмехнулась — Алена точно знала и понимала Петра хуже, чем они с Колей. И не надо оно ей, это однозначно.

— Он был бы плохим судьей, если бы не умел свою злость и раздражение скрывать, — только и заметила.

— И то верно, — со вздохом согласилась Алена.

И взяла Машу под руку, словно не собиралась даже шанса дать их развести. Хоть со стороны это и смотрелось, наверное, непринужденной поддержкой. Поневоле стало веселей.

— Он не будет у всех на виду ничего устраивать, — понизив голос, на всякий случай поделилась с подругой.

— Так я ему и не собираюсь давать шанс тебя увести куда-то туда, где он может что-то устроить, — хмыкнула Алена.

— Я, в принципе, неплохо выдерживала нападки Пети все эти годы, — искренне веселясь от того, как рьяно и Алена, и Олег были уверены в том, что ее надо от всего оградить, заметила Маша.

А подруга как-то... не смутилась, нет. Но словно засомневалась в чем-то.

— Верю, Машунь, — наконец вздохнула Алена. — Только не сердись, но... ты в последнее время словно другой стала. Мягче. Не такая собранная и замкнутая, как обычно. Вот и хочется тебя непроизвольно прикрыть, подстраховать...

Маша растерялась. В очередной раз подумала, что как-то расслабилась, что ли, выпала из контекста событий, погрузившись в невероятное для себя счастье просто быть вместе с Олегом. И даже в какой-то мере осознала, что любимый во многом прав, постоянно находясь настороже и опасаясь, то и дело намекая, что скрывать нечто — в их же интересах. Когда погружаешься в счастье — ты вдруг становишься неосмотрительным и открытым. Не защищенным от планов и мыслей тех, кто явно не будет за тебя радоваться.

Именно это имел в виду Олег, настойчиво предлагая Маше перебраться в другую страну. И ей точно стоило собраться, чтобы не оправдать опасений любимого. Не то чтобы скрывать, но хоть не становиться «слабым местом».

В этот момент брат обернулся, словно и он ощутил, что Маша за ним наблюдает. Он улыбнулся. Она ответила такой же улыбкой и кивком, здороваясь. Однако когда Петр махнул рукой, приглашая присоединиться к ним, показала головой на приготовления к аукциону.

«Чуть позже», — произнесла губами, надеясь, что Петр ничего срочного от нее не хотел и настаивать не планирует. На лице брата мелькнуло недовольство, но он быстро взял себя в руки и кивнул.

— Маш, зачем ты сюда пришла? — даже с интересом каким-то уточнила Алена, наблюдая за этим их перемигиванием.

— Ты о чем? — не совсем разобралась. Обернулась к подруге.

— С братом ты изначально встречаться не хотела, я помню. Даже в больницу готова была лечь, — заинтересованно рассматривала ее Алена. — По аукциону... ты вполне удачно все дистанционно организовала и делегировала, не похоже, чтобы твое присутствие здесь было так уж необходимо. Да и ты рвением не горишь. Тебя вечер точно тяготит. Но ты все время оглядываешься на двери. Кого ждем, подруга? — подмигнула ей Алена.

Маша вздохнула, но вопросительный взгляд выдержала твердо.

— Что у тебя с Колей? — хорошо, она тоже умела наблюдать и делать выводы.

А также использовать нечестные приемы. Алена растерялась, моргнула пару раз. И несмотря на хороший макияж, Маша уловила ее смущение.

— В смысле? А что у меня с твоим братом может быть? — скривилась вроде с недоумением.

— Ален, я тебя давно знаю. А Колю еще дольше. И как бы он тебе ни был неприятен, Коля тебе нравится. Уж прости за каламбур, — улыбнулась. — Да и Коля демонстрирует явный интерес.

Алена фыркнула и закатила глаза.

— Маш, твой брат — бабник. Он демонстрировал к девушкам интерес, когда был женат, да и не только демонстрировал. Мы же в курсе. Он неразборчив в девушках и сейчас... Так что, прости, но насчет его интереса... — она покачала головой.

— Но тебе он нравится. Как мужчина, — не спрашивала, просто сделала ударение Маша, не в силах сдержать улыбку. — Именно этой своей мужской притягательной харизмой уверенности в себе и безалаберности.

— Маша! — возмутилась Алена.

Но ее было не остановить. Надо же от себя отвести предмет разговора.

— И еще, Ален, думаю, я знаю, кто твою картину купит... — загадочно протянула Маша с теплом в голосе.

В ее тоне или словах не было сарказма или злой иронии. Она любила подругу, искренне. И даже если Алена умудрилась запасть на Николая, против воли своего же разума, — не Маше подругу осуждать, вот уж точно.

Но Алена только фыркнула и закатила глаза. Однако Маша заметила быстрый ищущий взгляд в ту сторону, где они в последний раз видели Колю.

— Мне новости в городе узнать надо. Планы Пети. Не те, в которые он будет меня посвящать. А здесь это хоть как-то можно сделать, — вернувшись к началу разговора, более-менее пояснила свои мотивы.

Алена кивнула. Но смотрела на нее все так же задумчиво.

— Это не объясняет твой пристальное внимание ко входу, — тоже без всякой язвительности заметила подруга, взяла у проходящего мимо официанта два бокала с шампанским и протянула ей один. Маша не отказалась. — Я вот сейчас подумала об этом всем... О том, какая ты в последнее время... Машунь, ты влюбилась? — с искренним участием тихо уточнила Алена.

Она поперхнулась. Закашлялась, вот тут обрадовавшись, что без макияжа и может свободно

вытереть слезы, выступившие на глазах. Растерянно глянула на подругу. Как догадалась?

— Ты счастливая. Я тебя такой ещё не видела. Это не очевидно, но чувствуется, — пожала плечами Алена, продолжая смотреть на нее. — Но что-то явно не так... Он женат? — встревоженно уточнила.

Теперь Маша рассмеялась, хоть и пыталась еще отдышаться. Вот уж точно, что все мы по себе судим о чужих проблемах. А если она права, то Алена на ее брата запала еще тогда, когда Коля был женат...

— Нет, Лель, он не женат, — признала ее частичную правоту. — Но проблем из-за этого не меньше.

Наверное, Алена дружила с ней достаточно, чтобы сделать выводы:

— Братья против?

— Вот даже спрашивать не собираюсь, — скривилась, сделав глоток вина. — Но гадости Петя уже делает, хоть и не знает ничего. У них своя война...

— Ясно, — Алена вздохнула, также отпив из бокала. — И почему все всегда должно быть сложно, а, Машунь? — риторически поинтересовалась она.

У Маши ответа не было. И даже шампанское, пусть и знала, что то очень дорогое, — собравшиеся здесь себя любили и баловали — отдало во рту горечью.

На ужине за их столиком оказался Александр Ольшевский и тот самый Алексей. Возможно, потому каких-то острых тем братья не касались. Но и Мария мало о чем могла спросить. Зато позволила себе искреннее наслаждение понаблюдать за тем, как Коля, устроившись около Алены, осыпал подругу знаками внимания. Та героически держалась, но Маша все же видела, что твердыня Алены дала трещину. Атмосферу Коля умел создать: куражную, легкую, с привкусом эйфории.

Не отставал от него и Александр, оказавшийся вторым соседом Маши. Он был забавным и во многом своеобразным, но приятным собеседником. К счастью, брату удавалось как-то так рассеивать общее внимание, что Ольшевский не особо заикливался на Марии. Хоть и оказывал ей периодически однозначные знаки. То комплимент отпустит, то намекает, что хотел бы ее один на один в ресторан пригласить...

Нечто внутри нее подмывало намекнуть ему, что Горбатенко не по шапочному знакомству решил ей с аукционом помочь, когда Ольшевскому звонил. И сказала бы, да Коля прислушивался к их разговору, хоть и осыпал Алену шутками да комплиментами, включая в общение их группы и Настю, пока Петр общался с прокурором по какому-то делу.

Давешняя брюнетка оказалась через три столика, среди прокурорского корпуса. Видимо, Петру было важнее поговорить с Алексеем, чем усадить здесь неуютную ему спутницу брата. Ну да Николай не казался особо расстроенным. Впрочем, девушка, судя по всему, своим соседям по ужину чужой также не была.

— Коль, рискованно настраивать прокуроров против себя, — наклонившись, тихо поддела Маша брата, взглядом указав на брюнетку.

Однако Николай только беззаботно пожал плечами.

— Она вряд ли скучает. Вон тот, который справа сидит, уже месяца три мечтает ее закадрить, — махнул он рукой.

— И ты решил дать парню шанс? — ехидно поддела Маша, наблюдая, как Алена пытается собраться, явно не в силах устоять перед обаянием Коли.

Да, в такой ситуации сложно помнить, что ей не всегда по душе его жизненная позиция и поступки. Она понимала.

— Существуют моменты, в которых я вообще не жадный, — рассмеялся Николай. — И потом, сама же говоришь, что связи в прокуратуре надо поддерживать, — подмигнул брат.

— Ясно, женщинами ты легко делишься, — хмыкнула Маша, вяло поддев листок салата на тарелке.

Она соскучилась по Олегу. Аппетита не было.

— Своей — не поделился бы, — хмыкнул и Коля. — А это... — махнул рукой.

Маша только криво улыбнулась — он и прошлой жене препятствий особо не чинил. Как и она ему, собственно.

«У нас свободные отношения», — не раз отвечал брат на их недоуменные расспросы. Они в подробности и не лезли. Как ни крути, а чужая душа — потемки, даже если речь идет о родных людях.

— Дорогие гости нашего вечера! — вдруг вмешался в разговор голос ведущего. — А сейчас, как вы все, несомненно, знаете, в нашей программе запланирован аукцион, чтобы собрать пожертвования для сиротского приюта, который курирует всем нам известная семья Коваленко. Будем щедрыми и поможем детям, к которым судьба с такого возраста повернулась не лучшей стороной! — с воодушевлением призвал ведущий, пока Яна выходила к месту проведения аукциона.

Маша же повернулась к Петру, с насмешливым вопросом глянув на брата. И тут «приобщила». Раньше «семья» к курации приюта дела не имела. Но Петр встретил ее взгляд уверенно и с таким выражением, что «она и сама все должна понять».

Мария понимала. Репутация. Так он, смотри, ещё и бросит карьеру судьи да в политику пойдет. С его-то амбициями. Глянула на Колю, но тот показал, что сам немного удивлен такой постановкой вопроса.

Ладно, какая разница. Главное — денег собрать достаточно.

Откинувшись на спинку стула, Мария стала следить за аукционом.

Приглашенные раскачивались постепенно. Правда, зная эту их особенность, Яна действовала по плану, который они обсудили заранее, — начав с меньших лотов-сертификатов и постепенно повышая ставки, когда люди начали входить в азарт.

А Маша не смогла сдержать широкой усмешки, когда картину Алены купил Николай. За семь тысяч, при стартовой цене в две. И искренне разыграл удивление, когда «вдруг» узнал, что

автор по соседству сидит.

Ага, и две похожие же картины он у Маши подолгу не рассматривал, и даже выкупить не предлагал как-то...

Но Маша только поддержала всеобщую веселую атмосферу за столом, позволив себе лишь подмигнуть явно довольной подруге.

Часы тоже ушли за хорошую цену, и Маша еще раз искренне поблагодарила Александра, явно довольного тем, что его вклад оценен. Лампа ещё принесла немалую сумму. И все же, лоты заканчивались, Яна пыталась улыбаться беззаботно, а Маша, прикинув в уме, понимала, что всю сумму им не удастся собрать. Жаль, надо будет думать, что еще сделать и куда обратиться...

Ее словно легко током ударило, отвлекая от этих мыслей и событий вечера. Пробежало по спине теплом, согревая затылок и плечи. Еще не успев обернуться, Маша точно знала, что пришел Олег. Да, стоит в дверях зала, где проходит ужин. Темная фигура на фоне яркого света из холла. Но она почему-то без вариантов видит чуть кривую улыбку на его лице. И безошибочно встречает взгляд, которым он так же моментально находит ее среди всех приглашенных. Его еще не заметили, люди заняты торгами за последний лот, все следят за ставками, а Маша от любимого взгляд отвести не может. И не в силах сдержать улыбку, расплывающуюся на ее лице. Хоть и не стоит, наверное.

Олег делает шаг в зал. И в этот момент Яна со сцены объявляет:

— Продано! Вы можете забрать свое приобретение у нас по окончании аукциона. А сейчас — последний лот на сегодня! И, как вы понимаете, напоследок я оставила самое интересное!

Маша нахмурилась, невольно отвлекаясь от Олега, который моментом уловил изменения в ней. Тоже напряжение в линии плеч появилось.

По ее прикидкам больше ничего не осталось. Но ещё не успев обернуться, услышала то, что в буквальном смысле заставило Марию оторопеть:

— Итак, вашему вниманию представляется возможность провести два часа за приятной беседой или ужином с нашими опекунами — Аленой Витальевной и Марией Ивановной, наверняка вам известными и всеми любимыми. И, само собой, — повысила голос Яна, чтобы перекрыть вдруг появившийся гул заинтересованных и веселых голосов, — каждая наша попечитель заслуживает отдельной ставки... Итак, стартовая цена... Пять тысяч за ужин с замечательным врачом и прекрасной женщиной — Алиной Витальевной! Приличный ужин, прошу заметить! — со смехом сделала ударение Яна.

А вот ей вообще было не смешно. Олег остановился и посмотрел на Машу с каким-то непонятым выражением. Но у нее на лице, наверное, такой же шок отразился. Надо быстро заявить, что это ошибка...

— Я ее прибыю! — в сердцах возмутилась Алена, даже хлопнув по столу ладонью. — Мы же сказали, чтобы не вздумала!.. Пусть отменяет...

— Поздно, начались предложения, — тоже недовольно заметил Петр, одарив Марию осуждающим взглядом. Словно это она придумала!

— Я вас спасу, девочки, не переживайте, — тут же серьезно заверил Коля без всякого уже

балагурства. — Развели вы меня таки на деньги ради детей, — глянул в сторону Маши, явно пытаюсь поднять настроение.

И поднял руку, явно собираясь назвать свою цену за время с Аленой, за которое уже, между прочим, предложения перевалили за десять тысяч при шаге ставки в пятьсот. Популярность, да.

Но Маша смотрела вовсе не на брата. И не на Яну, которую ей хотелось прибить, как и подруге...

Глава 16

— Двенадцать! — очевидно, Коля решил действовать наверняка, повысив ставку сразу на две тысячи.

Маша заметила, как Алена быстро глянула на него сквозь ресницы... Она казалась растерянной и достаточно смущенной, явно чувствуя себя некомфортно в этой ситуации. А Маша, отвернувшись от Олега, усмешка которого стала откровенно ироничной, глянула на Яну, пытаюсь подать знак, чтобы та немедленно прекращала безобразие.

— Тринадцать! — крикнул вдруг кто-то, кого Марии не было видно со своего места.

Алена вздрогнула, а вот Николай, похоже, даже разозлился.

— Двадцать! — даже с какой-то злостью заявил Коля и вновь поднял руку, заставив уже всех посмотреть в их сторону.

Даже Яну. Чем и воспользовалась Мария, чтобы, во-первых, всеми доступными знаками показать — хватит, пусть принимает предложение Николая. Ну а во-вторых, она очень надеялась, что Яна видит в ее глазах обещание мести за подобное своевольное решение.

Впрочем, сейчас повышать ставку никто не торопился.

— Двадцать тысяч — раз, двадцать тысяч — два, двадцать тысяч — три! Продано! Итак, на ужин с Аленой Витальевной идет Николай Коваленко, — с воодушевлением быстро завершила торги Яна.

— Вот это человеку нужна консультация врача, — насмешливо бросил кто-то из-за другого столика, вызвав легкий смех в зале.

Возможно, та самая брюнетка, которую ее брат оставил на коллег.

А вот Коля не обратил внимания и даже расслабился, впрочем, как и Алена в чем-то. Хотя насчет подруги Маша не стала бы заявлять уверенно. Но улыбнулись все.

— Так, если и ты мне обойдешься в круглую сумму — ужинать пойдем в «Макдональдс», девочки, — с этой бесшабашной улыбкой подмигнул ей Николай.

Но Маше было не до смеха:

— А теперь переходим к ужину с Марией Ивановной, — уже открывала торги Яна. — стартовая цена — пять тысяч. Посмотрим, кому и насколько нужна консультация нотариуса, — поддержала предыдущую шутку.

— Шесть тысяч, — тут же предложил кто-то, не дав Яне договорить. — У меня проблемы с родней в тяжбе по квартире, — ввернул с юмором один из адвокатов, с которым она когда-то училась вместе.

Все происходило как-то слишком быстро, Маша не успевала сориентироваться.

Коля тут же поднял руку и уже даже открыл рот, чтобы предложить свою ставку, но его перебили:

— Не волнуйтесь, Николай, я тут с удовольствием вас выручу, — неожиданно вмешался в их разговор Александр. — Отведите Алену в хороший ресторан, — подмигнул Ольшанский. — Двадцать тысяч, — подняв руку, громко предложил он ту цену, на которой финишировали торги по Алене, пока Маша пыталась пристойно возмутиться и заметить, что не стоит.

Поднял руку и давешний адвокат, похоже, не собираясь сдаваться. Да, они общались время от времени, но она и не представляла, что ему вот так прямо хочется с ней на свидание.

Просто кошмар!

Наверное, не так и сильно она хотела собрать деньги, раз эта идея Яны повергла ее в негодование.

И тут, до того, как Яна успела бы хоть раз огласить сумму Александра, сзади прозвучал уверенный и властный голос, однозначно привлечший к себе все внимание:

— Сто пятьдесят.

Олег. Она его обожала. Но сейчас Маша скорее ощутила отчаяние — ей совсем не хотелось вот так подставлять любимого. Обернулась, встречая любимый взгляд. В ее глазах, совершенно точно, отражалось это отчаяние и вина. Но Олег внезапно подмигнул ей с довольной, чуть кривой усмешкой.

В зале стало тихо. Теперь Горбатенко заметили все. И смотрели на них с Машей тоже все, кажется. О том, что семья Коваленко на ножах с губернатором, пусть никто и не афиширует этого, присутствующие были в курсе. И в данный момент у всех точно возник вопрос: для чего ему понадобилось это делать?

— Простите, — в этой тишине как-то резко прозвучал неуверенный голос Яны. — Сто пятьдесят... чего? — ведущая растерялась.

И неудивительно. Это было больше всей суммы, которую они уже выручили за аукцион.

Олег посмотрел на Яну.

— Тысяч, разумеется, — хмыкнул он с легкой насмешливой улыбкой. — Торги шли в гривне, как я понимаю. Но если нет — пусть будет в долларах... Мне сегодня позарез нужна консультация нотариуса, — ухмылка Олега стала шире.

В зале раздались смешки, которые все же не сняли общего напряжения. И потому, наверное, как-то резко прозвучало раздраженное покашливание Петра.

— Продано, — даже без повторения предложения, ошарашенно заявила Яна. Видимо, опасалась, что Горбатенко передумает.

А Маша, честно говоря, устав от этой дурацкой ситуации и не желая оглядываться на родных, сидящих рядом, или на других соседей по столику, поднялась и направилась к Олегу. Да, на них смотрели абсолютно все в зале. И каждый присутствующий, точно, пытался понять, что же сейчас происходит?

Олег сделал шаг ей навстречу. Он уже и так стоял совсем недалеко. И Маша точно знала, что у нее на лице расплывается улыбка. Он завладел ее рукой и медленно, даже немного демонстративно, явно на публику, легко поцеловал пальцы, обжигая вечно холодные ладони горячим дыханием.

— Олег, зачем? — тихо, почти одними губами, прошептала она, все еще испытывая непонятную растерянность и вину перед любимым.

Он улыбнулся шире. Однако ответил так же тихо, как и она:

— Не собираюсь делиться ни с кем нашими ужинами. Я же тебе сразу предлагал перевести деньги на...

Но до того, как Олег успел продолжить, за ее спиной заскрежетал еще один стул по полу, и Маша почти физически ощутила злость старшего брата. Да и то, как Петр печатает шаг в раздражении, нельзя было не услышать.

Зал вновь замер, определенно предвкушая скандал.

— Олег Игоревич, — вроде поздоровался, тон даже приветливый. Но резкий кивок и этот взгляд, полный бешенства, четко выдавали истинные чувства Пети.

— Петр Иванович, — в тон кивнул Олег.

А ее руку так и не отпустил, продолжая греть ладонь Маши своими горячими пальцами. Она всегда тихо млела от этого ощущения его тепла.

— Я не позволю втягивать мою сестру в наши... дела. Ее это не касается, — вот теперь, снизив тон, Петр явно позволил просочиться в голос ярости. Слова выходили отрывистыми и резкими, будто рублеными.

Маша с удивлением оглянулась на брата. Не похоже на него. Не сдержался? Неужели Олег настолько выводит его из себя, что Петя забывает про контроль и впечатление на людях?

— О чем вы, Петр Иванович? — в противовес этому, голос Олега звучал расслабленно и легко, все с той же усмешкой. — Здесь аукцион для помощи детям, разве не так? Вот и помогаем, — причем он точно не позволял появляться ноткам сарказма в голосе. Но она это будто внутри него ощущала. — Поздравляю с назначением, кстати, судья, — Олег твердо встретил и выдержал взгляд Петра.

Маша увидела, как чуть прищурился брат, глядя на Олега с напряжением. Забавно, но, похоже, он настолько был разозлен, что действительно замечал лишь Горбатенко, приписывая тому какие-то свои мотивы. И совершенно не допускал того варианта, что Маша сама по себе была весьма счастлива стоять подле него. Окружающие, казалось, разве что не вставали с мест, пытаясь расслышать, о чем здесь говорят. Однако, и за это Маша была им благодарна, мужчины тона не повышали.

За спиной послышался звук еще одного отодвинутого стула. К ним кто-то шел. Маша могла бы

поспорить, что это Коля. Напряжение в воздухе можно было рукой пощупать, ей-Богу!

— Зря триумф ощущаете, Олег Игоревич, — ещё тише вдруг добавил Петр, его лицо даже побелело от испытываемой ярости, что он пытался подавить. Она мельчайшие признаки знала, это всегда было в ее интересах. — Сегодня днем вы одержали тактическую победу, не спорю. Но война только началась. И не стоит пытаться ухудшать ситуацию, втягивая в это Марию. Чего бы вы ни хотели достичь, это вам не поможет, я не допущу...

Коля действительно подошел, кивнул Горбатенко и остановился рядом с Петей. Так, что не дал бы брату глупости сделать, показалось. И создав импровизированный «кружок», изолирующий их от окружающих. Но при этом он внимательно и с вопросом смотрел на Машу, будто интересуясь, нужна ли ей помощь.

— Все, чего я хочу, Петр Иванович, это спокойно поужинать, — а вот Олег, похоже, чувствовал себя все свободней. — А компания такой... дорогой для меня женщины, определенно, сделает ужин еще лучше, — он все ещё широко улыбался и говорил уже громче, выделив паузой слово «дорогая».

Все вокруг рассмеялись. И Мария, на секунду замершая, потому что не могла предсказать реакцию Пети, вдруг осознала, что заявление Олега можно истолковать двояко, учитывая окончательную стоимость ее лота. И именно это, похоже, все окружающие и сделали. И Петр тоже. А вот Коля так и смотрел на нее, словно бы взглядом уточняя, все ли нормально? Маша прикрыла на миг глаза, «говоря» брату, что все хорошо.

— И поскольку вечер уже не ранний, вы нас простите — но не хочу ужин откладывать, — Олег повернулся к ней, чуть настойчивей потянув за руку. — Пусть мне на телефон сбросят номер счета, куда деньги перевести, — он кивнул в сторону Яны, которая, как и все, с напряжением и интересом следила за происходящим.

Маша кивнула и оглянулась на Алену. Подруга тоже поняла... многое... А еще показалось, что Ольшанский, оставшийся за столиком, с интересом следил за всем, внимательно поглядывая на Олега. Но у нее не было времени на обдумывание.

Олег и ненавязчиво вроде, но очень уверенно выводил ее из зала. А Коля опустил руку на плечо Петра, сжав пальцы, явно не позволяя старшему брату двинуться следом.

— Так куда хочешь, душа моя? — поинтересовался Олег, едва они вышли из зала.

Он и не думал отпускать ее руку, похоже. Наоборот, привлек Машу ближе к себе.

— А домой можно? — устало выдохнула она. Ее бы воля — обняла бы и устроилась головой на его плече. Но тут ещё было полно народу... Или уже без разницы? — Или после таких растрат обязательно нужно в ресторан? — глянула на него с некоторой иронией.

Олег рассмеялся, искренне и открыто, вытянув ее на крыльцо. Здорово! Словно с плеч упало что-то тяжелое! Маша, испытывая удовольствие от его явного веселья, с улыбкой кивнула Диме, который ждал их на улице и тут же распахнул двери авто.

— Дим, нам домой, — распорядился Олег, затащив ее внутрь.

И уже тут дал себе волю: не позволил просто сесть рядом — почти опрокинул на себя, сжал ладонью затылок, сминая и без того не идеальную прическу, и прижался ко рту Маши

поцелуем, который по-настоящему опалел! У нее моментально дыхание сбилось, потерявшись где-то в груди. И на затылке под волосами, где его пальцы дразнили, надавливали на позвонки — кожа загоралась, казалось...

Но Олег помнил, где они. К сожалению... хотя прав, конечно. Даже если Дима поднял перегородку. И все же, слишком быстро любимый прервал этот обжигающий поцелуй.

— Интересная идея с ужинами на аукционе... — тоже не оставшись равнодушным к их поцелую, хрипло выдохнул Олег.

Не позволил ей отклониться, устроил голову Маши на своем плече. И его голос, однозначно, не звучал довольно.

— Она не моя, — вздохнула Маша. Она его понимала, сама все ещё злилась на Яну, — мы с Аленой были категорически против.

— Стоит уволить тогда ведущую, — то ли заметил, то ли распорядился Олег, легонько натирая ее шею и щеки пальцами. Почти невыносимо приятно — век бы так на его плече лежала!

Маша хмыкнула.

— Она такой же волонтер, как и все мы, любимый. Вряд ли это возможно. Хотя высказать ей все, что я думаю, мне это не мешает, — даже сама Маша понимала, что в ее голосе звучит раздражение.

Но Олег не только не думал ее этим упрекать, а еще и кивнул с явной поддержкой. Протянул руку, вновь переплетя их пальцы. Маша глянула на его руку. И, кстати, вспомнила о многом...

Однако начала не с самого интересующего ее вопроса:

— Дай мне телефон, пожалуйста, я сумку свою там оставила. Напишу, чтоб Алена взяла, — попросила, заодно обернувшись, проверяя, что ее машину, как и обычно, забрали охранники.

— Можем кого-то из ребят послать, вернутся, заберут, — Олег без возражения достал телефон и протянул ей.

Маша по памяти ввела телефон и начала набирать сообщение. Кивнула, соглашаясь.

— Я не против. Там же вся работа, — улыбнулась. — И попроси, чтобы Дима у какого-то торгового центра остановился. Или возле хозтоваров, — прикинув, что ещё не очень поздно, попросила Маша.

— Зачем? — Олег удивился, но легко постучал по перегородке, привлекая внимание водителя.

Но Маша только улыбнулась, вроде как говоря, что чересчур занята.

— Предварительные слушания уже начались? — когда он передал просьбу Дмитрию и вновь откинулся на сиденье не отрываясь от своего занятия, поинтересовалась Маша. Хотя на самом деле, искоса поглядывала на любимого.

Олег, казалось, не сразу понял, о чем она.

— Нет пока, только обсуждения, — зато как только сложил в голове два плюс два — сразу словно «схлопнулся».

Ну как раньше прям! Ясно дав понять, что ее это не должно касаться. Только Маша тоже умела выводы делать, тем более после таких оговорок Петра! Очевидным становилось, что и усталость Олега, и злость Петра — имеют один корень сегодня. И она сейчас отступить не собиралась.

— Это ты на них нить потерял? — вот не могла поверить, что он не заметил ничего. Не тот человек Горбатенко, каждую мелочь отследит.

— Душа моя, — тон Олега был чуть веселым и ироничным, по — доброму, даже мягким. А вот взгляд серьезным и внимательным. Предостерегающим. — Это настолько существенно?

— Да. Для меня — очень, — Маша хотела бы добавить, что для нее не менее важно знать и то, что проходило на обсуждении. Но казалось сомнительным, что Олег сейчас расскажет подробности.

Оба замолчали.

«Сумку уже забрала. У тебя все нормально?», — пришел ответ от Алены, встревожив тишину салона.

«Все прекрасно», — ответила Маша, пока Олег хрустнул позвонками, словно шею разминал. Но даже это прозвучало так, что выдавало его недовольство.

«Это он?!» — тут же отозвалась подруга.

Похоже, Маше и ее удалось удивить. Но вместо однозначного ответа она отправила ей улыбающийся смайлик, и только.

В этот момент машина начала останавливаться у крупного торгового центра.

— Алена взяла мою сумку, можно забирать, — поделилась с Олегом результатом своей переписки.

Он кивнул, задумчиво глядя то на нее, то в окно.

— Зачем тебе сюда? — поинтересовался, махнув головой в сторону торгового центра.

— Нить, которую я купила, осталась в сумке, сейчас новый моток возьму и завяжу тебе, — и не собиралась скрывать Маша, пусть обоим было ясно — хотела бы иное обсудить.

— Машенька... — в глазах Олега можно было рассмотреть вину, он понимал, что ее задевает его нежелание делиться подробностями. Однако и уверенности в собственной правоте там было с избытком. — Это подождет, — так и не закончив то, что мог бы сказать, только и заметил Олег.

— Нет. Нить рвется, забирая на себя все злое, что ее владельцу желают. Не хочу, чтобы при такой ситуации ты даже минимум времени ходил без нее. Для меня это все еще важно. Даже больше сейчас, — наклонившись, она на мгновение прижалась к его сжатым губам.

Олег поймал ее губы своими. Удержал на секунду, обхватил за талию обеими руками.

— Ладно, пошли вместе, — не позволив ей выйти одной, вздохнул он, удержав ее на месте, пока Дмитрий не открыл для них дверь.

— Мы себя выдали? — тихо спросила Маша, когда он, велев Диме отправить кого-то за вещами, не отпуская ее руку, пошел к магазину.

— Это случилось бы рано или поздно, душа моя, — отмахнулся он, словно бы сейчас не о том думал. — Раз уж ты ни в какую уезжать не хочешь, — глянул на нее с усмешкой. — И тут уже лучше сразу расставлять четкие акценты, что я порву любого за тебя. Даже рядом стоять не позволю, — приподняв ее руку, которую все это время держал, он поцеловал пальцы Маши. — Хотя сегодня мы еще как-то проскользнули между каплями. Рано ещё говорить. Время покажет, что и кто понял и на чем мне еще ударение придется ставить. Не думай сейчас об этом, Машенька, — вроде бы без особой тревоги отмахнулся Олег.

Она больше не спрашивала. Да и не о том сейчас думала, а о том, как бы ей об этом судебном разбирательстве больше выяснить.

Нить нашлась быстро, в одном из небольших отделов, где было все для вязания. Купив моток, они быстро вернулись в авто — оба устали, да и проголодались уже. Торопились домой. И как только Дмитрий завел двигатель, Олег позволил Маше повязать новый амулет. И даже ей такой повязал под чутким руководством самой Марии, пусть и с ироничными комментариями... Но поцеловал ее запястье перед тем, как первый узел завязать, заставив Машу вновь ощутить жар.

Всеми силами, очевидно, пытался отвлечь ее от прошлой острой темы. Хотя ни один из них не забыл об этом вопросе. И это ощущалось в какой-то внутренней напряженности, не появлявшейся между ними в последние дни.

Глава 17

В животе было холодно.

Непривычно.

Маша уже забыла, когда вот так нервничала бы — словно на первом своем судебном заседании. И, кажется, не особо обоснованно же... Имела право находиться здесь. А внутри все равно как-то тревожно и беспокойно. По многим причинам. Однако именно в этот момент, отчего-то, более всего она испытывала какую-то нервозность, чуть приправленную сомнениями и виной.

Олег до сих пор не желал обсуждать с ней подробности судебного разбирательства. Не отвечал на вопросы Маши, даже какой-то общей информации не сообщал. Он твердо заявил, что ее это не должно касаться и планомерно внедрял в жизнь принятое решение. Мнение самой Марии по данному вопросу его также интересовало мало. С одной стороны — она понимала, что движет любимым, а оттого сложно было спорить. С другой — даже задевало. Ведь Маша действительно могла дать объективную оценку делу и, быть может, даже что-то толковое посоветовать. Особенно в том, что касалось тактики ее братьев.

Но Олег и шанса такого ей не давал. За прошедшие после того аукциона пять дней он ни разу не оставил ей возможности вступить в обсуждение. Разумеется, любую иную тему Олег поддерживал и развивал с ней весьма охотно. Конечно, учитывая его жизненный путь и занимаемую ныне должность, можно было понять характер этого мужчины и его безапелляционную категоричность. А все равно задевало и нервировало.

Наверное, она сама недостаточно мягкая и покорная, чтобы просто смириться хоть с каким-то

запретом, если считала задетыми свои интересы. А Олег был таким «интересом» — целиком и полностью ее!

Хотя нельзя сказать, что оба имели так уж много времени для долгих разговоров, да и не особо хотелось задерживаться на том вопросе, который вызывал напряжение у обоих, — слишком много времени они и без этого были порознь. Сейчас казалось кощунственным тратить хоть минуту на какие-то обиды и споры. Вот и не спорили...

И тем не менее, Мария считала, что может помочь любимому. А его излишняя осторожность и забота о ней — может навредить самому Олегу. Потому сейчас и стояла здесь — в коридоре здания суда, где, как ей сообщили, и проходят эти предварительные заседания.

Сказал Маше об этом не Олег. И даже не Дмитрий, которого она тоже пыталась осторожно расспросить. Начальник охраны корректно напомнил, что у него есть распоряжение босса даже не думать никуда ее втягивать. И Мария Ивановна не может его не понять...

Она понимала. Хоть мысленно и закатила глаза.

А вот они явно упускали из виду количество ее связей среди юристов, судей и прокуроров в их городе. А главное, среди вспомогательного персонала: секретарей, помощников, ассистентов. Она эти знакомства завязывала ещё в бытность работы адвокатом. И не прекращала поддерживать после: то с праздником поздравит, то просто остановится поговорить о мелочах в коридоре, ответит на вопрос, даст совет, какую-то милую безделушку подарит по случаю... Нотариусу такие связи также не лишние. И с ней всегда охотно шли на контакт, отвечая таким же отношением. А это позволяло узнавать куда больше, чем даже прямые действия.

Олег молчал? Сложно.

Но не непреодолимо.

Были еще люди, которые вносили дело в реестр, вели документацию и отчетность, помогали судье и т. п. Тем более, коль там каким-то боком была замешана и ее семья... Маша делала вид, что имеет полное право интересоваться нюансами, — Коваленко же всегда держались единым фронтом на людях. А ей и не думали отказывать. Тем более после нового назначения Петра...

Хотя все эти пять дней Маша упрямо игнорировала звонки и любые попытки старшего брата связаться с ней. И только отписалась в ответ на обеспокоенное сообщение Коли, что у нее все нормально. Тем не менее, это не помешало ей позвонить десятку других людей и по крупице узнать основное.

И вот сейчас Маша стояла перед дверью небольшого зала для судебных заседаний, где проходило разбирательство. Разумеется, ее уже засекли: приставленные охранники наверняка сдали направление, едва сами поняли, куда с ней же едут, да и Дмитрий встретил Машу на этаже и сейчас стоял за спиной. А вот сообщил ли как-то Олегу — она не спрашивала. Кивнула только, когда начальник охраны встал у нее на пути:

— Мария Ивановна, — почти умоляюще поздоровался с ней Дмитрий.

Но она только улыбнулась. И, уверенно обойдя Диму, подошла к двери. А здесь на две секунды остановилась.

Вдох-выдох. Все, полностью взяла себя в руки.

И, аккуратно надавив на ручку, вошла, кивком и здороваясь, и извинившись перед судьей, которого разыскала взглядом в первую очередь... Хороший судья, кстати. Замечательный даже. Как это Петр прошляпил? Или не сумел в этот раз на электронную систему распределения повлиять?

Все присутствующие замолчали, глядя на нее. Но она чувствовала только один взгляд. Физически. Однако пока не смотрела прямо на Олега.

— Мария Ивановна, — ответил на приветствие Михаил Константинович. — Удивлен. У вас какой-то вопрос? У меня сейчас рассмотрение дела...

— Я знаю, Михаил Константинович. Разрешите присутствовать в качестве консультанта?

Если судья и удивился, то внешне этого не показал.

— Да, конечно, Мария Ивановна. Это не согласовано и не по процедуре, конечно. Но вам отказать не вижу повода. Вы со стороны, подавшей иск? Меня не предупреждали просто, — он посмотрел в какие-то бумаги, лежащие перед ним, собираясь сделать пометки карандашом.

Очевидно, помнил, что когда-то она адвокатом Шаховца выступала. Тот, кстати, тоже находился здесь. И также смотрел в ее сторону. С каким выражением — Маша не знала, все еще глядя только на судью.

— Нет, Михаил Константинович, я со стороны ответчика, — улыбнувшись, уверенно заявила она, подозревая, что Дима за ее спиной подает какие-то сигналы Горбатенко.

Судья несколько удивился. Но вновь кивнул.

И она спокойно прошла к свободному стулу около адвоката со стороны Олега за столом.

— Мария Ивановна... — Олег ей пытался дать то ли последний шанс одуматься и уйти, то ли показать, что он в ярости.

Голос ровный. Но напряжен, она это хорошо улавливала. Однако сделала вид, что вообще не понимает его намеков. И глаза в глаза позволила себе глянуть лишь на миг, чтобы не растерять сосредоточенность и концентрацию.

Своевольничала, да. Хоть сердце в груди и дрогнуло от безумной смеси бешенства и страха за нее, пылающих во взгляде любимого. Но и она имела право волноваться за него!

— Олег Игоревич, — кивнула так же, как и судье пару минут назад, и отвела глаза, спокойно усевшись.

Вроде как здороваясь, словно бы ее присутствие было с ним полностью согласовано.

Все остальные продолжали смотреть на нее. С разными выражениями лиц. Мартин, знакомый ей адвокат Олега, которого сама Маша когда-то посоветовала, явно не был против, хоть и удивился ее присутствию. Шаховец... ей не хотелось смотреть в ту сторону, и она предпочла изучить его представителей, к подбору которых, очевидно, имели прямое отношение ее братья. Хоть и продолжала ощущать на себе внимательный рассматривающий взгляд самого Шаховца — он точно не забыл их прошлого «сотрудничества», да и ноты, на которой то было разорвано. А также своих, да и ее угроз. А ещё он наверняка пытался понять мотивы, заставившие ее выступить на стороне Горбатенко.

Собственно, ее сегодняшний поступок, однозначно, был даже более обличающим, чем тот памятный аукцион и их совместный уход-исчезновение с вечера. И если тогда, по собранной ими информации, все же мало кто допустил, что между Марией Коваленко и Олегом Горбатенко может быть хоть что-то... То после сегодняшнего дня об этом станет весь город говорить. Без вариантов. В их среде информация, даже в виде пересказов и слухов, распространяется молниеносно.

Она знала, на что шла.

Адвокат Шаховца, да и он сам, никак не оспорили ее появления. Да и с чего? Выступать в роли защитника Маша уже никакого права не имела, так что стратегию их поведения не поменяет, на сегодня, во всяком случае. Хоть и мотивы такой рокировки были им неясны.

Наверняка их повеселило бы, догадайся они, что и Олег был не осведомлен по этим вопросам. А вот Мария хотела разобраться в той игре, которую ее брат затеял. И вытащить Олега с минимальными потерями. Потому что до сих пор помнила то, что он ей сказал после подписания бумаг по фирме Овчаренко. И его признание, что ему себя сдать проще, со всеми своими интересами, чем ее как-то подставить. Она подобного ему позволить не собиралась.

— Продолжим, — прервал судья затянувшуюся паузу, явно имея меньше всех остальных претензий к ее присутствию здесь.

Обсуждения продлились еще сорок минут. Мария не вмешивалась и вопросов не задавала: глупо выдавать свою полную неосведомленность. Кто позовет консультанта, не просветив по деталям? Она молча делала записи и пометки для себя, чтобы уже после все нюансы выяснить. И внимательно наблюдала за происходящим: за реакцией Шаховца, за тем, как судья воспринимает доводы, аргументы и возражения. За поведением Олега и его отношением ко всему, что звучало или происходило в комнате.

Через двадцать минут после ее появления в зале, на телефон Маши, выставленный на беззвучный режим, пришло сообщение от Петра. Она и не думала то открывать, пугало уже само обращение «Мария!..», которое было видно в уведомлении. Наверняка сам Шаховец или его адвокат доложили. Они что-то набирали на своих смартфонах. И за ней следили время от времени. Но она демонстративно не уделила этому сообщению должного внимания. Олег тоже заметил. Но и на его вопрошающий взгляд Мария только сдержанно махнула головой, словно бы убеждая, что ничего важного.

А еще через десять минут, одно за другим пришли два сообщения от Коли:

«Я под дверью»

«Надо поговорить, как только заседание закончится»

Николай знал ее лучше. Потому и написал так, делая ставку на то, что Маша увидит на экране информацию в «предпоказе», даже не открывая мессенджер. Она увидела. И к сведению приняла. Не сказать, что испугалась, — там же еще и Дмитрий находился, не считая остальных охранников. Да и сомневалась, что именно Коля что-то ей устроит, кроме разговора.

У нее к нему, кстати, тоже вопросы имелись и темы для разговора. Например, о вечере с Аленой, который подруга отказывалась обсуждать или как-то комментировать — что в сообщениях, что по телефону. Имелось подозрение, что и при личной встрече Алена разговорчивей не станет. А Мария уже даже нервничать начала. Сама она с подругой

поделилась всем ещё на второй день после аукциона, с разрешения Олега, разумеется. Знала, что может на молчание и поддержку рассчитывать. А вот Алена отмалчивалась. И Машу это волновало...

Так что будет чем брата выбить из колеи, не позволив им давить на нее, а там — разберется. Да и Олег ее в обиду не даст, даже если сам в высшей степени недоволен поступком Марии. В этом она не имела ни капли сомнения. Тем более что и его она имела чем удивить...

Как только судья закончил на сегодня обсуждение, Маша поднялась. Собственно, как и остальные. Быстро подхватила со стола свои записи и, бросив короткий взгляд на Олега, поспешила к двери. Она не пыталась убежать от любимого. И в мыслях не было. Это ему взглядом и показала.

Да и понимала, что никто ей ничего подобного сейчас не позволит. Однако хотела поговорить хоть пару минут с Колей один на один.

Олег понял маневр, судя по всему. Потому с видимым спокойствием остался что-то обсуждать с Михаилом Константиновичем, хоть его ответный взгляд еще и сулил Маше серьезный разговор.

— Маша! — брат замер в углу, недалеко от дверей в зал.

Коля был сдержан в тоне, но вот смотрел очень сосредоточенно. И внимательно, подмечая детали.

Особенно то, как Дима встал около Маши, стоило ей выйти из дверей зала, даже чуть прикрывая. И охранник всем видом демонстрировал, что не позволит Николаю вплотную приблизиться.

— Все нормально, Дима, — ровным голосом успокоила охранника Мария, все же глянув с благодарностью. — Мы с братом просто поговорим.

— Как знаете, Мария Ивановна, — не спорил Дмитрий. — Но у меня есть распоряжение: если кто-то из них около вас — дальше двух шагов я не отойду.

Она только с улыбкой кивнула, имея стопроцентную уверенность в том, кто ему такое распоряжение дал.

Коля же выразительно вздернул бровь, всей своей мимикой дав понять, что весьма удивлен и заинтересован происходящим. И уже даже открыл рот, чтобы что-то ей сказать. Но Маша помнила о своей тактике:

— Ты куда это Алену водил на ужин так, что она даже вспоминать о том вечере не желает, а? Неужели серьезно — в «Макдональдс»? — с претензией глянула прямо на него. — Ты мне что с подругой сделал, Николай?!

Коля опешил. Он точно не такого начала разговора ожидал. А Маша уловила в его взгляде какой-то растерянный и даже болезненный оттенок. И хоть через пару секунд он взял себя в руки, явно разгадав тактику сестры, ей теперь было о чем подумать.

— А куда тебя отвез тем вечером Горбатенко, Машунь? — почему-то глянув ей за спину, тихо поинтересовался Николай. Но вроде без какого-то наезда.

Она слабо улыбнулась:

— Домой.

— К тебе или к нему... домой? — явно уже выстроив свою теорию, уточнил брат.

Но Маша больше и не планировала скрывать. Не выйдет теперь никак.

— К нам домой, Коля, — уверенно и спокойно ответила, следя за тем, чтобы спина оставалась ровной.

— Бл..ин! Я так хотел надеяться, что ошибся! — в сердцах передернул плечами брат. Взъерошил волосы. Глянул на нее исподлобья. — Петя же тоже сумеет два плюс два сложить, Машунь, если ещё не догадался. Проблем не выгребешь. Он точно доволен не будет...

Будто бы она стояла здесь, если бы опасалась подобной реакции Пети!

— Это угроза, Коля? — пытливо посмотрела на брата.

— Нет, Машунь, — Коля с невеселой усмешкой дернул головой. — Предупреждение. Сама знаешь, какой у него характер. Да и отношение к...

— Хорошо, что вам даже в голову не пришло Маше угрожать, Николай Иванович, — голос Олега прозвучал тяжело, хлестко и холодно, пусть и негромко. — Добрый день.

А горячая ладонь тяжело легла ей на талию. Четко и ясно дав понять всем вокруг, что она — его. Ну, и самой Маше намекая, что ее выходка все еще им не забыта и опущена не будет. Но Маша не испугалась, наоборот, подалась чуть назад, сильнее прижимаясь к боку Олега. Впитывая его тепло. Продолжая при этом смотреть в глаза брату.

— Добрый, Олег Игоревич, — так же ровно кивнул Николай, похоже, не удивленный ни появлением Горбатенко, ни его заявлением.

Ясно было, что он все заметил, однако предпочел не комментировать.

— А ты, Коля? — задала Маша тот вопрос, который интересовал ее последние дни весьма сильно. — От тебя мне тоже ждать только худшего?

Прямо и откровенно. Прекрасно ощущая, что и Олег смотрит на Николая с пристальным вниманием.

Николай их взгляды выдержал и своих глаз не отвел.

— Я твой брат, Маша. И это основное. Я тебе гадости делать не буду.

— Петр вряд ли поддержит подобную позицию, — корректно заметила Маша.

Мягко опустила свои вечно ледяные пальцы на руку Олега, так и лежащую на ее талии. Нежно пожалала, чувствуя, как усилился почему-то захват руки любимого. Олег ухватил ее пальцы, уже не отпуская.

— У меня с Петей есть свои разборки и конфликты, Машунь. Я давно уже не разделяю его подход ко многим вещам, — подмигнул вдруг Коля, явно не пропустив их безмолвного общения. И даже показалось, что расслабился как-то. — И в угоду ему я точно не собираюсь с

тобой в конфликт ввязываться.

— Тогда что ты делаешь здесь сейчас? — уточнила Маша, все ещё не до конца веря. Хоть и очень хотелось.

— У меня заседание этажом выше было, Маш. Помнишь, я тебе рассказывал на том вечере? — усмехнулся Коля шире. — Так что, когда Петя начал рвать и метать в переписке, решил тебя первым перехватить и подстраховать. Но вижу, что у тебя есть кому прикрыть даже от Пети, — он подмигнул Маше. — Однако ты всегда и на меня рассчитывать можешь, сестричка, — подчеркнул он свое обещание.

А Маша наконец широко ему улыбнулась. Да и про то дело помнила, действительно, Коля ей рассказывал.

— Спасибо, Коля, — шагнула вперед, чтобы коротко обнять брата. Олег позволил, пусть она и чувствовала, что он все ещё настроен не особо доверчиво.

— Да ну, придумаешь тоже, Маш. Я тебе уже говорил — помогу всегда, только ты ж меня в курс дела вводи, когда помогать-то, — так же крепко, но коротко обнял он в ответ. — Олег Игоревич, — отпустив Машу, Николай глянул за ее плечо.

Помолчал какое-то мгновение, пока Маша вновь отступила назад. Словно что-то в уме взвешивал и решал.

— Может, встретимся завтра, поговорим? Думаю, у нас найдутся интересные темы для обсуждения, — уже без всякого веселья предложил Николай.

Олег тоже медлил лишь пару мгновений. Отрывисто кивнул, вновь притянув Машу к своему боку крепким объятием.

— Хорошо. В час дня, устроит, Николай Иванович? — на секунду прикрыв глаза, словно вспоминал расписание, уточнил.

— Да, — не спорил Николай. — А сейчас я пойду, пожалуй. У меня сегодня еще две встречи с клиентами. Маша, — улыбнулся ей.

— Коля, так что с Аленой? — напомнила она.

На что брат только коротко рассмеялся. Но как-то не очень весело, на ее взгляд.

— Маш, не съем я твою подругу. Не переживай так. Даже не надкушу. Взрослые все давно, разберемся, — и, явно не желая продолжать тему, поднял руку, прощаясь.

Поспешил отойти. Никто его не задерживал. Дима немного расслабился, казалось, и отступил ещё на шаг, предоставив им несколько большее уединение в этом углу.

Маша же вздохнула поглубже, готовясь теперь к другой «атаке».

— Душа моя, что ты здесь делаешь? — Олег чуть надавил рукой, заставил ее повернуться лицом к нему.

Продолжая крепко обнимать за талию. В коридоре, где — оглядываясь сейчас, о чем Маше просто некогда было думать, — ходили десятки людей, прекрасно знающие их обоих... Да уж,

больше им точно таиться смысла не было.

Улыбнулась Олегу, с каким-то трепетом даже скользнув пальцами по его руке под рукавом пиджака. Да, нить проверяла. Но и просто наслаждалась тем, что имеет право на эту ласку, на этот теплый взгляд для нее, пусть и все еще горящий неодобрением ее решения.

— Ты же не думал, что я буду стоять в стороне, когда могу тебе помочь, любимый? — тоже негромко уточнила Маша, с некоторой долей иронии и не пытаясь высвободиться.

Внимательно посмотрела в глаза Олега, в буквальном смысле пылающие дикой смесью противоречивых эмоций. И почему-то подумала, что вряд ли стоит сразу все свои карты раскрывать. Некоторые нюансы вполне можно и позже обсудить. Сейчас эти факты могут сыграть ему на руку, а не ей.

Она вся была напряжена. Неудивительно, учитывая место и всю обстановку. Да и то, что он не в восторге от ее поступка, — не могла не понимать. Хотя это еще как посмотреть. Одна часть Олега — глупая и все ещё не подохнувшая, как выяснилось, максималистско-порывистая часть, — ликовала. Потому что вопреки всему: здравому смыслу, семейным связям и даже его собственному недовольству, Маша четко и внятно показала всем — с кем она и за кого. И внутри Олега сейчас бушевал такой вихрь из какофонии восторга, любви к этой невероятной женщине... а еще, к сожалению, гребаного здравого смысла, реализма и дикого страха за нее же! Потому что Олег чертовски хорошо представлял себе, что теперь может начаться и в каких масштабах. А вот куда вывернет — предсказать было непросто. Но он знал со стопроцентной точностью, что никому и ничему не позволит причинить ей и малейший вред! Что, впрочем, не помешает Олегу внятно и четко высказать Маше все, что он думает о ее появлении на этих обсуждениях...

Ту часть, которая про здравый смысл и возмущение, ясное дело. Про его любовь и помешанность на ней Маша и так в курсе. Иначе вот так не улыбалась бы, как сейчас, глядя на него с обожанием, которое и не думала прятать. В коридорах суда, полных народу!.. Они оба сошли с ума, не иначе. Но теперь уже придется на этом стратегию строить.

Он против воли нахмурился, вспомнив, как на нее поглядывал Шаховец, когда Маша появилась... Олег изучил все, что сумели нарыть его люди по прошлому делу, когда Маша ещё работала адвокатом. Да и сама она ему достаточно рассказала, чтобы верные выводы сделать. Так что знал много и хорошо представлял ситуацию. И все же, он в тот момент был чертовски близок к тому, чтобы в ближайшее время оказаться в суде уже по обвинению в нанесении тяжких телесных повреждений, как минимум. Потому что не собирался никому, ни единой твари позволять смотреть на его женщину так! И не важно, что сама Маша не заметила ни этого взгляда, ни той угрозы, которую Шаховец явно начал демонстрировать. Слишком старательно старалась на Олега не смотреть, видимо.

Воспоминание о том, как ровно она держала спину, расправляя плечи, и смотрела поверх всех, явно понимая, что он не будет хвалить за подобное решение, сейчас заставило Олега все же улыбнуться. Это было его тактическим поражением, да. Но в данный момент ему оказалось плевать.

— У тебя сегодня еще есть работа или отвезти тебя домой? — притянув ее к себе ещё ближе, Олег проигнорировал так и повисший в воздухе вопрос. Ясно дав понять, что как раз там, дома, и выскажет ей все, что думает.

О чем думал он, спросила... Он думал о том, как ее защитить любым методом! И да, менее

всего желал бы, чтобы Маша становилась сосредоточием злобы и ярости слишком опасных людей, с которыми уже и так конфликтовала. Даже для того, чтобы ему поддержку оказать.

— Нет, на вечер никто не записывался, — пытливо вглядываясь в его лицо, улыбнулась Мария. — А у тебя еще много работы?

Она все еще не расслабилась, между прочим. Он улавливал это, ещё и потому притягивая все ближе. Старался дать поддержку. И заодно понять: что заставляет Машу на взводе быть? Как ни крути, а на данный момент можно выдохнуть. Если, конечно, Петр сейчас из-за какого-то поворота не выпрыгнет. Но Олег в этом сильно сомневался.

— Вагон и тележка, — хмыкнул Олег, глянул на Дмитрия, молча показав, что они уходят, и увлек Машу в сторону лифта. К ним подтянулись еще два охранника. — Все равно все не успею. Но пару моментов еще надо решить. Не задержусь.

— Ты теперь редко задерживаешься в офисе, — улыбнулась Мария, пока они все ожидали пустой лифт.

— Ты же меня дома ждешь, зачем мне там сидеть? — хмыкнул Олег, позволив ей полностью опереться на него, стоило дверям закрыться с легким звоном.

Маша опустила голову ему на плечо, прижавшись щекой к его шее. Она все еще была скованна сверх меры. И это напрягало его. Несоответствие. Маша не относилась к тем, кто без причины нервничал или изводил себя... Не теперь, во всяком случае. Так почему она до сих пор настолько насторожена? Олег искренне сомневался, что она его так опасалась. Ага, тогда бы точно не заявила на заседание. Но при охране развивать тему не хотелось.

— Что тебе Петр написал? — допуская, что причина в этом, поинтересовался он, помогая ей сесть в авто.

— Еще не читала, — рассмеялась Маша, передернув плечами. — Не хочу себе настроение портить.

То есть сейчас — это у нее хорошее настроение?

Олег промолчал, обхватил ее лицо ладонью, внимательно и даже пристально всматриваясь в черты Маши. Не позволил отвернуться к окну. Она это заметила.

Вроде бы и правда нормально все. Но нечто все же подспудно грызло, заставляя присматриваться. Маша же только улыбнулась и, легко повернув лицо, коснулась губами его пальцев, которыми Олег продолжал держать ее щеки. И вот как ему вычитывать ее?! Видно же, что не повлияет.

Вздохнув, притянул к себе и крепко обнял, заставив уткнуться ему в плечо. Впрочем, Маша и не пыталась высвободиться.

Глава 18

Петя позвонил, когда они и до дома доехать не успели. Маша сбросила. Было очевидно, что брат ничего приятного ей сказать не собирается, а она не хотела, чтобы любимый слышал их разговор. Потом, когда одна останется, перезвонит, послушает Петра.

Олег заметил этот маневр, и даже понял смысл, наверное, но промолчал. Хотя продолжал все

так же внимательно изучать ее. Тишину в салоне нарушал только тихий гул работы хорошего двигателя, да приглушенное шуршание шин по асфальту.

— Ненаглядный мой, я уже нервничаю, что меня дома ждет, так ты на меня смотришь, — тихо поддела его Маша с шутливой иронией, зная, что легко щекочет шею своим дыханием.

Олег сжал губы, отвел глаза... И не выдержал, улыбнулся.

— Ты себе представить не можешь, что я испытал, увидев тебя в дверях этого дьявольского зала, — одарив ее ещё одним корящим взглядом, ответил так же негромко, как и Мария.

Телефон в кармане вновь начал вибрировать, но она не отреагировала.

— Радость? — не собираясь позволить ему усложнить ситуацию, предположила Маша, легко коснувшись губами шеи Олега. Сделала вдох, наслаждаясь ароматом его одеколона.

Хорошо. Здесь, в тихом салоне автомобиля, рядом с ним, ей было настолько комфортно и уютно, что не хотелось ничего более. Наслаждалась рядом с ним каждую секунду.

Олег ее провокационный ответ оставил без комментария, только хмыкнул с явным сарказмом. Но промолчал, хоть и сам коснулся теплыми губами ее виска. Авто остановилось перед воротами во двор, и он явно не собирался поддаваться, начав что-то говорить здесь. Хорошо, она и сама может.

— Я заметила пару моментов по их доводам, который хочу обсудить с Мартином. Там есть за что уцепиться, да и аргументация слабая, если откровенно. Они явно рассчитывают больше на поддержку Пети и что смогут продать. Были прецеденты. Но с этим судьей таких шансов гораздо меньше, — приняв предложенную Олегом руку, она вышла из авто. — Понять не могу, как это Петр прошляпил момент с распределением дела? — поделилась своим удивлением.

— Не только твой брат имеет влияние и рычаги в этом вопросе, Машенька, — хмыкнув, Олег легко поцеловал ее пальцы. И так глянул, с такой иронией, что уже ни о чем спрашивать было не нужно.

— Ясно, — улыбнулась она. С удовольствием вошла в теплый холл, позволив Олегу забрать ее пальто.

Взяла телефон, на экране которого мигало очередное уведомление от Пети. Скинула полусапожки и обернулась, наблюдая за любимым. Сам Олег раздеваться не торопился. Очевидно, планировал «быстренько» сделать ей внушение и ехать дальше по своим делам. Вздохнула и уверенно расправила спину.

— Олег, я буду тебе помогать. Даже не думай, что позволю тебе изолировать меня, — решительно пошла в атаку первой. — Ты же знаешь, помнишь, что уже пытался отстранить меня от своих дел, да и прекратить общение... Но ведь не помогло, любимый, — подмигнула Маша, слегка оперевшись на комод, который стоял здесь. Как ни крути, а все это напряжение сказывалось. — Тем более сейчас, когда мы вдвоем...

— Это все я уже слышал, душа моя, — не похоже, чтобы его впечатлил ее напор и решительность. — Но это ничего не меняет, — Олег говорил спокойно и уверенно. И смотрел очень серьезно. — Ты в это дело ввязываться не будешь, — как отрезал.

Словно намекая, что ей остается только смириться. И все ее аргументы для него не существенны в этот момент. Но Маша тоже не собиралась отступать.

— Это просто глупо! Я знаю Петю и то, как он действует. Я знаю Шаховца и его излюбленную тактику, Олег...

— Вот об этом лучше просто молчи! — резко оборвал ее Олег. Шумно выдохнул, прикрыв глаза, словно старался себя в руки взять.

И, наплевав на то, что так и не разделся толком, подошел в туфлях, как был. Сжал руками ее плечи. Притянул к себе, притиснув буквально.

— Я тебе говорил уже, Машенька, и повторю: ты рядом с ним даже близко больше не будешь. Твой брат — сволочь, уж прости за честность, но Шаховец... — Олег стиснул зубы и глянул на нее так, словно слишком уж жесткую грубость себе не позволял сказать. — И даже если твои знания помогут мне вот прямо завтра выиграть дело — это ничего не меняет, ясно? — он чуть сильнее сжал пальцы, словно пытаясь донести это до Маши. — Я лучше их измором возьму, заставив таскаться годами по судам, чем тебя этим мерзостям подставлю...

— Олег! Но с этим я не согласна! И не соглашусь никогда! — возмутилась Маша. Однако он не дал ей продолжить.

— Чего ты боишься? — обхватив ладонью ее подбородок, вдруг спросил Олег, заставив Машу посмотреть ему прямо в глаза.

И так смотрел — напряженно и сосредоточенно, будто в мозг ей пробраться пытался. Сам догадаться. На секунду в холле повисла полная тишина, которую только едва слышные звуки передвижения охраны снаружи пытались рассеять. Да и то без особого успеха.

— Ничего, любимый. Не рядом с тобой, — против воли улыбнулась. И не соврала ни слова.

Так и было. Не боялась с ним. Разве что за него...

Но Олега ее ответ не успокоил. Он продолжал сосредоточенно и внимательно всматриваться в ее лицо, словно малейшие взмахи ресниц улавливал, впитывал, анализировал.

Сжал челюсти, она это по напряжению мышц на его щеках поняла. Прищурил глаза.

— Почему ты так напряжена? — резко и требовательно, даже с какой-то жесткостью спросил он. Не слышала давно от него этого тона. Большой начальник, да. Не забыла. — Ты же не можешь реально меня опасаться... — нахмурился, говоря куда тише, словно сам с собой разговаривал. Пытался обдумать все варианты и понять что-то для себя.

Само это предположение заставило ее тихо рассмеяться. И не пытаясь высвободить свое лицо, Маша подалась вперед, крепко обняв любимого.

— Я вас ни одной минуты нашего знакомства не боялась, Олег Игоревич, — поддела его с этим весельем в тоне. — Даже когда мне Петр рассказывал сказки про «страшного и ужасного Горбатенко»... Глаза от тебя всегда отвести не могла, — выдохнула, коснувшись губами его пальцев, согревающих ее лицо.

Но Олег не расслабился.

— Это не сказки, душа моя. Вот с чем-чем, а с воображением у твоего брата туго, не выдумал бы, — даже с какой-то тяжестью вздохнул. — Но тебя никогда не коснется. Знаешь же...

— Знаю, любимый, — погладила его лицо своей рукой. Прижала пальцами его губы, мешая дальше говорить.

Но Олег, хоть и поцеловал ее ладонь, а от своего пристального изучения не оторвался. И объятия не ослабил.

— Маша, что с тобой? — повторил снова. — Я же вижу, душа моя, что-то тебе покоя не дает.

Она чуть прикрыла глаза, легко улыбнувшись.

— Все нормально, правда. Все хорошо...

У него начал звонить телефон. Олег не посмотрел на дисплей, но как-то зло чертыхнулся, глянув вместо этого на часы, что висели на соседней стене. Он должен был ехать. Она понимала. И он знал.

Помолчал еще мгновение, продолжая пристально смотреть ей в глаза. И, наконец, словно бы ослабил свой захват. Почти отступил на шаг.

— Мне пора. Никуда из дома не выходи! — это не прозвучало просьбой. Распорядился.

— И не планировала уже... — попыталась успокоить его Маша.

— Тебя никто и не выпустит, — «заверил». Во взгляде Олега светилось все то же напряжение. Вот она его явно не успокоила. — Диму оставляю...

— Нет! — теперь уже Маша и не думала скрывать возмущение. — Я никуда не денусь отсюда, Олег. Займусь бумагами, поем. Позвоню Мартину, обсудим мои наблюдения. сравним с его. Пусть останутся другие охранники. Дмитрия бери с собой! — непонятно еще, кто из них больше командовать пытался.

И она его даже умилила этой попыткой, похоже. Олег хмыкнул, вновь прижал ее к себе крепко. Но из его взгляда никуда не делось то подозрение и недовольство от непонимания ситуации, что клубились всю их дорогу домой.

— Ладно. Поехал, — как-то отрывисто выдохнул Олег. Еще раз коротко жадно прижался к ее губам и все же отошел. — Ты только реально поешь, как мне тут пообещала, а не как обычно...

Не закончив, Олег, тем не менее, с серьезным таким намеком вновь обернулся. И ещё раз осмотрел ее с ног до головы. И это напряжение в глазах любимого — оно ее сломило. Не могла теперь от него ничего таить. Не в состоянии была понимать, что заставляет его нервничать и отвлекаться. Не та ситуация, чтобы у него внимание было рассредоточено.

— Поем, ненаглядный мой. Все хорошо, — не прекратив улыбаться, пообещала Маша.

Олег кивнул, все никак не выходя на улицу. И не то чтобы довольно поджал губы:

— Учти, что я проверю... — уже на пороге хмыкнул Олег.

— Я беременна, — выдохнула она гораздо тише, хотя он уже почти отвернулся.

— И лично накормлю, если... — он замолк на полуслове.

И как-то невероятно медленно обернулся к ней. словно на замедленной съемке, вот честно. Застыл на два удара сердца. И выражение лица Олега... Ей, наверное, никогда в жизни не забыть этой дикой смеси ошеломления, растерянности и даже недоверия. Однозначно, Маша сумела его потрясти и выбить из колеи.

— Машенька?.. — неуверенно переспросил Олег. — Что? — судя по всему, забыв о том, что ему надо куда-то уходить, он решительно двинулся в ее сторону.

Да с таким эмоциональным напором, что она вдруг действительно занервничала.

— Мне казалось, мы этот вариант заранее обговорили и учли. И оба понимали, к чему движемся... — почему-то автоматически прибегнув к профессиональному тону и аргументации, словно на разборе дела, начала было Маша.

Но Олег ее с ходу в такие объятия сгреб и впился в губы с такой... радостью жадной! С бесшабашным ощущением счастья и недоверчивой эйфории. Но и другое что-то стояло за этим всем, очевидным. Маша ощутила, несмотря на сумасшедший восторг, захвативший ее от его поцелуя. У него руки тряслись — она почувствовала.

Только он не давал ей времени и шанса размышлять.

Не успела Маша осознать происходящее, как оказалась уже на том самом комодике, который так удачно сегодня служил ей опорой. А Олег крепко обнимал ее, продолжая с напором, но невыносимо нежно при этом целовать!

— Я тебя из дома больше вообще не выпущу, — тихо пригрозил Олег ей в губы. — И дорогу к суду тому — забудь, душа моя!

Чем заставил ее расхохотаться.

— Знаешь, я именно поэтому сомневалась, а стоит ли тебе говорить сейчас... — сквозь этот смех и потрясающий привкус его восторга в их поцелуе, попыталась выговорить Маша.

Олег хмыкнул, чуть отклонившись. Внимательно осмотрел ее... И, Господи, что это был за взгляд! В нем плескалось столько любви, обожания и жажды! Но и то самое затаенное опасение, которое она улавливала. Олег одним этим взглядом столько всего ей «говорил»! Вроде и признавал, что перегибает, но и ясно давал понять — это ничего не изменит. Он свое слово сказал.

— И почему же сказала все-таки? — уточнил, так и продолжая смотреть ей в глаза.

Одна его ладонь грела ее кожу, щекоча шею, а второй Олег поддерживал Машу под спину, чтобы не так жестко вдавливать в стену.

— Не могу видеть, как ты из-за меня волнуешься, как будто у тебя и без этих попыток мои мысли угадать забот мало, — потянулась, обняв его за плечи. — И так сложно хранить от тебя какие-то секреты, оказывается, — призналась в своем неожиданном открытии. — Раньше вроде все время умалчивали, недоговаривали, не позволяли... А теперь... Не могу! И не хочу! — с каким-то детским восторгом даже закончила Маша.

Тут уже Олег рассмеялся. Вновь поцеловал. Только теперь коротко и бережно.

— Ты уверена? — и снова пытливый взгляд глаза в глаза. — Времени совсем мало прошло...

Она пожала плечами, но радость сама на лицо просочилась.

— Мы очень хотели, наверное, — не удержалась, расплылась в улыбке подрагивающими губами. — Не знаю, Олег. Подозревать начала пару дней назад. У меня задержка. Сегодня сделала тест — он положительный. Конечно, еще к врачу стоит поехать, у меня в этом опыта — ноль...

— Поедем, — кивнул он.

— Ты куда-то торопился, — напомнила Маша, но сама и не думала раскрывать объятия, которыми его удерживала.

Да и он не пытался отстраниться.

— Да? — Олег сделал вид, что не понимает, о чем она. — Вообще не помню... — вновь начал ее горячо целовать.

А Маша захлебывалась и этим его поцелуем, горячими губами, ощущением радости и восторга Олега, его трепетом, своим смехом!

Но реальность все же вмешалась новым звонком его телефона.

- ***! — почти беззвучно ругнулся Олег, но все же отстранился. — Я все-таки должен ехать, душа моя.

— Мгм... — у нее воздуха не хватало на слова. Он все из нее «выпил».

Щеки горячие, горят. Дыхание сбилось. И невероятное счастье — грудь на части! Нараспашку раскрывает, кажется. Сердце тарахтит, а в голове какая-то светлая пустота и тихий звон. И так хорошо... Не передать и не выразить словами! Но Олег и по виду ее все понял, похоже.

Улыбнулся с таким же счастьем, которое она в себе ощущала. Правда, и тени из глаз не ушли, глубже стали.

— Все-таки поехал, Машенька. А ты — помни все, что я сказал. С юмором у меня туго теперь будет, чтоб ты сразу понимала...

— Да ты и раньше веселым нравом не отличался, ненаглядный мой, — с доброй иронией поддела.

Но он не обиделся. Помог ей вновь уверенно встать на ноги. И все-таки ушел после ещё одного алчного поцелуя.

И словно почувствовав это, буквально через минуту, как за Олегом закрылась дверь, замигал вызовом ее телефон. Петр, очевидно, устал ждать, пока сестра ответит на его сообщения, и решил достать-таки Машу.

Как-то мигом утратив всю искристость настроения, она выдохнула и приняла вызов. Собранно и серьезно. Явно не тем тоном, которым обычно с братьями говорят.

— Слушаю.

Глава 19

— Ты что задумала, сволочь мелкая? Против семьи решила пойти?! — Петр цедил слова сквозь зубы. Его ярость, определенно, достигла максимума за то время, пока Маша не отвечала на вызовы. — Да я тебя в порошок сотру, стерва! Слегалась с этим уголовником, да?!

Маша отодвинула телефон от уха, скривившись. Брат перешел на крик и оскорбления. Редко такое случалось. И все же не впервой. Не привык себя с ней сдерживать. Считал, что вправе... А от его слов ее буквально подташнивать стало, одним моментом как-то. И никакого желания внимательно слушать.

Нет, она четко понимала, что своими действиями его разозлит, но все-таки стало противно. Словно он парой слов ее в помоях измарал. Хотя она и не ждала от Пети понимания.

— На твоём месте я бы аккуратней подбирала термины, Петя, — заметила ровным голосом. — Причем все. Ты ведь тоже не святой...

Его и самого «уголовником» считать можно, учитывая все нюансы по покрытию Шаховца и Демченко. Да и только ли этих? А то, что тут ей Олег не соврал — Маша знала. И любимому верила, да и информацию получить не так сложно, если знать, кого и о чем спрашивать.

Включив громкую связь, она отложила телефон на комод и уперлась в него же руками, опустив голову на ладони. В висках появилась тяжесть. Много эмоций. Всяких. А брата, кажется, ее ремарка разъярила ещё больше.

— Аккуратней?! Аккуратней... Мля! Что он — денег отвалил? Или трахает тебя, что ты в суд пошла ради Горбатенко? Ради нас там и появляться не желала...

Стало физически мутить. И она не торопилась списывать это на свое состояние. Петр в гневе всегда был отвратителен.

— Не обобщай. Коля ко мне претензий не имеет. Да и ради меня на многое готов. И я для него тоже. Явно на большее, чем ты, — вновь прервала Маша брата, массируя виски.

Знала, что злит его своими словами и дерзостью еще сильнее. Но сейчас-то он далеко и точно ничего не сделает...

— А ну умолкла, сучка! Смелая и дерзкая стала? — рявкнул Петр по телефону. — Точно же не в деньгах дело, да?! Ты бы так только ради того, кто тебе дорог, сделала... Легла-таки под него?! Под бандита...

— Это ещё вопрос, кто «бандит» и уголовник, Петя. «Оборотень» в мантии... — не удержалась.

А зря, наверное. Брат заревел от ярости. Она почти наяву увидела, как у него на висках вены вздуваются в бешенстве и начинает дергаться левое веко... Мало кто Петра таким видел. Но для семьи в этом секрета не было. Да и приятного ничего.

И далеко вроде, а ей дышать тяжело стало. Старые воспоминания и страхи накрыть пытались. Словно отголоски кошмара утром: и сна уже не помнишь толком, а душу давит.

— Поговори мне тут, сучка! Что ты знаешь? Ни*ера! Против меня пошла?! — Петя явно не

собирался оставлять за ней последнее слово. — Смелая стала? Думаешь, твой уголовник тебя защитит? Недолго ему при власти осталось, запомни это! Я гарантирую! А тебе, Мария, вообще советую...

Что именно Петр собирался ей сказать, Маша так и не узнала.

Именно в этот момент, совершенно неожиданно, она почувствовала тяжелую и теплую ладонь Олега на своем затылке. Его пальцы сжались, легко массируя ей мышцы. Мягко... Хотя она, резко обернувшись и растерявшись от его внезапного появления, четко увидела по глазам, в каком бешенстве любимый. А сама от этой растерянности словно застыла, просто глядя на него.

Ничего не сказав, Олег взял телефон с комода:

— Петр Иванович... — ему достаточно было сказать это, чтобы на том конце связи повисло гробовое молчание. — Это я вам советую забыть этот номер. Навсегда. А если вы еще раз позвоните моей жене и позволите себе говорить в подобном тоне... — Олег сделал многозначительную паузу.

Тихо и ровно. Без nepотpeбствa и матов. Такой контраст... Маше даже немного стыдно стало за брата. Хотя и не ее вина, но... А ведь это Петя всегда над происхождением Олега и тем, откуда тот поднялся, да и как, издевался. Но кто из двоих них больше человек, да и «бандит» тоже, Маша уже хорошо понимала...

Однако Олег продолжал массировать ей затылок. И это снимало напряжение, весь негатив. Маше почему-то вспомнилось, как она не так уж и давно схожим образом ему шею разминала, когда Олег злым с работы приехал. Но сейчас не до того. С вопросом глянула на любимого и улыбнулась.

«Жена?» — беззвучно губами.

И легкая ирония на лице. Неожиданно... Да и Петю только сильнее разозлит.

Олег эту улыбку увидел. В его глазах совсем другое выражение появилось, когда на нее глянул. И ей как-то вдох легче сделать. И тошнота отступила, та гадливость, что от слов Пети накатила.

«Без вариантов», — так же губами ответил он.

Но стоило Олегу отвести взгляд и... Она знала, что он страшный и бескомпромиссный человек. Жесткий, да и жестокий часто. Просто ее это никогда не касалось. А сейчас так явно видно. И ему для этого ни сквернословить, ни оскорблять никого не было нужды.

— Ах ты ж сволочь, ***! — такого голоса у брата она еще не слышала. И такой ярости. — Я тебя уничтожу! И не думай, что сумеешь выиграть дело. Эта сучка, сестра моя...

— Не советую даже упоминать Машу. Тем более в таком тоне, — оборвал угрозу Олег. — Забудьте о ней. И лучше о другом подумайте... Это вы привыкли на свои связи и суды через них рассчитывать, Петр Иванович. Мне другие варианты ближе. Еще раз посмеете оскорбить Марию...

Он не стал продолжать. Но всем стало понятно, что именно повисло недосказанным.

— Ты мне угрожаешь, скотина?! — зашипел Петр.

Маша не могла понять. Ей было неприятно и противно, она вроде бы осознавала, что брат в ярости. Но такая потеря контроля? Откуда? Она не видела причин для этого сейчас. Неужели его аж настолько зацепило ее «предательство»?

— Я озвучиваю факты, известные нам обоим, — не в пример Петру, куда более сдержанно и холодно, хоть и дав ощутить свое бешенство, отрезал Олег. — Всего доброго, судья, — сделал насмешливое ударение на звании Петра, он разорвал связь.

Вновь глянул на Машу. Сжал губы, побелевшие от гнева, в тонкую полоску.

— Я не хочу, чтобы ты с ним общалась, душа моя. И точка! Николай — ещё обдумаю, по результатам завтрашней встречи. Но этот... — Олег скривился, словно и его мутило при одной мысли о Петре. — Никаких контактов, встреч или разговоров! Не хватало еще, чтобы этот мудака на тебя орал или нервировал! — повелительно распорядился он.

И, отложив телефон, притянул Машу к себе, надавив ладонью на затылок. Обнял крепко за пояс. Вот не то чтобы в этот момент ей хотелось спорить касательно его «распоряжения».

— Ты же уехал? — вместо ответа спросила она с улыбкой.

— Документы забыл, в кабинете лежат. Вернулся... Вовремя, мл*! — резко и шумно выдохнул через зубы. — Прости, душа моя, — легко коснулся ее губ в нежном поцелуе. — А тут вон какие разборки, оказывается, — вообще без веселья, зло хмыкнул Олег.

Но продолжал мягко и осторожно поглаживать ее спину.

— Не хотела, чтобы ты слышал, — честно призналась Маша, поглажив его напряженные скулы, легко надавила виски, где от напряжения бугрились мышцы. — Петя, когда сердится, иногда забывает о контроле...

— Мне абсолютно ровно, что он там привык забывать, заигравшись во всевластие! — все так же отрывисто прервал ее Олег. — И тебя это больше не касается тоже. Ясно?

А он про «властность» и не слышал никогда, ага.

Маша улыбнулась, хоть и не спорила. Ей и самой сейчас встречаться со старшим братом не хотелось никак. Да и говорить тоже. Куда приятней было стоять в кругу рук Олега, позволяя теплым пальцам любимого растирать ее плечи, снимая напряжение, согревать собой... Но тут Олег с удивлением, которое явно отразилось на его лице и в глазах, отступил на шаг. Его пальцы уверенно обхватили запястье Маши и он оторвал от своего лица ее руку, поглаживающую его щеки. На что-то внимательно посмотрел. Глянул вниз, им под ноги, с каким-то недоверием.

— А я ведь не верил, душа моя, — вдруг хмыкнул со странной задумчивостью, заставив и Машу опустить взгляд.

И только сейчас она увидела, что на полу под их ногами валяется красная шерстяная нитка. Лопнувшая, очевидно. Перевела глаза на свое запястье, которое Олег пальцами держал — ничего. Не было амулета, что любимый ей сам повязал не так давно.

— Вот видишь, хороший мой. Я же говорила, что твоя любовь меня защитит, — с мягкой

шутливостью поддела его Мария, обняв за пояс.

Хотя на душе стало еще паскудней. Как-то совсем неприятно. Неужели Петр ей натуральным образом зла желает? Ненавидит?..

— Придется новый делать. Хорошо, у нас целый моток теперь имеется, — вроде ни голосом, ни взглядом не выдала своих эмоций.

Но Олег все равно уловил: и опустошенность, и душевную боль от таких догадок и мыслей.

— Пойдем-ка, пообедаем вместе, душа моя, — скинув пальто на пол, он взял уже свой мобильный и что-то быстро набрал, отправив сообщение.

А сам потянул немного растерявшуюся Машу на кухню.

— А твои встречи?

— Подождут. Им больше надо, — отмахнулся Олег, быстро сполоснув руки и уже начав проверять холодильник.

Ее это всегда умиляло, если честно, — то, как он на кухне уверенно себя ощущает. Но в данный момент, наблюдая за любимым, она вспомнила о другом вопросе. Тоже животрепещущем.

— Ты вдруг жениться решил? — достав им тарелки, подняла она интересующую тему.

Олег косо глянул через плечо в ее сторону.

— Почему «вдруг»? — хмыкнул он. — Так как ты все равно не согласишься уехать, это я уже понял, — добавил с некоторой долей сарказма. — Да и я не уверен уже, что выдержу такое, душа моя, — тут же заметил Олег, удивив ее. Перехватил Машу посреди кухни и вновь обнял, заставив посмотреть ему в глаза. — То все будет максимально официально. И это запланировано...

— Ну, меня в курс никто не вводил. И предложения не делал, кстати. Вообще не интересовались, а хочу ли я замуж выходить? — задумчиво протянула она ровным голосом, поглядывая на Олега сквозь ресницы.

И, кажется, ей удалось выбить его из колеи и заставить растеряться.

— Ты моей женой не хочешь становиться? — создавалось ощущение, что ровный тон дается ему титаническими усилиями. Да и Маша всем телом чувствовала, насколько Олег напряжен. А его объятия стали ну очень крепкими...

— А может, я просто «мечтала» пособие матери-одиночки оформить, — все в том же ровном тоне поддела его опять.

— Мать-одиночка? — процедил сквозь зубы.

Было физически ощутимо, что ещё чуть-чуть — и Олег взорвется. Он тяжело и шумно втягивал в себя воздух, глядя на нее так, словно пытался пропалить глазами дырку во лбу у Маши.

И вдруг прищурился, словно о чем-то подумал:

— Ты издеваешься, душа моя? — вкрадчиво поинтересовался Олег.

— Немного, — уговаривая себя не рассмеяться, согласилась Маша, обхватив его шею руками.

— И для чего вы так необдуманно рискуете, Мария Ивановна? — прижав ее сильнее к себе, хмыкнул Олег.

Но его, казалось, отпустило частично. А про обед уже оба забыли.

— Вообще-то, я, может, всю жизнь о другом предложении мечтала. Романтичном, обоснованном. А не таком... вызванным тем, что мне брат угрожает, — заметила Маша спокойно.

Хотя на самом деле ей без разницы было. Но вот что стоит за решением Олега — хотела понять. Чтоб вопросов не осталось. Раньше-то он ни о чем таком не упоминал, пусть и говорит сейчас, что планировал.

— Да при чем здесь твой гр*банный брат?! — фыркнул Олег, даже улыбнувшись. И притянул уже совсем впритык. Прижал свой лоб к ее лбу. — Душа моя, ты же не думала, в самом деле, что сумеешь брака со мной избежать? А если уж так хочешь пособия, — улыбка Олега стала шире, — так я тебе быстро оформлю соцпомощь. Благо рычаги есть...

Тут уже Маша не выдержала, рассмеялась в голос. И словно сбросила с себя горькое послевкусие от звонка брата. И Олег расслабился. Выдохнул, поймав этот ее смех своим ртом, ее губы — своими.

— Ты раньше ни слова про регистрацию не говорил? — с вопросом глянула на него, когда Олег все же дал волю губам.

— Серьезно? Разве это не неизбежный вариант событий? — в тон ей подмигнул он.

— Ты фаталист? — уткнулась носом в его плечо, наслаждаясь теплом тела Олега и покоем, который дарили его сила и непробиваемая уверенность.

— Я реалист и собственник. А этот вопрос мы в самом начале обсудили, Машенька, — еще раз чмокнув ее в нос, Олег опять отошел к холодильнику. — Так ты грандиозности хочешь? Романтики... — уже оттуда уточнил он, глянув в ее сторону через плечо. Поставил разогреваться запеченную семгу, достал салат.

— Нет, без разницы. С тобой быть хочу. Остальное — нюансы, — улыбнулась Маша, тем временем все же сервируя стол.

Вообще, Олег уже предлагал пару раз нанять полноценную домработницу, а не просто приходящих поваров и клининг.

— Раньше мне одному нужды не было, я больше в ресторане ел да в офисе жил. А теперь... Что скажешь, Машенька?

— Не знаю, честно говоря, мне как-то некомфортно от мысли, что еще кто-то будет тут находиться, кроме нас с тобой, — честно делилась своими ощущениями. — Меня и так устраивает вроде, когда я не вижу никого. И все сделано, и охрана прокурировала...

— А раньше говорила, что тебе не по себе от пустоты в доме, — хмыкал Олег. — Остаться не хотела...

— Так мне же тебя тогда здесь не хватало, а не поваров или уборщиц, — неизменно смеялась Мария.

И на этом обсуждение сворачивалось.

Да и вот сейчас, все же усевшись, не могла не признать: ей так комфортней. И понемногу «хлопотать по кухне» с Олегом — невероятно приятно. Не в тягость. Время, конечно, покажет, как оно дальше будет, учитывая беременность. Но пока все устраивало.

Теперь охрана не просто ее сопровождала, а всегда кто-то находился рядом, чего и следовало ожидать, видимо. И не столько из-за новости о будущем ребенке, сколько из-за в принципе возникшей угрозы со стороны Пети. Олег ничего слышать не желал:

— Мне хватило того, что я по телефону услышал, — пресекал любые разговоры.

Что возразить? У нее и не было тут весомых аргументов.

Охранники даже в кабинете сидели, когда она работала. Клиенты начинали нервничать, все как один. Но Мария делала упор на их же безопасность в первую очередь. Пока срабатывало.

А ее саму это одновременно и забавляло, и тоже немного нервировало. Но Маше сложно было что-то сказать Олегу: все понимала, да и сразу знала о том, что для него вопрос безопасности болезненный. И все же кое в чем, на ее взгляд, он перегибал палку. Олег будто стал бояться даже ее обнимать... Нет, не совсем так, наверное. Осторожничал слишком. Словно сам себе наступал на горло каждый раз, когда к ней приближался, Маша-то могла сравнить! И вроде обнимал так же часто, и целовал... ещё больше, возможно. Вот только это все так трепетно, нежно, едва ощутимо! Словно вдруг стал опасаться ее сломать или причинить боль своими прикосновениями и объятиями. И если поначалу Маша просто не придавала этому значения, то к концу второго дня решила четко расставить акценты. А не то Олег такими темпами к девятому месяцу беременности ее тронуть будет бояться, сдувая несуществующие пылинки и защищая от всего на свете, даже от себя! Машу подобный подход точно не устраивал! Хватит, проходили уже этап с его уверенностью, что «лучше знает, от кого и как ее защищать». Три года, считай, мытарилась... Хотя она не могла бы заявить, что он в этом был вовсе не прав. Нет, во многом его тактика оказалась самой разумной и верной. И Маша была достаточно честна, чтобы это признать. Но теперь им точно необходим иной вектор в отношениях, а не вечные перестраховки.

— Хороший мой, я не хрустальная и куда сильнее, чем кажусь со стороны, — в который раз попыталась убедить его, когда Олег вернулся из администрации.

Уставший и явно напряженный. Очевидно, из-за того, что вчера решал какие-то свои дела, о которых Маша была не в курсе, и встречался с Николаем, — сегодня пришлось больше разгребать. Еще утром упоминал об этом, когда оба собирались. Но не жалел, насколько Мария поняла. Олег сказал, что разговор стоил этого. И брат много интересных фактов ему сообщил, приоткрыв нюансы... Конечно, на слово никто не поверил. Горбатенко перепроверял все и всех... Кроме нее, похоже. Хотя ведь сам признавал, что и ее подвергал своим проверкам в самом начале. Ситуация такая и положение — Маша понимала. Но в данный момент даже радовалась, что Коля все проверки прошел и ей таки «дозволили» с ним общаться. Правда, в тонкости, которые с ним обсуждались, ее никто в итоге не посвятил.

«Тебе сейчас меньше всего о таком думать надо», — отрезал Олег в своем репертуаре.

К вопросу о чрезмерной опеке, да.

Но, конечно же, Олег просто игнорировал ее ироничные подначки. Да и Коля, кстати, на все вопросы лишь отписался, что она хороший выбор сделала и явно по жизни мудрее, чем он... К чему это — пояснений Маша не дождалась.

Однако такое поведение брата ее как раз беспокоило не настолько: по сути, братья и так Марию никогда особо в детали своих мыслей и планов не посвящали, ничего нового. Да и не стремилась она к такой степени открытости с Николаем. А вот Олегу ничего подобного точно не собиралась позволять.

Потому сегодня она решила выбрать более радикальный метод «объяснения» всех моментов.

— Я и не думаю, что ты слабая, — хмыкнул Олег в ответ на ее заявление, и все с тем же утомлением провел по лицу ладонью с нажимом, словно в попытке убрать напряжение. Откинулся на спинку дивана.

Вроде «по дороге» на кухню зашли в кабинет, где он хотел какие-то бумаги оставить. Но сейчас Олег явно нуждался в перерыве. И не потому, что физически обессилел. Нет. Но вот морально его сегодня точно достали и выбесили. Она давно научилась подмечать мелочи и моменты, которые его настроение бы ей приоткрывали: напряженные линии на скулах, тени, залегшие в углах глаз, линия рта, становящаяся почти «твердой», то и дело сжимающиеся в кулаки пальцы... И этот жесткий разворот плеч, будто и сейчас еще готов отражать какие-то нападки или претензии.

Оценив это все, Маша подошла к нему ближе и села любимому на колени:

— Тогда почему ведешь себя так, словно обнять меня боишься? — хмыкнув, она прошлась ладонями по его плечам, затылку, чуть придавливая мышцы шеи. Сильнее нажала на плечи, попутно стаскивая пиджак.

Олег не сопротивлялся, позволив тому упасть на подушки дивана. Обхватил ее руками крепко, словно опровергая слова Маши... Но, ладно, она-то ощущала разницу! Он все еще ее продолжал «оберегать»!

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался тем временем Олег, мягко поглаживая ее плечи и спину. Будто остановиться не мог, хоть и сам себе не позволял действовать свободней. И да — она чувствовала реакцию его тела, тепло и жар кожи любимого, даже нечто большее, словно он весь медленно тлеть начинал... Но этот его вечный самоконтроль и сдержанность!..

Ничего, в свои силы Маша тоже верила. Обняла его за шею.

— Прекрасно, — усмехнулась Маша, низко наклонившись к его лицу. — Великолепно, хороший мой, — коснулась губами его виска, мягко прошлась по брови, ощущая напряжение, вибрирующее в теле любимого.

И отвлекая Олега этим заодно от того, что уже начала ослаблять узел его галстука пальцами.

— Алена звонила, записала меня на прием послезавтра на десять утра...

— Почему откладываешь? — вроде даже недовольно уточнил Олег.

А его руки на ней сжались сильнее, она почувствовала. Стиснули бедра, словно бессознательно мощнее вдавливая в свой пах. Да! Прекрасно. Именно то, чего Маша и добивалась! А то как-то надоело уже просто обнимаясь засыпать. Хоть и оба уставали, да. Однако хотел же ее! Знала,

чувствовала, сама ощущала такое же телесное напряжение и потребность в любимом мужчине. Но Олег — «кремень», держал себя железной хваткой сдержанности. Ну, и Машу заодно.

Однако она сделала акцент не на этом — рассмеялась его словам.

— Не торопись, любимый. Я так поняла, что срок еще очень маленький и тут каждый лишний день позволит потом более информативно сделать им заключение и рекомендации дать. Да и более достоверно... — распустив узел, стащила ленту его галстука, отправив в ту же сторону, куда и пиджак.

— Хорошо, я добавлю себе, сдвинув расписание, — не то чтобы с согласием касательно таких аргументов, хмыкнул Олег.

А она тем временем уже добралась губами до уголка его губ, буквально впитывая в себя все напряжение любимого человека, забирая, заставляя его расслабляться и переключаться совсем на другие желания. И пальцы скользили по рубашке, расстегивая пуговицу за пуговицей. Дыхание сорвалось, когда даже с жадностью какой-то скользнула под ткань, впитывая жар его кожи холодными пальцами, такую необходимую, будоражащую ее жесткость волосков у него на груди.

— Душа моя... — в голосе Олега явно слышалось предупреждение. Ее план точно рассекретили. Но и возбуждение его она там расслышала! И прекрасно чувствовала, как твердеет под ее бедрами его пах, наливаясь желанием.

Тело Олега точно имело свою точку зрения на происходящее. И тут Маша была с ним заодно!

— Да, хороший мой? — с жарким выдохом ему в губы, сильнее обхватив голову Олега руками.

Чувствовала, что колеблется, пытается сдать назад... Правда, не то чтобы у него это получалось.

— Что ты делаешь, Машенька? — его пальцы все сильнее стискивали ее ягодицы, буквально впечатывая Машу в его тело.

Обожала эту его жадность! Помешанность и потребность, которые ощущались так явно.

— Судя по тому, как ты сопротивляешься, пытаюсь применить к вам насилие, Олег Игоревич, — рассмеялась, запрокинув голову, но продолжая обнимать...

А смех вышел грудной, низкий. Обоих взбудоражил сильнее, заставив и дыхание Олега стать тяжелым, шумным.

Уткнулся ей в шею жадными губами, понимая, что не может контроль вернуть. Самого от ее заявления на смех тянет. И застонать сквозь зубы хочется! Он же боялся ей вред причинить! Мозгов хватало... Даже многовато, если честно. Одни ужасы в эти самые мозги лезли. Ему справка была нужна... Стопроцентная гарантия с печатью, что он ничего ей хуже не сделает, боли не причинит... Вот и припечатало. Но сейчас, когда руки свои сдерживать уже не мог, когда она его дразнила, провоцируя и искушая... Тем более что эти два дня ему тоже дали не просто, несмотря на рабочий напряг. Или из-за того тоже?

Маша так нужна была Олегу! Постоянно... А то, что в данный момент ее пальцы скользили по его коже, дразня и возбуждая, вырывая из груди жадные вдохи, заставляя напряженно

бороться с собственным телом, — этих внутренних сомнений не облегчали.

Но когда он услышал это самоуверенное и наглое заявление, одновременно с которым рука Маши, наполовину стянув с него рубашку, скользнула ниже, добравшись до брюк, — Олег понял, что проиграл сам себе. И как-то даже не хочет больше сопротивляться.

Обхватив ее затылок ладонью, Олег прижал рот Маши к своему, жадно ворвавшись языком внутрь этих теплых, таких желанных для него и манящих, сладких губ. Второй рукой крепко сжал талию любимой и одним движением опрокинул ее спиной на диван, вдавив в подушки. Подмял под себя. Наконец-то, ей-богу!

— Я против насилия, Мария Ивановна, — насмешливо прошептал ей в губы, зная, что хриплый тон выдает ей все, что с ним творится. Но какая разница? Между ними и так больше не было места сдержанности и тайнам! — Все только по обоюдному согласию...

— А как же быть, если вы так упорно не желаете принимать мои аргументы во внимание? — тоже ему в рот рассмеялась она, с такой понятной и знакомой ему нуждой!

У Олега по позвоночнику жар лавой от затылка до крестца.

Не удержался, вдавил себя в развилку ее бедер и глухо застонал сквозь зубы, когда ее пальцы обхватили его член, сжимая и дразня уже совсем иными поглаживаниями.

— Напротив, вы очень убедительны! — не удержал хриплого, чуть ироничного смешка. — И разбили мою защиту в пух и прах! — перехватив эти шаловливые пальцы, он обхватил одной рукой оба ее запястья. Завел Маше ладони за голову.

Видит Бог, не железный же!

Вновь принялся целовать, с такой алчностью и нуждой, что теперь Маша застонала, ловила его рот своими губами, будоража Олега тем, как жарко под ним выгибалась, стремясь стать ещё ближе. Обхватила его бедра своими ногами, заставляя его задыхаться от потребности в большем. И он махнул рукой почти на все свои ограничения. Послал так далеко, чтоб не лезло в голову дурное. Сам рванул ремень брюк, который она так и не расстегнула полностью. И, оттянув вбок белье Маши, до которого обоим оказалось некогда, с силой вонзился, наполняя собой любимое тело. Вновь и вновь покоряя, алчно забирая то, что она так охотно дарила ему. Сам отдавал ей всего себя...

— Можем расписаться на следующей неделе. Я открываю тот центр регистрации, помнишь? Если ты особой помпезности не хочешь и тому подобного. Или, наоборот, через месяц, в ЗАГСе — если все, как положено хочется... — спустя часа два, когда они уже успели и поесть, и перебраться наверх, предложил Олег, поцеловав Машу в шею.

Обоих разморило, едва сумели поужинать, да и то кое-как, если честно. А теперь лежали в постели, обнимаясь и совершенно не желая никуда выбираться из-под одеяла. словно какой-то релакс и перезагрузка после непростой недели.

И тут это предложение Олега. Маша рассмеялась, уютней устроившись на плече любимого. Тепло, волшебно просто! Никогда бы Олега из своих рук не выпускала... Хоть и понимала, что мечты.

— Тебе все приходится первым тестировать, что внедряют и открывают? — посмотрела на него с интересом.

— Частенько да, издержки должности, — и сам поддержал ее смех Олег. Перевернулся на спину, устроив ее на себе удобней. — Так что скажешь?

— Я до завтра подумаю, хорошо, любимый? Честно говоря, голова вообще не соображает уже, — не сумела удержать зевок, в самом деле слишком утомленная и счастливая, чтобы хоть какие-то вопросы решать.

— Договорились, — не настаивал Олег, кажется, прекрасно понимая ее.

Телефонный звонок выдернул ее из сна около двух часов ночи. Рядом настороженно вскинулся Олег, тут же потянувшись за мобильным. А вот Маша ощущала полную дезориентацию и не могла понять, что происходит.

— Это твой, — голос Олега стал напряженным.

Ей мало кто звонил ночами. А уж после того, как она перебралась к любимому, вообще никто. Так что сейчас вообще ничего понять не могла.

— Кто? — хрипло со сна прошептала, взяв мобильный неловкими пальцами. Сердце почему-то стучало в горле. Слишком внезапно проснулась.

— Настя... — прочитал Олег. — Не стоит отвечать, душа моя, — вроде и не запретил, но и не то чтобы хотел позволять этот разговор.

Маша села в кровати, еще меньше понимая, что от нее жене брата понадобилось в такое время. И все-таки нажала на прием.

— Алло? — почему-то шепотом.

— Маша... — голос Насти тоже был приглушен. И звучал так, словно невестка долго плакала. — Маша... Мне нужна помощь.

Глава 20

— Настя? Ты о чем? Что случилось? — все ещё мало что понимая, сбитая с толку, Маша попыталась придавить виски пальцами, словно заставляя себя этим собраться с мыслями.

— Мария... — невестка все еще говорила очень тихо, словно пряталась от кого-то. — Петя... Он сорвался, похоже, Маша. Перестал себя контролировать. Он... никогда так себя не вел раньше. Не трогал меня... — Настя вдруг всхлипнула. Казалось, что она пытается подавить рыдания.

Маша промолчала, только сдавленный вздох застрял в горле. Про то, каким Петя может быть, она знала не понаслышке. Но ей все ещё было не до конца понятно, что именно заставило Настю позвонить ей среди ночи? Да и что же случилось?

От вероятных предположений в груди похолодело, а в голове, наоборот, стало барабанить пульсом.

— Настя... он тебя бил? — голос у самой стал хриплым и глухой.

Никогда за все те годы, что Петр был женат, они не обсуждали и не обговаривали вслух этот «нюанс». Даже тему самой вероятности не поднимали. Вернее, Маша как-то давно попыталась, зная, на что способен ее брат. Хотела понять, предупредить, если что. Но Настя тогда отреагировала с таким недоумением и недоверием, что тема тут же угасла. Казалось, что

Настя и поверить не может, будто Мария о Петре говорит. И ясно дала понять: ей неприятна подобная тема и она не желает продолжать ее.

Вот Мария и не настаивала. Мало ли, возможно, характера невестки достаточно, чтобы что-то противопоставить мужу. Или наоборот — она довольно гибкая в этом плане и как раз не провоцирует ее брата на агрессию, в отличие от той же Маши или Николая, которым пришлось научиться противостоять всему. Даже друг другу в какой-то мере.

— Я... Маш... — как-то ещё более нервно и с новым всхлипом, так и не ответила невестка. — Мы можем встретиться, Маша?

Впрочем, Маша тоже знала, как непросто такое признавать. Вон, даже Олегу не могла толком все описать, хоть умом и понимала. А стыдно...

Олег, кстати, сидел впрытк, тоже не собираясь пропустить ни слова из того, что скажет жена Петра, похоже. Но при этом крепко обнимал Машу, позволяя опереться на себя. И нельзя было не признать, что он выглядит куда более собранным и бодрым после внезапного пробуждения, чем она.

— Сейчас?! — недоуменно переспросила Маша, растерявшись еще больше.

Олег тут же раздраженно фыркнул, словно давал понять, что ей и думать об этом не стоит.

— Нет! — чуть громче воскликнула Настя, тоже будто бы испуганно. — Нет, не сейчас! Ты что... — уже тише добавила, вновь приглушенно. — Завтра? Часов в одиннадцать, когда Петя уедет на работу, мы можем встретиться, поговорить? — будто бы неуверенно предложила невестка.

— Я к тебе домой не поеду, — все ещё глядя на недовольное лицо Олега, сразу предупредила Маша.

— Нет, не надо ко мне. Может, в кафе где-то? — не спорила в этот раз Настя, торопливо предложив другой вариант.

— В каком? — все еще не уверенная, что готова согласиться, все-таки уточнила Мария.

— Хочешь... Не знаю... Ну, может, в кондитерской, которая недалеко от твоего дома? — после секундной паузы, словно подбирая варианты, предложила Настя.

Олег тут же отрицательно покачал головой, явно демонстрируя, что и такого ничего не позволит. Маша закусила губу, пытаясь найти лучший выход.

Настя все еще периодически тяжело вздыхала в телефоне у самого ее уха, словно глотала нервные, напряженные всхлипы. Отчего разговор казался ещё более непростым и вымученным. Да и вся атмосфера ночи вдруг стала казаться угнетающей. Будто душила ее темнотой.

— Я тебе завтра сообщение сброшу, хорошо, Насть? Есть клиенты, постараюсь все решить... — не торопилась соглашаться Маша, внимательно всматриваясь в выражение лица Олега.

Невестка резко выдохнула, с явно слышимым напряжением. Похоже, ей такое решение не пришлось по душе.

— Хорошо... Но... Пожалуйста, Маша, я очень тебя прошу... — еще тише и с паузами, будто прислушиваясь к чему-то, попросила Настя.

И оборвала связь.

— Я тебя не пущу никуда, — резко заявил Олег, пока Мария ещё вслушивалась в короткие гудки в трубке. — Это явно уловка твоего брата.

На лице любимого была очень четко видна решимость, не мешала даже ночная тьма: он настолько резко сжал зубы и выдвинул вперед подбородок, так напряженно сжал руки, которые все еще обнимали Машу, что не заметить его реакцию было бы весьма сложно.

— А если нет? — тихо спросила Маша, отложив телефон на подушку. Протянула руку и накрыла эти его напряженные скулы. — Если он действительно что-то Насте сделал, хороший мой? Ведь... — Маша замолчала, пытаясь подобрать слова, да и силы в себе разыскивая такое сказать. — Он ведь в самом деле срывается иногда, да так, что...

Замолчала. Не было сил продолжать. Даже глаза отвела. Не хотелось ни вспоминать, ни Олегу это показывать. Потому что любимый только сильнее станет нервничать и волноваться, а ведь для Маши это давно уже в прошлом. Но не стало ли настоящим Насти теперь?

— Он ее хоть раз тронул? — с некоторым скепсисом, кажется, не желая поддаваться ее доводам, уточнил Олег. И смотрел при этом все с тем же сомнением.

— Не знаю, — честно признала Маша. — Она всегда игнорировала мои попытки завязать об этом разговор раньше. Говорила, что я что-то не так поняла или путаю, и Петя не может...

Олег хмыкнул, словно бы об этом и говорил.

— Но все же могло измениться, любимый, — все еще ровным тоном заметила Маша. Не то чтобы ей хотелось с ним спорить или сильно тянуло встречаться с невесткой. Вообще нет. Однако... — Ведь Петя сильно разозлился на меня в этот раз. Да и с Колей рассорился, ведь так? — посмотрела снова ему в глаза.

— Да. Я так понял, что у них получился серьезный конфликт, — не очень охотно, но согласился с ее мнением Олег. Впрочем, ни на йоту не ослабил своего захвата на талии Маши.

Это против воли вызывало тепло у нее внутри. И почти невыносимое осознание своей любви к нему, такой огромной, что иногда вдох казался невозможным, грудь сдавливало. Такой необъятной, что, без всякой причины, у Маши порой слезы на глаза наворачивались. Не от боли — от силы этих чувств.

— Он вполне мог на ней сорваться... — высказала то предположение, которое не давало теперь покоя, напоминая об отвратительном и неприятном.

Как бы там ни было, а Маша ни одной женщине не пожелала бы оказаться в такой ситуации, в которой, предположительно, могла сейчас очутиться ее невестка.

— Ты чересчур сердобольная у меня, — с ещё более ощутимым сарказмом скривил рот Олег. — Она тебя хоть раз защитила или помогла в чем-то?

— Любимый, — чуть наклонившись, она устроилась у него на груди. — Но я же — не она, правда? — всмотрелась в его глаза, стараясь понять Олега. И чтобы он ее лучше понял. — И

ведь Настя в общественном месте встретиться просит. В кафе. Среди бела дня. Кажется маловероятным, что они сумеют повернуть что-то... коварное, — не вполне способна была найти слова, чтобы описать свои мысли.

Все же внезапное пробуждение не способствовало ясности разума.

— И? — саркастично хмыкнул Олег, обхватив теперь и ее плечи рукой, словно плотнее притиснув к себе. — Я достаточно серьезно воспринимаю твоего брата, чтобы чего угодно от него ожидать. Плавали, знаем.

— Но все же, согласишься, он мог бы выбрать более уединенный вариант, если бы за этим звонком в самом деле стоял Петя, — не торопилась соглашаться Маша с ним.

— Кто лучше него знает о том, что ты легко зацепишься за этот «крючок»? — резонно возразил Олег.

Маша вздохнула: что тут сказать? В словах Олега было очень много разумного.

— И все же, любимый мой, я бы хотела поговорить с Настей, — ровно попросила она. — Это же днем, в кафе, где определенно будут и другие люди. Я согласна взять столько охранников, сколько ты считаешь нужным. Но... Пойми меня, я не смогу спокойно спать или есть, сомневаясь, а не отвернулась ли от нее тогда, когда Насте в самом деле нужна помощь...

Олег тихо выругался сквозь зубы. Малоразборчиво, словно старался подавить, а не смог. Аккуратно приподнял ее руками и «переложил» на подушку. Резко выдохнул, сев в кровати, глянул на нее через плечо и вновь ругнулся. Взъерошил волосы, придавливая себе затылок.

— Твою ж... налево, душа моя! — явно не в восторге от ее уговоров, Олег в итоге вообще поднялся с кровати и прошелся по комнате. — Вот что ты со мной делаешь, Машенька?!

— Я просто пытаюсь объяснить тебе, почему продолжаю настаивать, хороший мой, — она и сама села в постели, вглядываясь в его темный силуэт в не менее темной комнате.

Олег хмыкнул. Еще раз прошелся туда-сюда, пока, наконец, не замер у окна, глядя на двор. Простоял так минут пять, наверное, перекатываясь с пятки на носок. Маша молчала. Она физически ощущала его недовольство, раздражение и волнение.

Он колебался. И не хотелось сейчас ничего говорить, чтобы не качнуть этот маятник его настроения в ненужную для нее сторону.

Наконец, Олег повернулся немного и вновь косо глянул на нее. Хмыкнул. Вроде и с иронией, но чувствовалось, что не на нее злится.

— Хитра ты, душа моя. Хитра и опытна... Опасная ты, Машенька, сказывается юридическое прошлое?..

Против воли она рассмеялась.

— Опасная? Любимый, ты преувеличиваешь мое коварство...

— Ни капли, — широко усмехнулся Олег. — Вот как я могу тебе отказать, если ты мне ни одного аргумента не оставила? В любом варианте опередила...

— Ты всегда можешь попробовать просто запретить мне... — чуть лукаво, в самом деле чувствуя в душе нарастающее торжество, предложила Мария.

Но Олег только рассмеялся:

— Я? Тебе запретить? Да ты из меня всегда вила и вьешь веревки, — уже с доброй иронией отмахнулся он. Вновь посмотрел в окно. — К тому же, я тоже пока не вижу, где тут может быть подстава... Хотя на невестку твою мне плевать, сразу говорю, так что если вздумаешь собой рисковать ради нее — тут же запрю. Чтобы просто была в курсе, — Олег одарил ее очередным взглядом через плечо. Видно, подчеркивая суровость угрозы.

— Я не буду делать ничего, что ты не одобришь, никуда с ней не пойду и не стану... — начала было клятвенно заверять его Маша, ощутив вкус победы в этом споре.

Но Олег прервал ее:

— С тобой поедут пять человек. Дима за главного. И даже не думай спорить, — отрезал Олег, стоило Маше открыть рот, чтобы привести вечный аргумент, что ему нужнее. — Если он, оценив обстановку, скажет, что выходить из авто нельзя или в какой-то момент решит, что ты должна немедленно уйти — ты уйдешь в ту же секунду, ни на кого не обращая внимания, душа моя. Ясно? — ее буквально прожгли суровым взглядом.

— Ясно, Олег, — и не пыталась спорить Маша.

Все его требования были разумными, учитывая ситуацию.

И сна уже ни в одном глазу. Мысли в голове вдруг бурлить начали, так и не имея ответов: что же все-таки случилось? Почему сейчас позвонила, среди ночи? В опасности Настя? Или это ей, Маше, может что-то угрожать?..

— Надо будет еще и Коле с утра позвонить, узнать — может, он что-то знает, — предложила Маша, откинувшись на подушки.

— Неплохая идея, — кивнул Олег, вернувшись к кровати. Но не лег рядом с ней, а сел с краю, ухватив ее руку. — А теперь — спи, тебе надо отдохнуть и меньше думать о чужих проблемах, — совсем другим тоном тихо добавил он и с такой нежностью поцеловал каждый пальчик Маши, что ей вновь слезы на глаза набежали.

— А ты? — повернулась на бок, прижавшись к нему, ухватила за руку, не отпуская Олега, который поднялся вновь, намереваясь куда-то идти.

— А я спущусь в кабинет, отправлю пару писем, поспрашиваю. Может, что-то к утру тоже узнаю по твоему брату и его планам на завтра. Недолго, душа моя, обещаю, — наклонившись, он горячо поцеловал ее в губы, но так коротко!

— Без тебя спится плохо... — немного наигранно капризно, что ей вообще было не свойственно, чем так и веселила всегда Олега, собственно, протянула Маша, все еще не отпуская пальцы любимого.

— Я быстро вернусь, — улыбаясь уже совсем иначе, пообещал он еще раз. И все-таки пошел вниз.

А Маша не задерживала, так же понимая, что им никакая информация в этой ситуации лишней

не будет.

* * *

— Дима, а не слишком все серьезно? — Маша с легкой улыбкой осмотрела свое окружение. Посмотрела на улицу через окно авто. Все казалось мирным и спокойным. — Я себя Первой Леди чувствую, — не допуская в голосе иронии, все же поинтересовалась она.

Дмитрий ее такт заметил. И юмор — тоже едва заметно улыбнулся. Он в принципе не позволял себе никаких излишних проявлений эмоций при исполнении. А «при исполнении» он был всегда, кажется, когда не спал. Маша подумала, что надо бы расспросить Олега, каким образом Дмитрий попал к нему в охрану. А то сколько лет знает их обоих, а не в курсе.

— Насколько я понимаю, вы и станете вскоре «первой леди» нашей области, Мария Ивановна, — ответил начальник охраны ей в тон, явно оценив иронию. — А для нас вы уже и так давно в этом статусе. Так что все как раз соответствует разумным мерам безопасности. К тому же мы с вами хорошо знаем, на что способен ваш брат. Со всем уважением, Мария Ивановна, — Дима легко кивнул ей. — Я первым выйду и проверю ситуацию в кафе. Потом вернусь за вами, если все нормально. Не выходите.

И начальник их охраны вышел, оставив Машу в автомобиле ещё с двумя людьми. За ними припарковалось авто, которое уже покинули три человека из той же охраны. В общем, ни Олег не отступил от своего обещания, ни Маша не преувеличила в своих ощущениях... Но доводы этих мужчин в самом деле казались весомыми.

Да и Коля, которому Маша все же позвонила пару часов назад, разделял опасения Горбатенко.

— Я пока точно не скажу, просто не знаю деталей, но Петя что-то мутит, это с гарантией, Машунь. И хорошего в его планах — ничего нет. Мы теперь не особо общаемся, — брат как-то горько-иронично хмыкнул, — меня Петр конкретно кинул. Да и тебя тоже, ты просто не очень в курсе была. Но я это когда просчитал, пошел разбираться... Прилично повздорили. Так что у него не спрошу, числюсь нынче в предателях наравне с тобой, — Коля коротко рассмеялся. — Однако кое-что слышал раньше, да и последние пару дней какие-то намеки и возня... Узнаю. Но то, что неспроста Настя этой встречи захотела, это гарантировано. И еще, Машунь, — казалось, брат задумался. — Я почти уверен, что он ни разу на нее руку не поднимал. Не тот у Насти характер, чтобы его провоцировать, это раз. Да и вообще... та поговорка, про «одного сатану в семье», — это про них. Знаю, ты никогда не погружалась в такие тонкости, но Анастасия почти во всех планах Петра участвует касательно продумывания и стратегии. Они это не афишируют даже перед нами, но я пару раз случаем такое дело замечал. Так что...

Ее насторожили слова Коли. Маша в самом деле не особо углублялась в семейные отношения ни старшего брата, ни среднего: как они там с женами жили и живут — их личное дело. С головой хватало их вмешательства в ее дела. Так что теперь поневоле задумалась: не является ли данная встреча в самом деле ловушкой? Только так и не могла понять цели...

— Все спокойно, Мария Ивановна, можете выходить, — Дмитрий распахнул перед ней дверь авто, прервав эти размышления. — Ваша невестка уже ждет вас внутри.

Кивнув с благодарностью за предложенную руку, Маша приняла помощь охранника и пошла в кондитерскую. Дима и еще два человека неотступно следовали за ней. Остальные остановились у входа.

Мария тоже на секунду замерла на пороге, глянув в направлении, которое ей Дима указал.

Настя сидела за столиком. Увидев их, невестка несколько напряглась вроде бы, нервно осмотрев охрану. Но подняла руку в приветствии. Вот так, на расстоянии, на ней не было заметно каких-то «срывов» Петра. Только та нервозность и напряженность. Однако Маша решила разобраться уже до конца. Потому подняла ладонь в ответ и направилась к столику, незаметно поправляя на запястье нить, которую Олег вновь повязал ей ещё тем вечером, после разговора с Петей.

— У тебя есть хоть какие-то предположения о том, что Коваленко-старший сейчас задумал? — Олег откинулся на спинку кресла, задумчиво глянув на часы, висящие на стене кабинета.

Реально жаль, что нельзя всеми делами здесь заниматься: «традиция» и правила, елки-палки! Этот «родной» офис нравился ему куда больше официального кабинета в облуправлении, где ничего, походу, не менялось со времен «советов». Еще и прослушка велась — не его «придумки», тот же Алексей подтверждал не раз. Потому и сегодня с прокурором встречались именно здесь, а не на «рабочем месте» губернатора. Но в данный момент едва не все мысли Олега были заняты этой гребаной встречей в кондитерской!

Ему не по душе было, что Маша все же поехала на эту встречу с женой своего старшего брата. Не нравилось, что та позвонила ночью, когда дезориентировать кого угодно — легче всего, раздражал повод... Все в этой ситуации раздражало, мля! А на интуицию Олег никогда не жаловался.

Алексей, сидящий напротив, этот взгляд заметил. Да и общий фон раздражения, наверняка, улавливал, — давно знакомы, одно время по разные стороны черты стояли, изучали привычки и «повадки» друг друга. Поднял бровь, интересуясь недовольством Горбатенко. Но Олег только покачал головой — не планировал посвящать прокуратуру в такие нюансы отношений родичей Маши. Не сейчас, во всяком случае.

— Точных нет. Он слишком хитрый и опытный, чтобы глупо прокалываться, сам понимаешь, — Алексей отпил кофе, чашки с которым стояли перед ними на стеклянном столе. — Да и ты сейчас к Коваленко ближе по связям, а? — Алексей с некоторым ехидным любопытством прищурился, внимательно всматриваясь в Олега. — Как Петра Ивановича по носу щелкнул, закрутив с его сестрой? Уделал. Все до сих пор «на ушах» от этой новости, — хмыкнув, прокурор покачал головой.

— Аккуратней, о моей будущей жене только с максимальным уважением, — ровно заметил Олег. Но глянул так, что добавлять больше ничего было не нужно.

Алексей улыбнулся шире, отставил чашку и подняв руки словно стараясь его утихомирить.

— Я Марию Ивановну очень уважаю и дело здесь вообще не в тебе, Олег. Сто лет с ней знаком, — хмыкнул прокурор. — Самая достойная и честная из Коваленко. Причем говорю не только о ныне живущих. Понять не могу, как она смогла противостоять им и остаться такой, учитывая семью и все то давление, которое не могла не испытывать. Неудивительно, что в нотариусы ушла. Странно, как вообще бунт не устроила и не рванула в учителя, скажем, с ее любовью к детям...

Алексей даже не представлял, какое давление Маша на самом деле в семье испытывала. Но и по этому пункту Олег его просвещать не собирался, сам все с Петром решит и счета выставит.

— Да... — Олег улыбнулся, приняв «отступные». — Она уникальная.

— Когда свадьба? — явно не желая возвращаться к прошлой теме, поинтересовался Алексей. — Я когда Коваленко-младшую увидел во время решения вопроса Овчаренко — даже ошалел немного, честно скажу. Все понять не мог, с какой радости ты ее втянул в это все, и каким боком с Марией Ивановной вообще связан? Уж не думал ли как-то через нее давить на Петра... Пока на том вечере благотворительном не протесек, — Алексей улыбнулся с хитрецей. — Тут о давлении и речи не идет. Сам удавишь за нее, знаю твой характер, достаточно пас в свое время... — в голосе прокурора послышались нотки уважения и ностальгии.

Видно, руководящие должности и ему не особо уже по душе. Оба они — люди действия, им бы в «поле», а не по кабинетам.

— На следующей неделе распишемся, — не подтверждая и не опровергая слова Алексея о собственном характере, ответил Олег на вопрос о свадьбе. — Не хочу тянуть, да и Маша только «за». Придешь?

— Спрашиваешь, — улыбка прокурора стала шире. — Сообщи только когда и куда.

— Обязательно, — кивнул Олег. Допил свой кофе. И вернулся к теме, которая все еще его беспокоила. — Но не может же быть, что никто ничего не знает? Да и вы наверняка пасете Петра, что я ваших методов не знаю? — испытующе глянул в сторону Алексея.

Тот также отставил чашку, поняв, что разговор вернулся в серьезное русло.

— При всем моем к нему отношении, Петр Иванович не дурак и не может не понимать, что любая огласка сработает ему же в минус. При нынешних-то должностях... — прокурор сделал ещё глоток, с явным удовольствием.

Да, кофе в его офисе был порядка на три лучше того, что готовили и в облуправлении, и в прокуратуре тем более. Иногда Олег серьезно задавался мыслью: а на кой черт он вообще рвался на эти «вершины»? Чего конкретно получить хотел, если в сухом остатке вокруг все тот же дележ и «кормушка», из которой чуть ли не каждый побольше урвать старается? И только единицы пытаются что-то наладить и в толк пустить, как они с Алексеем... На почве чего и забыли все старые счеты, кстати. Сдружились вон, позабыв про то, какими путями шли к нынешним должностям.

— Но точно могу сказать, что сейчас началось какое-то волнение. Причем беспокойно и у Демченко, и у Шаховца. А у этих двоих тесные связи с нашим Верховным судьей, не мне тебе рассказывать... Только вот «пасти»... — Алексей вздохнул с искренним сожалением. — Ты не хуже меня знаешь, как у нас и что делается. И такие высоты «пасут» только по особому распоряжению. А до того — на голом энтузиазме и по личной инициативе, которая ещё и наказуема бывает иногда. Да и это сейчас не наша компетенция, а нового Бюро, еще и только по распоряжению Высшей комиссии... Не наш полет, короче.

— Но данные-то собираешь все равно? — прервал Олег длинный перечень этих сложностей.

Алексей вновь одарил его хитрым взглядом, который ответил Олегу больше, чем все предыдущие слова.

— Хорошо, вот это давай и обсудим, только не сейчас, — вновь глянул на часы.

Начало двенадцатого. Никаких сообщений от Димы о проблемах. Должен бы успокоиться, а оно прям разъедало изнутри какой-то дикой тревогой. Чуйка, чтоб ее!

— Ты торопишься куда-то? — ясно, что от такого человека, как Алексей, мало что скроешь.

— Нет. Жду звонок, — мотнул головой. — Ладно, Алексей, я все понял. И прошу тебя помочь. В долгу не останусь, сам знаешь. Но мне все, что у вас только есть на Петра Ивановича, — явное или неявное — сейчас позарез нужно.

— Что смогу — дам, — не спорил Алексей, поднявшись со своего кресла. — Хороший у вас кофе, Олег Игоревич, спасибо за пять минут релакса посреди рабочего дня.

Он только хмыкнул, криво улыбнувшись, но знал, что эти слова искренни. Да и самому с Алексеем комфортно было и работать, и просто говорить, делясь мыслями и предположениями.

— Я за все буду благодарен нынче, — тоже поднялся. — Ты сейчас куда, в управление?

— Да, — прихватив со стола свой мобильный и папку с документами по Шаховцу, которые и показывал Олегу, не спорил прокурор.

— Подвезти или ты на машине? — вновь проверил свой телефон Олег, двинувшись в сторону выхода из кабинета.

— Нет, отпустил водителя, так что если по пути — не против, — не преминул согласиться Алексей.

— По пути, ясное дело, — улыбнулся Горбатенко. — Пошли.

Звонок поступил, когда они вышли на крыльцо офисного центра. Как раз остановились, ожидая, пока подъедет водитель, заменяющий у него сегодня Диму (тоже не новый и многократно проверенный, не торопился выгонять машину на холод, пока босс не спустится). Двое других охранников остановились в шаге за их спинами. Успели с Алексеем перекинуться парой слов о резком похолодании, начавшемся ночью и сменившим до этого влажную, противную, но относительно мягкую погоду начинающейся зимы.

— Так и снег скоро посыплет, — посмотрев на тяжелые серые тучи, словно навалившиеся сегодня на крыши высоток, с сарказмом заметил Алексей. Плотнее запахнул пальто. — Не люблю зиму. Вечно у нас слякоть, грязь...

— Так давай «по выслуге» — и куда-то, где потеплей? — с усмешкой поддел его Олег, прекрасно зная, что это недовольство бесцельное. Самого сейчас даже погода не задевала.

— Ага, а здесь на кого все бросить? На молодежь эту, которые дело за делом разваливают, потому что толком ни собрать улики не могут, ни задержание верно провести? — фыркнул прокурор.

Олег только покачал головой, соглашаясь. Да и он Маше как-то похожее что-то говорил, кажется, только в своем варианте. Вновь достал телефон, проверяя, не сбросил ли Дима какого сообщения? Или, может, сама Маша что-то...

Буквально через пару секунд из выезда подземного гаража появилось авто, и они пошли вниз по ступеням. И вот тут телефон все-таки начал вибрировать. Правда, звонил Николай, что оказалось для Олега не совсем ожидаемо. Однако принял вызов, остановившись на бордюре, в шаге от авто, замерла и охрана:

— Слушаю? — ответил будущему шурина.

Алексей обернулся с вопросом к нему, заметив задержку.

— Садись, — махнул рукой Олег, чуть отвернувшись от динамика, — я минуту поговорю.

Алексей кивнул и начал обходить машину.

— Олег, насчет того вопроса, что меня Маша утром спрашивала, — тем временем, не утруждаясь приветствием, уже начал говорить Николай.

И чувствовалось, что он взволнован и нервничает. Опытный адвокат сейчас торопился и как-то нервно обрывал слова. Что заставило и Олега моментально внутренне сжаться, словно взведенной пружине.

— Что? — отрывисто рявкнул он.

— Ничего толком не скажу. Но это не по Машину душу замутил Петр с Настей. По твою. Не знаю пока, что именно, но против тебя. Осторожней там с...

Дослушать Олег не успел.

Именно в этот момент Алексей открыл пассажирскую дверь авто и... Все вдруг исчезло: и голос Николая в телефоне, и авто перед ним, Алексей и водитель, да и сам Олег, кажется. Все потонуло в рванувшем неясно откуда пламени, воздушном ударе огромной силы и грохоте разлетающегося вокруг металла и стекла.

Последнее, что он запомнил, был удар об асфальт тротуара и темнота в голове, а перед глазами почему-то лицо Маши, вместо этого обжигающего кобальтового огня...

Глава 21

— Настя, для чего ты вообще меня позвала? — уже не скрывая своего раздражения, резко спросила Маша, похоже, удивив этим свою собеседницу.

Но у нее сейчас не получалось помнить о вежливости. И, главное, Мария даже не смогла бы объяснить — отчего? От Олега паранойей заразилась, что ли? Ее всю буквально трясло и колотило внутри, какой-то странной ледяной дрожью. И противное сосущее ощущение за грудиной, будто воронка пустоты... Списать все на неведомые ей симптомы беременности, как отвращение при виде любимого эклера, сейчас лежащего на тарелке перед ней и так и не тронутого? Не выходило.

С каждой минутой Маша все больше нервничала почему-то и никак не могла подчинить себе разгулявшиеся эмоции. Она даже пару раз уже оглядывалась на Диму, стоящего в шаге за ее спиной и упорно отказывающегося присесть, но охранник (чье постоянное довлеющее присутствие над столиком весьма нервировало Настю) казался совершенно спокойным и, как всегда, собранным. А Машу словно на части что-то разрывало изнутри. Хотелось просто закричать в голос от непонимания и ужасного, на самом деле, ощущения холода за сердцем, какой-то неизбежной тоски, а она никак не могла найти причины для таких эмоций.

Дмитрий заметил ее нервозность. И уже даже пару раз использовал один из знаков, которые обсуждал с ней заранее, предлагая уйти. Но Маша пока оставалась, пытаясь разобраться — чего же на самом деле от нее хотела невестка. А Настя, казалось, «переливала воду из пустого в порожнее». И если поначалу Маша ещё допускала, что невестка сама теряется, волнуется

или опасается что-то говорить при том же Диме, то с течением секунд, отмеряемых стрелкой ее часов, все больше убеждалась — данная встреча бессмысленна и бесцельна. Да и не было заметно по Насте, будто бы Петр все же давал волю своему буйному нраву с женой. Поневоле вспоминалось утреннее предупреждение Коли и нежелание Олега отпускать ее на эту встречу... Вот и отбросила в сторону приличия.

— Мне кажется, что мы бессмысленно тратим время, — отодвинула она от себя и тарелку с десертом, и нетронутый чай. — Так и не поняла, зачем ты мне среди ночи звонила? Не вижу повода...

Невестка вновь настороженно... зыркнула, вот и не скажешь иначе, в сторону Дмитрия. Так же без всякой приязни посмотрела на Машу, хоть и пыталась это скрыть. И как-то нервно принялась крутить свою чашку с кофе.

— Я хотела поговорить с тобой, Петр плохо переносит вашу ссору, да и с Колей сейчас... Он на пределе, ты должна понять и проявить сострадание, быть мудрее...

Ее это не убеждало. Ни пафос, ни призыв к пониманию и примирению, ни-че-го. Слишком много всего, что забыть вряд ли когда-то сможет. Да и не так плохо она знала брата, чтобы поверить, будто его в самом деле вдруг терзания души из-за ссоры с младшими замучили. И настолько явно почему-то именно сейчас ощущались наигранность и притворство собеседницы...

— Для чего эта встреча, Настя? — устало вздохнув и даже немного злясь на то, что невестка ей и ночь испортила, по сути, не дав толком выспаться. — Ты ночью много намеков сделала, но сейчас я не вижу ничего, что бы их подтверждало...

Настя недовольно поджала губы и уже собралась что-то ответить, но в этот момент Маша услышала гул вибрации, идущий из-за спины. От этого звука почему-то стало еще муторней внутри. Может, действительно токсикоз начинается? Наверное, телефон Дмитрия звонит... Оглянулась зачем-то, не совсем понимая: показывает ли Насте свое пренебрежение таким жестом, или это та самая непонятная потребность какого-то действия заставляет метаться на стуле, как пятилетнего непоседу?

Но даже спросить ничего не успела у Димы. Не нужно было: увидела, как изменилось выражение... не лица даже — слишком опытным Дмитрий был, — но глаз начальника охраны, — и все...

Сама не знала, когда успела вскочить, задев рукой стол, опрокинув чашку с уже холодным чаем, не обратив на это внимания. Забыла и про Настю, и про всю эту нелепую встречу.

В голове зашумело и ноги отнялись, внезапно став непослушными. Как и онемевшее от страха лицо. Пришлось ухватиться за стул — затрясло всю, качнуло. словно небо упало на голову:

— Что? — прохрипела, буквально требуя ответа от Димы, который уже прятал телефон и даже протянул руку, чтобы ее подстраховать.

— Уезжаем! — отрывисто, сквозь зубы распорядился Дмитрий. Его рука крепко обхватила ее за плечи.

И он буквально потащил Машу к выходу, напоследок одарив Настю взглядом, полным ненависти. Маше это ответило почти на все, и она ни на секунду не воспротивилась таким действиям охранника. Сама обернулась на мгновение и так глянула на Настю, что невестка

почему-то отпрянула назад, заслонившись чашкой. Бог знает, что в ее глазах увидела. Маша сейчас просто не могла держать свою вечно нейтральную маску. Не тогда, когда толком не имела информации и дико, невыносимо почти, боялась за Олега. Подскочили со своих мест и другие охранники, будто все какое-то сообщение получили одновременно. У каждого было мрачное выражение лица.

— Дима, что случилось? — едва слышно спросила Маша, не сопротивляясь, когда он «упаковал» ее в авто, вдруг поняв, что нет сил, кончились, куда-то пропали внезапно.

Дикий ужас сковал каждую мышцу. Обхватила себя руками, словно бы мерзнуть начала. И дело не в похолодании, не спасала шуба. Изнутри эта изморозь шла.

А Дмитрий исподлобья тяжело посмотрел на Машу, сев рядом.

— Не нервничайте только, Мария Ивановна, нельзя же вам... — и сам как-то хрипло ответил, вообще нетипично для себя, позволив ей увидеть свою растерянность и опустошение какое-то.

— Дима?! — почти простонала.

Как она может не нервничать, когда у начальника охраны такой взгляд и он весь словно пульсирует от напряжения?!

— Машина Олега Игоревича... взрывное устройство, — так и продолжая держать ее руку, отрывисто заговорил Дмитрий. — Он жив! — тут же добавил, наверное, поняв, что у нее в этот момент сердце остановилось в груди. — В клинике сейчас, не успел сесть в авто. Сильнее прокурор пострадал, с ним был...

Ей потребовалась пара секунд. Всего несколько мгновений, чтобы усилием воли собраться и впихнуть себя в привычные рамки холодной отстраненности и собранности, иначе просто не выдержала бы. А она сейчас нужна Олегу. И их ребенку, это Дмитрий верно напомнил. Нельзя нервничать и поддаваться панике, как бы ни хотелось дать волю слезам или забиться в истерике. Просто нельзя. Это не поможет. Что, у нее опыта нет, что ли, выдерживать дикие нападки судьбы? С головой. И сейчас выдержит. Ради любимого — справится!

Медленно и глубоко вдохнула, игнорируя тот факт, что воздух с шумом прорывался сквозь стиснутые зубы, выдавая ее с головой.

— Поехали в клинику! — потребовала все тем же хриплым голосом Маша, еще не в состоянии здраво размышлять.

— Мне бы вас прикрыть и обезопасить надо... — начал было Дмитрий. Но ощущалось, что он и сам рвется в ту клинику.

— Ты и прикроешь. Рядом с ним, — тоном, не терпящим никаких возражений или двояких толкований, отрезала Маша, ясно дав понять, что готова и на ходу из машины выбираться, лишь бы добраться до Олега. — Не будем тратить время, Дима, — выдержав его испытующий взгляд, в котором проскальзывало удивление, так же повелительно добавила Мария.

Охранник больше не возражал, кивнул и развернулся к водителю, который тоже с напряжением ожидал итог этого короткого спора:

— Адрес знаешь. Давай, быстро! — распорядился Дмитрий.

И они поехали... Так быстро, как Маша ещё никогда не ездила в городе.

В больнице их не пустили дальше комнаты ожидания. Да, врачи все понимали, да, разделяли тревогу, однако пострадавшие сейчас в операционных и им всем точно нет смысла торчать под дверьми в коридорах. У губернатора все не слишком серьезно. Как только будет возможно, их тут же проведут в палату...

С каждым мгновением ей все больше хотелось закричать, вот просто заголосить диким ором, но Маша только усиливала контроль над самой собой. Понимала, что прорываться в операционную действительно глупо. Она там точно ничем не поможет.

Села на диван у окна, уткнувшись лицом в ладони. В голове шумит, ноги ватные, сердце колотится — а она пытается удержать ровное выражение лица и хоть как-то дышать.

— Мария Ивановна, выпейте воды, — Дима подошел, протягивая ей стакан.

Он уходил на несколько минут в коридор, разговаривал с теми людьми, которые были утром в охране Олега. И которые сейчас за всем здесь следили. Только ей не сказал о том, что там и как.

— Спасибо, — автоматически ответила она и взяла воду.

И только удивленно глядя на то, как эта вода расплескивается по рукам и на пол, осознала, что вовсе не так хорошо справляется с контролем, как ей думалось. Руки тряслись дико. И она никак не могла с этим совладать. Разлила большую часть воды, понимая, что по щекам, к тому же, начинают катиться какие-то беспомощные слезы. Всхлипнула в голос.

— Мария Ивановна! Ну что вы! — похоже, ей удалось дезориентировать вечно собранного и готового ко всему охранника Олега. — Ну нельзя же вам! Подумайте об Олеге Игоревиче, он же беситься начнет, когда узнает, как вы нервничали, а оно ему сейчас нужно? А вам тем более, успокоиться бы...

Ее это «порвало» просто. Понятно, конечно, что Дмитрий как лучше хотел, но для Маши его слова последней каплей послужили. Стакан выпал из рук, расплескав вокруг воду. Спасибо, не разбился, а Маша в голос зарыдала:

— Как?! Как я должна успокоиться и расслабиться, если не знаю, что с ним и как себя чувствует мой любимый человек?! Каким образом, Дима? — пытаюсь еще при этом и как-то замолчать, прекратить, захлебываясь слезами, выдохнула она.

Не выходило пригасить остроту страха и боли, только громче рыдания рвались из груди. Не помогло взять себя в руки даже то, что сзади дверь хлопнула, точно ещё кто-то вошел, а Маше без разницы в этот момент! Главное, что Дима глянул, оценил и спокойно продолжал ею заниматься. Значит, свои... Нет, в голове, где-то на задворках сознания, даже немного неловко за эту истерику, да только тело живет своей жизнью, выплескивая то, что уже не в состоянии затолкать вглубь себя. Так не вовремя этот срыв... Так неуместно, Господи! Ей бы к Олегу, узнать, что все нормально, и выдержала бы...

— Но вам же не только о себе думать надо, Мария Ивановна, — несмотря на явную растерянность, Дима пытался ее успокоить. — И нервничать совсем нельзя, — он поднял стакан. — Я вам сейчас еще воды наберу. Попробуйте подышать...

— Я не могу! — действительно ощущая, что ей не хватает воздуха, почти закричала Маша.

— Маша, выдохни! — резкий и собранный голос Коли заставил послушаться на каком-то дальнем уровне подкорки. — И прекрати кричать!

Она могла воевать с братьями, сколько хотела, но ведь все равно с детства к ним прислушивалась и подчинялась во многом. Вот и сейчас, когда брат оказался рядом и крепко ее обнял за плечи, как-то плотно притиснул к себе, — подчинилась почти интуитивно. Уткнулась Коле в плечо, пытаясь и правда прийти в себя.

«Что он здесь делает?» — мысль возникла и пропала. Вспомнила, что брат звонил, когда они ехали. Уже в курсе был, узнавал как раз, куда повезли...

— Вот так, Машунь, умница. Сама понимаешь, что толку от истерики никакого, только вред, — уже иначе, спокойней и мягче проговорил брат, погладив ее по голове.

Спокойно и мягко, успокаивал, как в детстве иногда, когда отец или Петя им обоим головомошкой устраивал. А потом надавил на подбородок, заставив посмотреть ему в глаза.

— Так я что, дядей скоро вновь стану, а, сестренка? Мне так слова вашего охранника трактовать? — явно стараясь ее отвлечь и напомнить о главном, с улыбкой поинтересовался Коля.

Хороший адвокат. Его только напряженное выражение в глазах и выдавало. И Маша против воли улыбнулась, поняв, что рыдания затихают. И точно в голову бахнуло, что надо за разум братья. И думать об их с Олегом ребенке — ему от этих рыданий никакой пользы, один вред от ее истерик.

— Станешь, Коля, станешь, — ещё всхлипнула, но уже явно возвращая контроль над собой, согласилась Маша, растирая щеки. И попутно вытирая слезы.

— Вот, Мария Ивановна, вода, — Дима протянул ей новый стакан с водой, с облегчением следя за ситуацией. — Олега Игоревича перевезли в интенсивную, операция закончилась. Как только он в себя придет, вас пустят, — следя за тем, как она пьет, сообщил охранник.

Коля продолжал ее приобнимать за плечи, чтобы не мешать пить, и все еще гладил по волосам, словно вгоняя этим простым движением в какое-то состояние медитативной прострации.

— Хорошо, — хрипло выдохнула Маша. — Спасибо, Дима, — кивнула с благодарностью. — И прости меня за это... — как-то виновато повела свободной рукой.

— Все нормально, Мария Ивановна, — отмахнулся Дмитрий, забрав у нее стакан, наверное, чтобы не повторил судьбу первого. — У вас как раз адекватная реакция. И я знаю... как вы его любите. Как и он вас, — он ободряюще улыбнулся, словно тоже старался поддержать.

Маша улыбнулась искренней.

— Добудь ей чего-то перекусить, наверное. Может, фруктов каких-то, — наблюдая за всем, попросил Дмитрия ее брат.

Охранник кивнул. И отошел, отдав распоряжение помощникам в коридоре. Да так у двери и остался, тем не менее не выпуская Машу из поля зрения.

— Вот видишь, уже недолго осталось ждать, — тем временем негромко продолжал успокаивать ее брат. — Еще немного, и пойдешь к нему. Убедишься, что все нормально, — разговаривая, он увлек ее в сторону дивана, с которого Маша вскочила, когда истерика началась.

Усадил, сам рядом пристроился, явно не собираясь Машу оставлять наедине с самой собой. Хотя ей полегче вроде стало, да и поспокойней. Пока, минут через пять, наверное, не вспомнила о другом.

— Коля, — подняла на брата тяжелый взгляд. — Это Петя все устроил, да?

В комнате на несколько мгновений повисла тишина, пока ее брат обменивался взглядом с Дмитрием, словно бы без слов советовался с охранником, что и сколько ей можно сказать. Потом Коля вздохнул и ответил прямым, хоть и не менее вымученным взглядом:

— Даже если он сам физически в этом не участвовал, а это скорее всего, сама понимаешь, до такого не опустится, то заказал или санкционировал точно он. Мне за десять минут до взрыва информацию передали, что нечисто что-то, старые знакомые. Я тут же Олега набрал, чтобы предупредить... Как раз с ним по телефону говорил, когда... — Коля замолчал, с какой-то опаской вновь смерив ее взглядом.

Может, опасался, что у нее это новый приступ истерика вызовет?

— Вероятно, его это и спасло, что он задержался, разговаривая с вами, — неохотно вмешался Дмитрий, словно бы тоже сомневался в том, сколько ей открывать информации. — Пока рано делать выводы, но есть предварительное заключение, что если бы он дернул дверь со своей стороны — взрыв был бы мощнее и точно никто не выжил бы...

Мужчины замолчали. Маша тоже не торопилась пока ничего говорить — словно бы обессилела после своей истерии. Зато вот думать стала как-то яснее и четче. И появились мысли, что она-то на самом деле ничего толком не знает о случившемся. Никто ее в детали не посвящал. И что значит фраза Дмитрия: «точно никто не выжил бы»? Значит, имелись и жертвы? Сколько и кто?

Подняла голову, оценивающе смерив глазами Дмитрия. Тот этот взгляд поймал и словно мысли уловил. Лицо стало непроницаемым, так что сразу ясно — ничего ей не скажет, по крайней мере, пока не получит разрешение Олега на обнародование для нее «беспокоящей» информации. Даже пытаться выяснить не стоит...

В этот момент все перекрыло другой мыслью: «Господи! Главное, что есть у кого это разрешение спрашивать! Что живой. Все остальное — перенесет и выдержит!»

С губ вновь сорвался какой-то прерывистый измученный вздох.

— Маша, — тут же «полушутливо» одернул Коля, — не смей снова в истерику впадать. Я слезу за тобой, — и брат с весельем, которое, возможно, давалось ему так же непросто, сделал характерный жест рукой «слезки глаза в глаза».

Маша рассмеялась. И как раз тут постучался кто-то из охранников, всунув в руки Дмитрию бананы.

— Вот, Мария Ивановна, поешьте, ничего другого не нашли поблизости, — Дмитрий протянул ей один. — А вы же с утра ничего не ели, даже в той кондитерской... — в его взгляде

промелькнули отголоски злобы, видно, про ее невестку вспомнил. Но слова резонные.

Маша кивнула в сотый, кажется, раз.

— Спасибо! — поблагодарив, аккуратно очистила, отломив себе кусочек, и только начав жевать, поняла, что в самом деле прилично голодна.

Все эти встряски истощили ее резервы основательно. Разговор больше особо не клеился, телевизор, висающий на стене, даже мысли не было включить, все напряженно ждали хоть каких-то новостей с этажа выше. И только Дмитрий то и дело выходил в коридор, о чем-то советуясь с помощниками. Но всегда при этом оставляя дверь открытой и не выпуская ее из поля зрения.

— Бдительный он, — хмыкнул Коля, наблюдая за этим, — даже мне не доверяет.

— У него распоряжение Олега на этот счет, — отмахнулась Маша. В связи... со многим. Да и Петр... тоже же брат... — тяжело выдохнула.

— И то верно, — не спорил Коля, помрачнев. Погрузился в какие-то свои мысли.

Так и сидели, пока на пороге комнаты ожидания не появился врач. Осмотрел всех не особо одобрительным взглядом, после чего, остановившись глазами на Марии (видно, заранее проинформированный Димой, кто есть кто), махнул ей рукой:

— Пойдемте, Мария Ивановна, он вышел из наркоза, уже можно.

Она тут же подскочила с дивана, да так резко, что голову повело. Благо Дима оказался близко, да и Коля тут же подстраховал сестру. Улыбнувшись им с благодарностью, Маша крепко вцепилась в руку своего охранника, и ... буквально потащила его по коридору к лифту следом за врачом.

Так, что Дима даже пару раз напомнил, что ей вряд ли стоит бегать сейчас. Может, и прав был, да у нее выдержки не хватало идти медленнее.

Глава 22

А когда в палату влетела — словно споткнулась на пороге. Дима пока за дверью остался, сказав, что там ждать будет. А Маша рванула... и остановилась почему-то: растерялась от этих белых стен, пищущих мониторов, на которых что-то мигало, от писка и множества совершенно неясных для нее, тревожащих звуков. И кровать посреди этого всего, где простыни со стенами белизной сливаются. Бинты, поручни, какие-то лампочки... Совсем ее с толку сбilo. Моргнула, даже прищурилась, жадно всматриваясь в любимого и при этом понимая, что толком ничего не видит — глаза вновь слезами затягивает.

— Машенька! — тихо, хрипло, напряженно, с рваными вздохами. На пределе сил и эмоций...

Голос Олега будто толчок, встряхнул, подтолкнул ее с места. И взгляд — глаза в глаза — за который словно «ухватилась», зацепилась умом, душой, как за путеводную нить... Точно как когда-то при первой встрече, и уже только на глаза Олега и ориентировалась в жизни.

Сама не поняла, как преодолела эти несколько шагов, и буквально рухнула на стул у кровати. Протянула дрожащую руку, но так и не решилась ничего коснуться, дико опасаясь ему боль причинить. Сжала свои пальцы в кулак. Но не выдержала, уткнулась лицом в ладонь Олега,

лежащую на простыне. Едва ощутимо касаясь губами... кожей к коже, чтобы его тепло чувствовать, слыша пульс, всеми фибрами впитывая в себя это понимание — жив! Все равно предельно осторожно, дико боясь придавить, жадно вслушивалась в тяжелые натужные вздохи.

«Перелом ключицы, раскрошилась, ее и восстанавливали так долго на операции... Сотрясение, но вроде не особо тяжелое; кровотечение, которое вовремя успели остановить, не самая большая кровопотеря; «ушиб» грудной клетки и легких ударной волной, несколько трещин на ребрах...» Это врач ей по дороге сюда коротко его травмы перечислил. Сказал, что если бы охранник не дернул на землю, прикрывая собой, не спасли бы...

— А этот охранник? — обернулась тогда Маша на Диму, испытывая прилив дикой благодарности к человеку. Да, тот свою работу выполнял, и все же...

— Еще оперируют, — вместо Дмитрия ответил врач тяжелым голосом. — Там все сложно...

— Не волнуйтесь, Мария Ивановна, мы своих не бросаем, обо всем позаботимся, лучшее получит, — заметив, наверное, и распахнувшиеся глаза, и ее закусенные губы, поторопился тихо заверить Машу начальник охраны.

— Дима, кто-то погиб? — все же рискнула спросить у него, летя по коридорам следом за врачом.

Охранник на несколько секунд отвел глаза, помолчал, кажется, сжимая зубы.

— Водитель. Тоха... На месте. Ничего уже не смогли сделать, — отрывисто и резко, но все-таки ответил. И в каждом слове было слышно, что для него это личная потеря. Явно давно работали вместе и дружили...

Все что Маша могла в этот момент, это крепче пожать его руку, за которую так и держалась на протяжении всей дороги. Но ее мысли, душа и сердце были переполнены болью и волнением за Олега.

— Душа моя, не плачь, Богом прошу! Мне от твоих слез больнее, чем от всех этих чертовых царапин, — все так же хрипло, однако явно пытаюсь скрыть, насколько ему непросто держать этот ироничный тон.

Пальцы Олега слабо дернулись, когда он попытался погладить ее щеку.

А Маша непроизвольно рассмеялась, хоть и сквозь слезы, которые в самом деле самовольно струились по лицу. «Царапины»...

— Любимый мой, — все-таки всхлипнула, сильнее прижавшись губами к его пальцам. — Олег...

Не могла сейчас говорить. Не хватало ни сил, ни дыхания, ни слов, чтобы передать то, что в душе пульсировало, разрывая грудную клетку на части. Повернула голову, глянула ему глаза в глаза, продолжая щекой лежать в его пригоршне.

И он ей в глаза смотрел. Так, что обоим те слова и не нужны были! Во взглядах читали все, душами говорили...

— Ты — моя жизнь, Олег, — хрипло прошептала Маша, целуя его пальцы, покрытые ссадинами и кровоподтеками, запекшимися корками крови. — Без тебя ничего не нужно, хороший мой...

— Не говори так... — прохрипел Олег, пытаясь нахмуриться. А у нее в животе что-то сжалось при виде синяков и ссадин на щеках, бровь разбита, губы... А он ещё и ей свою серьезность показать пытается! — Не смей! Ты важнее... и наш ребенок...

— Нет, — всхлипнула, прервав его натужные, вымученные слова. — Молчи. Отдыхай. Мы все — равно важны... А без тебя... Это не жизнь, — выдохнула, на секунду прикрыв глаза, вновь вспомнив то, что разверзлось внутри, когда Дима сказал, что взорвалась машина... — Мука, любимый. Говорил, что не вынесешь, если я... — не позволила ему вмешаться, едва ощутимо нажав пальцами на губы Олега. — Так и я не выдержу, запомни...

— Ты сильная... Спецназ позавидует, помнишь? — не обратив внимания на ее попытки облегчить ему состояние, вновь вытолкнул из себя Олег.

Он еще и иронизировать над ней пытается? Рассмеялась и заплакала сильнее разом.

— Давай, лучше, в таком контексте мою выдержку не проверять, пожалуйста, — попросила, вновь уткнувшись губами в его ладонь.

А Олег обхватил ее лицо своими пальцами так, как мог только в своем нынешнем состоянии.

— Люблю тебя... душа моя... — она каждой своей клеточкой ощущала, как ему тяжело разговаривать, умоляюще смотрела, словно прося побережись теперь, а Олег все равно ее не слушал.

И видно же, что устал, глаза едва открытыми держит. Только-только же операция закончилась... Одно слово — губернатор.

— И я тебя, Олег. Люблю... — поцеловала его пальцы, заметив, что нити нет. Видно, врачи срезали, или во время взрыва...

Не важно сейчас, главное — жив, несмотря ни на что. Значит, все сработало.

— Отправляйся домой с Димой. Не вздумай тут торчать, — уже не шепот даже, едва слышно, а все равно командует. И так сурово глянул сквозь ресницы, явно стараясь не поддаться сну. — Толку здесь быть... я вырубаюсь... а тебе в комфорте лучше, чтоб самой легче...

— Хорошо, — не спорила с ним сейчас. Да и прав любимый — не дело ей, скрючившись, сидеть в интенсивной терапии, тем более что это может и на ребенка повлиять...

Как бы внутри все ни протестовало при мысли, чтоб Олега здесь одного оставить. Но у нее сейчас и еще одна душа на ответственности есть...

— Что Леха? — уже с хрипом, Маша даже не сразу поняла, что он про Алексея, который был с ним, когда рвануло.

— Не знаю, хороший мой, сейчас выясню, расскажу тебе, — поцеловала вновь его ладонь, просто боясь еще чего-то коснуться, чтобы не причинить ему лишней боли.

В этот момент на пороге палаты появился врач, без слов, но весьма выразительно демонстрируя, что пациенту пора бы отдохнуть и не подрывать и так сейчас некрепкое здоровье.

— Иди, — одними губами велел Олег, напоследок погладив ее щеку. — Диму мне пришлешь...

На минуту, док, — добавил хрипло, когда врач только открыл рот, чтобы запретить. — Мы быстро. Без него не уходи, — напоследок покрепче сжал ее ладонь, хотя где те силы взял только?

— Не перенапрягайтесь. И так вас по кускам собирали, Олег Игоревич, — недовольно заметил врач, но не запретил все же.

Маша поднялась. Как от корней себя отрывала, отстраняясь от его пальцев, если честно. Почти физически больно. Не хотела его одного оставлять! Но Олег был прав. Еще на долю секунды задержала ладонь, касаясь теплой кожи. Прошептала «люблю» губами. И вышла.

— Он с вами поговорить хочет, Дима, — тяжело привалилась к стене.

Начальник охраны кивнул, подал какой-то знак остальным парням, которые тут же встали около нее, а сам вошел в палату. Находился он там в самом деле недолго, Маша едва успела выяснить у врача, что Алексея только закончили оперировать и вот-вот тоже переведут сюда. У прокурора травмы оказались серьезней: несколько пальцев на руке оторвало взрывом, плюс внутренние повреждения, но сейчас жизни ничего уже не угрожало.

— Спасибо, — искренне поблагодарила Маша врача, увидев, что Дима появился на пороге палаты. — Его родным сообщили?

— Не знаю, не в курсе, я этим не занимался, — покачал головой хирург.

Было видно, что он устал и явно измотан непростой сменой.

— Хорошо, я выясню, позвоню его дочери, — кивнула Маша, завершая разговор.

Насколько она знала, Алексей находился в разводе и с бывшей женой практически не общался, а вот с дочерью, которая уже была совершеннолетней, поддерживал очень теплые отношения. Она сейчас училась на юриста. В том же университете, который когда-то окончила и Мария.

— Домой, Мария Ивановна? — Дмитрий остановился в шаге от нее.

Вроде и спросил, а в то же время дал понять, что у него четкие указания и он ее доставит домой в любом случае.

— Поехали, Дима, — не спорила Маша, ощущая дикую, придавливающую к земле усталость.

Видно, сказались все нервы и волнения, которые испытала за несколько последних часов. Тихо пошла рядом с охранником, набирая сообщение Коле, чтобы узнал о родных Алексея. Но стоило спуститься на этаж ниже, как они вдруг очутились в такой кипучей и громогласной толпе полицейских, следователей прокуратуры, службы безопасности и репортеров, что Маша сбилась с шага. Ошеломленная, замерла, осматриваясь, словно ребенок, потерявшийся в шумном и незнакомом месте.

— Давайте сюда, Мария Ивановна, — Дмитрий подхватил ее под локоть, а ещё один охранник быстро начал проталкиваться, освобождая им дорогу в боковой коридор. — Все, кому мы нужны, нас найдут, а тут вам точно задерживаться и толкаться не стоит. Без толку.

Маша не спорила, все еще через плечо оглядываясь на эту толпу и гомон. На них обратили внимание: одного из следователей она даже знала — кивнула, здороваясь. Поглядывали в их сторону и репортеры, но никто, в самом деле, не стал задерживать. А Маша только сейчас,

увидев эту суматоху, в полной мере осознала масштаб... Раньше не до того было: страх за жизнь и здоровье Олега затмевал все остальное, сужал сознание до единственного человека в целой Вселенной. Теперь же пришло опустошающее осознание, придавившее ее к земле. Это же не просто нападение или личная месть, даже если Петя так думал или понимал изначально, хотя и от этой мысли ее бросало в ледяную дрожь, а душу охватывал ужас из-за поступка брата. Нет. Слишком много интересов и людей, целые кланы вдруг втянуты оказались и задействованы. Это война. И самые дорогие ей люди — в эпицентре...

Верный своим решениям, Олег пытался держать ее в стороне. И целых четыре дня Маша даже делала вид, что позволяет ему подобное. Она не спрашивала у Дмитрия о том, что происходит и какие действия они предпринимают (а вот в том, что действуют, даже не сомневалась). Не разговаривала на эту тему с Олегом — ей и без того было больно видеть, как непросто ему: этот упрямый мужчина даже в таком состоянии умудрялся обсуждать рабочие вопросы, решать авралы и отчитывать подчиненных! Она же просто повязала ему новый оберег на следующее утро и пыталась вразумить, но вот тут Олег как раз попросил ее помощи в чтении отчетов, документов, договоров и актов, попросив присутствовать при его «разговорах» с подчиненными... Разумеется, врачи противились подобной активности (и она их искренне поддерживала в этом!), но против воли и умения уговаривать Горбатенко даже они не устояли — позволили несколько встреч в день. Коротких, чтобы не ухудшать состояние. А он и ее умудрился втянуть в это! Ну а как Маша могла отказать?

И при этом Олег всем своим видом показывал, что вопрос покушения на него ее беспокоить не должен.

Как он это себе воображал — Маша слабо понимала. В конце концов, к данному взрыву был причастен ее брат... И она просто не могла сделать вид, что ничего не было. Не тогда, когда смотрела на любимого и видела следы проявления той ненависти к Олегу, которую Петр никогда и не думал скрывать. Сейчас эта ненависть переметнулась и на нее, похоже.

Брат на ее звонки не отвечал, как и невестка, кстати. Игнорировали все сообщения от нее. Хотя она точно и не знала, о чем бы говорила с братом... Нет, правда, ну спросит: «это ты пытался взорвать мужчину, которого я люблю?» И даже если Петр ответит «да»... что Маша сделает?

Да и знала она ответ, и вроде бы давно не ждала от старшего брата ничего... а все равно внутри было больно. Настоящее предательство... А она ещё и от Олега пыталась утаить свои эмоции и постоянный позитив демонстрировать, лишь бы ему лучше было, чтобы поправлялся скорее, и настроение не ухудшать.

Однако любимый все заметил, разумеется. Потому ее в стороне от расследования и держал, видимо. Прекрасно понимал, что Маше непросто. Вот и приходилось обходиться выпусками новостей да «официальной» версией: будто бы любимый «ничего не предпринимает, пока из больницы не выйдет». Маша в такое не верила, слишком хорошо зная мужчину, которого любила.

В свою очередь, Олег это знал, так же прекрасно понимая ее саму.

Патовая ситуация, усиливающая ее нервозность и напряжение, изматывающая тогда, когда и без всех этих тревог было о чем думать: Олегу помогать, о своем здоровье не забывать, понимая, что не только о себе уже заботится.

Собственное посещение врача она перенесла — не хотела без Олега ехать. Да и Алена сказала,

что критичного ничего не случится, если отложить на неделю, пусть только анализы сдаст, раз уж и так все время с Горбатенко в больнице, чтоб уж точно были уверены. Маша все выполнила. Результаты пришли положительные, окончательно развеяв сомнения, хоть тех у них и так не имелось вроде бы... А Мария заметила, что это как-то по новой вдохновило и воодушевило Олега. Он словно бы духом воспрянул, а может, совпало так, но стал активней и деятельней, да и выматывался уже не так быстро. Врачи замечали явное стремление пациента как можно скорее выйти из палаты.

А вот ночи обоим давались очень тяжело. Как-то странно и дико уже казалось спать в одиночестве, не ощущая привычное и размеренное сердцебиение любимого рядом. Да и он так смотрел по утрам, до дрожи сжимая ее пальцы в своей ладони...

Маша также несколько раз заходила к Алексею. Прокурор, с которым она ранее общалась только по работе, да на общественных и профессиональных мероприятиях пересекалась, неожиданно стал ей близким. Потому что Маша узнала, что он и с Олегом крепко дружит, насколько бы странной ей поначалу ни показалась такая дружба. Да и общая боль в последней ситуации — сроднила. Дочь Алексея откликнулась на звонок Маши и регулярно забегала к отцу, но ведь не могла находиться при нем постоянно! А Мария все равно целыми днями в клинике, вот и старалась помочь и ему с решением всех вопросов, которые так или иначе возникали, учитывая характер травм Алексея. Ну и просто, по лечению, когда врачи говорили, какое лекарство необходимо приобрести. Олег дал ей полное «добро» на это и даже попросил прокурировать то, что сам сейчас не мог.

Так пролетело пять дней, пока Маша как-то не вошла в палату, где Олег как раз с Димой разговаривал. Вроде и не внезапно, и знали они, что она вот-вот вернется, а как-то не успели завершить «свои» разговоры.

— ...Эти файлы передашь Фоменко, он знает, как их грамотно раскрутить и преподнести так, чтоб от репутации Коваленко камня на камне не оставить. Скажешь, пусть постепенно начнет вбросы в эфир делать...

Олег умолк, едва увидел ее, замершую на пороге. На секунду в его глазах мелькнуло что-то, заставившее сердце Маши болезненно сжаться, словно бы вина... Но после он прищурился, всматриваясь в нее, и это впечатление развеялось. Дмитрий тоже глянул с каким-то удивлением. Может, кто-то из охраны прошляпил и не сообщил о ее приближении? Вот они и прокололись...

— Свободен, — не продолжая и не завершая, велел Олег.

Дмитрий, ни слова не возразив, кивнул и молча вышел из палаты. А любимый продолжал пристально всматриваться в нее, что-то выискивая. Только Маша не знала, как реагировать. Так и стояла на пороге, пропустив Диму. Но вглубь палаты не зашла. Не потому, что была возмущена действиями Олега или разозлилась. Скорее остро поняла — затишье окончилось, и она лицом к лицу очутилась перед точкой, в которой начнет решаться... или рушиться все, привычное ей ранее.

Глава 23

— Душа моя... — голос Олега заставил ее вздрогнуть.

Слишком много всего в нем слышно ей было: и та самая придавленная вина, огромная любовь к ней и явное беспокойство о том, что задеваются чувства и интересы Маши... Но и твердая

уверенность, четкое намерение — не отступит.

Господи! Как же надо настроиться на человека, чтобы ощутить и услышать все эти полутона и нюансы?! Или просто Маша и сама все слишком хорошо знала, обдумывала и анализировала исподволь, понимая ситуацию и мужчину, который стал частью ее самой?

Есть для нее разница? Наверное, уже нет.

— Ты не могла не понимать, что я этого нападения просто так не оставлю. Даже не мечь... — он умолк на секунду, переводя дыхание. — Я должен так сделать, Машенька. Если бы и попытался как-то замять ради тебя, меня бы свои не поняли. Слишком сильные люди надо мной, и их немало. А тех, кто подо мной — еще больше. И всем им я должен показать, что тоже сильный. И такого не спущу. Я должен ответить. Да так, чтоб больше неповадно было, — хрипло, все ещё с некоторым трудом, проговорил Олег, видимо, по — своему истолковав ее молчание.

И прав был во всем. Да и Маша на здравость сознания не жаловалась. Каждый день видела проходящих и уходящих людей: детективов, следователей всех служб, которые только возможны, казалось. Расследование велось на всех уровнях: и официальное, для прессы и народа, и «для своих» — где все заинтересованные гораздо глубже и дотошней «вгрызались» в детали и нюансы.

Даже с ней пару раз разговаривали следователи. Правда, только после разрешения Олега и в его присутствии, чтобы «не волновать» Машу. В остальном же Дмитрий строго следил, чтобы охрана не подпускала к ней ни репортеров, ни ещё кого-то иного на расстояние, приемлемое для разговора. Маша словно в «своем» мирке находилась все это время, куда только отголоски творящегося вокруг долетали. И хоть она умела делать выводы и из такого скудного материала — сейчас не жаловалась и не пыталась, не требовала ничего. Даже курацию приюта пока с себя сняла, передав другим, и ее поняли. Здоровье Олега было для нее важнее, занимая все мысли и чаяния.

А остальное — жизнь у них такая. И для Марии это не стало открытием.

Николай еще часто приходил, кстати: и ее морально поддержать вроде, балагурил, шутил и вносил веселую, легкомысленную суматоху так, как только он и умел. Однако и с Олегом они то и дело шептались, отправляя ее куда-нибудь под благовидным предлогом. Маша даже делала вид, что верит, в глубине души слишком радуясь, что хоть один брат у нее — действительно «родной». Не по крови или воспитанию, а потому, что не пошел войной, поддержал и не отвернулся.

Еще с Алексеем, как только оба более-менее в себя пришли, Олег постоянно созванивался, решая те вопросы, которые ей раскрывать не хотел...

Слишком много пластов и ветвей властей в одном этом взрыве «спаялись» в клубок, словно комки из нитей пластмассы, которую они в детстве с друзьями плавил на кострах, разжигая ветки в парке. Том самом, где Олег ей нередко встречи назначал. Пластмасса всегда горела противно. С вонью и гарью, которую потом с рук было невозможно смыть. Грязно, липко и некрасиво... И не распутать такой клубок безболезненно, только рвать, резать...

— Я знаю, хороший мой. Понимаю, — так же тихо ответила она, все-таки подойдя к кровати. Села рядом.

Олег тут же протянул руку, требуя ее ладонь. И всматривался, вглядывался в ее лицо, в глаза,

точно что в душу этим взглядом пробраться старался. Она не противилась: и руку дала, и глаза не отводила. Только все ещё ощущала себя в той же заторможенной прострации. Словно со стороны смотрела на активно уже разворачивающиеся события, из-за толстого стекла. Вроде бы и масса эмоций, но все как-то приглушенно.

— Я не могу понять твою реакцию и это мне нутро разъедает, Машенька, — так и не перестав пристально ее изучать, вдруг тихо заметил он. — Знаю, что задеваю тебя такими действиями, что он — брат. Но...

Такое признание любимого ее немного встряхнуло.

Выдохнула.

Уткнулась в их руки, которые он крепко держал сплетенными. Кожа к коже ладоней, его грубоватая, еще шершавая от царапин и ссадин, из-за всех растворов, которыми врачи обрабатывали раны, и ее мягкая, тонкая; красная нить — к такой же нити на запястьях, из одного мотка.

Поцеловала его пальцы, а Олег ее на себя потянул. Ближе, теснее, так, что уткнулась лицом ему в плечо с той стороны, которая пострадала меньше. Уже можно вроде, легче любимому становилось.

— Я люблю тебя, — прошептала как есть. — И понимаю все, Олег. Тоже не дура и все это себе представляла. Мне больно и тяжело, только не ты в этом виноват, — повернула голову, посмотрев на него снизу вверх. — Противно, что Петя сделал такой выбор...

Провела пальцами другой руки ему по щеке, аккуратно и нежно лаская кожу. Прижалась на мгновение, то ли его согревая, то ли сама тепло его лица пальцами впитывая.

Почти как по утрам теперь, когда она бриться Олегу помогала... Такой дивный процесс для нее, в чем-то даже мистический: чисто мужской, казалось бы, ранее для Маши совершенно непознанный... а теперь поделила с ним, как и свою жизнь. Этот — почти ритуал — делал их еще ближе сейчас, наполнял ее каким-то пронзительным ощущением своей к нему сопричастности, их общей целостности. Те самые «в богатстве и бедности, в болезни и радости...» Во всем вместе, разделяя все, какие бы испытания ещё ни предстояли. Для Марии это настолько важно было и знаково!

Словно прочитав в ней все такие эмоции, Олег легко повернул голову и поцеловал ладонь Маши.

— Меньше всего в мире я хотел бы тебя расстроить или задеть, душа моя, — прошептал Олег, продолжая всматриваться, выискивая что-то в глубине ее взгляда.

— Знаю, — улыбнулась самыми кончиками губ. — Только меня это так или иначе зацепит тоже. Коваленко же. Да и Колю еще... Мы всегда поддерживали видимость целостности и общности семьи...

Олег резко мотнул головой, прерывая ее предположения.

— Я учел это. Да и Алексей просчитал, что можно в массы пускать. Вас мы по максимуму выгородим. Ты уже вообще — моя семья, и Коваленко номинально, только до тех пор, пока врачи меня за порог этой палаты не выпустят, — усмехнулся с шутливой угрозой.

Маша улыбнулась, поддержав его настрой. Хотя на душе все равно было нелегко и скребли кошки.

Вернуться домой Олегу разрешили еще через два дня, с условием каждый день пока являться на глаза врачам. Он не спорил. Да и сам был заинтересован в том, чтобы в максимально сжатые сроки встать на ноги. Леху вон оставили ещё на неделю минимум. Что, само собой, никак не мешало им решать свои вопросы в предельно сжатые сроки: мобильные и помощники для того и нужны. Самым сложным оказалось это все от Маши отдалить, сделать так, чтоб ее катком его гнева и «обратки» для Петра не задело. И не только потому, что ей слово дал. Сам меньше всего хотел бы задеть любимую. Не ей мстил. Да и для Олега она давно не была «Коваленко». Его женщина...

Тем не менее, для всех остальных Мария все же имела тесную связь с этой фамилией, и потому он не мог не учитывать такой нюанс. Потому что ее ремарка была справедливой: кампания, которую Олег развернул против Петра, проедет бульдозером и по репутации Николая, да и на карьере Маши может бросить тень.

Разумеется, Олег сделал все, чтобы минимизировать такие последствия и риски. Николай оказался весьма ценен как источник информации и фактов, да и как адвокат... Умалить степень его квалификации было бы глупо. Такого юриста весьма выгодно в своем штате иметь. От всего прикроет, из любой щекотливой ситуации найдет лазейку и выход, натасканный. А тут еще и личная обязанность, и новые семейные связи... Да и Алексей, с которым Олег сейчас тесно объединил усилия, ничего против конкретно Николая не имел.

А вот на Петра у него «зуб» появился.

— Кровные интересы лучше всего стимулируют, да? — Олег зашел перед выпиской к Алексею в палату, провести.

Прокурору еще не разрешали особо ходить, так, вокруг кровати и под контролем медперсонала. Так что он любому развлечению был рад.

— Да уж куда кровнее, пол руки оттяпало, — хмыкнул Алексей, явно соглашаясь, с тоской при этом поглядывая на правую руку, скрытую повязками. И это он ещё про остальные травмы не вспоминал.

Сказать по правде, то выглядел Леха не особо...

Хотя и сам Олег сейчас смотрелся... страшновато и дико. Как Маша выдерживала? Он немного стреманулся, когда вчера до ванной в палате дошкандыбал и в зеркало глянул — е-п-р-ст... А она его еще и обнимает, целует беспрестанно! И целыми днями рядом торчит, брится помогает, а то совсем бы зарос и в страшилище превратился...

Маша так заливисто рассмеялась, когда он это все ей из той самой ванной крикнул... (прохрипел, ага, кричать ему еще не скоро, очевидно). В общем, замяли вопрос — за грудиной горячо, блаженство просто. И уже без разницы, сколько всего и где именно в теле болит!

— Значит, готов мне всю информацию передать? — не озвучивая этих мыслей, поинтересовался Олег, наблюдая за тем, как Алексей пытается удобней в кровати сесть.

Видно было, что ему это уже осточертело. Как и вынужденная бездеятельность.

— Готов, — Алексей глянул на него исподлобья. — Наберешь моего помощника, скажешь, куда тебе папки подвезти по нашей троице. Я уже предупредил. Или сам пошли кого-то, бумаги передадут. Только держи меня в курсе. Я тоже участвовать хочу. Зарвался наш Верховный. Забыл, что якобы на стороне закона стоит, ударившись в такие разборки...

— Так и ты теперь по краю ходишь, с такими заявлениями и поступками, — беззлобно поддел Олег, зная, что Леха не испугается и не передумает. Да и не обидится.

— Иногда приходится, когда другие страх забывают. Кто-то должен их держать под контролем, — вроде тоже шутливо, но оба понимали, что юмором здесь и не пахнет. — Там по Шаховцу много интересного. Плюс, судя по данным, что парни за эти дни нарыли, за самой организацией — технической, так сказать, — стоит именно он. Так что с него можно начинать в плане официального расследования и разбирательства. К нему все ниточки ведут. Петр в этом вопросе грамотно поступил. Но и до него доберемся: Шаховец расколется, если надавить, не тот характер — не командный игрок. Предатель. И самому терять есть что, чтобы за судью глотку рвать. Однако пока...

— Пока я Петра через информационное поле доставать начну. Уже начал. Слухи, сплетни, скандалы. То, что у меня есть. «Журналистские расследования», без юридических доказательств, но шуму наделают предостаточно, — прервал друга Олег. — Хватит для того, чтоб его на дальнейший шаг спровоцировать.

— Понял, — кивнул Алексей. Поморщился, видно, что-то дернув этим движением в поврежденной спине. — Хорошо, тогда каждый начинает в своем поле. И держим друг друга в курсе.

Они теперь еще крепче «сблизились», оба это понимали. Этот взрыв их, да и ещё кучу людей, поставил по одну сторону. Что открыло перед Олегом многие двери, ранее недоступные из-за своих договоров и интересов: «этого не сдадим, самим нужен», «а вот сюда вообще не лезьте, наша сфера интересов»... Отговорки, знакомые и Алексею, и Олегу. Именно из-за них не мог до конца Шаховца прижать, с его наркотой, хоть и всем друг про друга все было известно. Но с этого Шаховца многие хорошие деньги имели. И пусть прислушивались к аргументам Олега, а «живой копейки» лишаться не хотели ни в какую. Вот и «воевали» по-тихому. Потому и с Петром на ножах... Что ж, теперь в открытую все пошли. Зато и у Алексея руки развязаны нынче, может снабжать не только информацией, но и реально делом помочь.

— Без этого никак. Мы теперь в одной связке и нам их надо прижать, — согласился Олег, поняв, что другу уже утомительно держаться и делать вид, что железный. Пора отдых дать.

Да и сам еще не то чтобы в форме для долгих разговоров, о чем тоже не трезвонил и не говорил откровенно. А то только заикнись, и Маша все сделает и всех подключит, чтобы его вновь уложить и обездвижить... Для пользы Олега, конечно. И он это понимал. Однако слишком много дел, которые необходимо срочно порешать. А ей волноваться не стоит.

— Ладно, я пошел, я то ещё подумают, что мне здесь понравилось, и вновь на лечение определят, — усмехнулся Олег, тяжело поднимаясь со стула. Не справился бы, пришлось опереться на стену. — А дела не ждут.

— Давай, — согласился Алексей, с такой же тяжестью откинувшись на подушку. — На связи.

Олег кивнул, медленно, но упорно заставляя себя переставлять ноги в направлении двери. Там, в коридоре, его ждала Маша. И еще куча охраны, понятно. Но он-то к ней шел. Потому и сил хватало. И сейчас, и раньше...

Им с Алексеем обоим крепко досталось. Был даже момент, когда ему казалось, что не выдержит. Помнил, как его по больничным коридорам везли — боль такая, что череп разрывало. И грудную клетку на части. Вдохнуть не мог, реально задышался, потому что невыносимо сделать вдох, не может себя заставить через эту боль... А одной мысли о Маше, о том, что она должна будет вынести, если Олег сейчас руки опустит и тихо подохнет, сдавшись на милость разрывающей его боли, — хватало, чтобы за жизнь цепляться и дышать этими треклятыми отбитыми легкими! Не может он ее через такое провести... Защитить и оберегать клялся. И собирался за каждую букву ответить. Вот и делал это, сжав зубы и молча матерясь про себя. А для нее улыбаясь и даже расправляя спину и плечи, несмотря на то, что ребра ныли немилосердно.

— Как он? — Маша оказалась рядом, стоило Олегу выйти из палаты.

Обняла типа, а на самом деле пытается перетянуть на себя часть его веса, «плечо» подставляла... Душа его... Против воли Олега пробило на улыбку. Хотя ему в самом деле было сейчас паршиво. И если уж даже Маша это просекла — видно совсем х*рово, — не мог прятать. Только что ж он, на нее наваливаться будет своей массой? Куда? Едва-едва в какое-то чувство саму Машу привел и так, снова на нервах истаяла, снова пичкать и пичкать едой. А ещё и беременная же...

Хорошо, Дима тоже это все заметил, встал рядом с другой стороны, ненавязчиво так, дав возможность Олегу часть веса на его плечо перенести, опереться.

— Нормально. Идет на поправку, — стараясь незаметно выдохнуть сквозь зубы, он крепче прижал любимую к своему боку, делая вид, что ему очень легко двигаться к выходу. Раз плюнуть...

Маша не верила, он по глазам видел. Но только молча губы кривила. Не хотела перед охраной его действия сомнениям подвергать, видимо, выставляя упрямым идиотом, отказавшимся до машины на коляске доехать...

Господи! Как же он любил эту женщину!

Не удержался, прижался на мгновение губами к ее волосам с обожанием... Заодно и дыхание перевел, остановившись на секунду. Дмитрий тоже замер впритык. Остальные охранники в шаге.

— Алексей толковое что-то даст? — тише спросила Маша не торопя — видно, и тут поняла, что его заставило тормозить.

— Уже, — выдохнул кратко и сквозь зубы, чувствуя, как разнылись ребра. Хуже зубной боли, ей-Богу, и не сделать же ничего, не век же ему сидеть на обезболивающих. Терпел. — Вернемся домой, пошлю Диму за документами. Да и люди его в оборот Шаховца возьмут, завтра-послезавтра устроим хорошую встряску...

— Ясно, — Маша все-таки ухватила его за пояс, надавила руками, будто так уговаривала Олега на нее вес перенести. А голос напряжен...

Все равно ждет, что там с братом будет. Хоть и говорит, что все понимает. И у самой к нему счет за полжизни скопился... Да и на самом деле в курсе всего, он это хорошо знал. Только вот этот дрожащий полутон в голосе и напряжение в глазах, которое от него прятала, — ему кишки наружу вытаскивали. Фиг разберешь, что больнее: реальная боль во всех травмах и

ранах, или это понимание, что ее цепляет своими действиями. И по хр*ну, что выбора у Олега нет. Да и допек Петя сильно. И Маша говорила, что прав он...

А все равно, все равно, блин!

— Машенька...

— Поехали домой, хороший мой, — не дала ему ничего сказать. Тоже на ходу секла, что у Олега на уме. Стрельнула глазами из-под бровей и тут же спрятала взгляд, продолжая его обнимать. — Я же чувствую, что уже вымотался. Пожалуйста... — тихо.

Ладно. Потом.

Да и то верно, не в коридоре больницы такие темы обговаривать, не тогда, когда и ей, и ему каждое слово — как гвозди под ногти. Все по живому и без наркоза.

Семья — это всегда важно и остро, даже если она свой выбор в пользу «их» семьи сделала. Кровь просто так из вен не спустишь и новой не накачаешь. А ведь на него ещё куча всего и всех со всех сторон давят и действий требуют. Олег и так пару дней тормозил, списывая на самочувствие, а сам втайне надеясь, что Петр, поняв свой промах и провал плана, оценив масштабы случившегося — тихо свалит за границу и заляжет...

Но нет. Остался, и даже продолжал что-то мутить. С одной стороны — даже уважал такую позицию. С другой — лишил Олега выбора. И это было ясно всем.

Глава 24

Журналисты развернулись в полную силу. А может, им и дали такое указание, но информнаступление было полномасштабным. Как только первый сюжет о возможных схемах прикрытия и «крышевания» преступников судьями, разработанными Коваленко-старшим, появился в эфире — зашевелились все. Даже стимулировать никого было не нужно.

Другие каналы, чувствуя возможность и увидев способ поднять рейтинги, подхватили эту тему. Начались новые сюжеты, расследования, обсуждения в прайм-тайм на центральных каналах.

Разумеется, все не просто так. Да и Маша понимала, что Олег заручился серьезной поддержкой всех вышестоящих, и средства к этому прилагал. Потому что просто так подобное в эфиры не пропускали, никто не хотел бы лишиться лицензии на вещание. Не такие титаны медиа-формата, которым есть, что терять. Это вам не крохотные, наполовину незаконные интернет-издания. Здесь все продвигали «по — взрослому».

А Маша даже с каким-то ужасом наблюдала за происходящим со стороны, просматривая эти сюжеты и читая новости, хоть Олег и просил ее как можно меньше погружаться... Но как она могла игнорировать? Это же ее брат... А Маша и трети не знала обо всем этом. Ничего практически... Каналы сбыта наркотиков, покрытие торговли контрабандными товарами, да и просто «расценки» на принятие «нужного» приговора, независимо от того, справедливым тот оказывался или нет.

Сколько же реальных преступников было оправдано и просто защищено от суда еще на этапе предварительного расследования, благодаря связям и влиянию Петра, через этот... она не могла придумать даже название. Целая структура — синдикат, где каждый имел огромные доходы... Собственная «мафия»?

Мысли, мысли, догадки, которые не давали нормально спать ночами и бередили душу, заставляя мучиться терзаниями совести.

Сама раньше глаза закрывала и «отворачивалась»? Догадывалась же, но не позволяла таким подозрениям и мыслям до конца оформиться. Говорила себе, что не может все быть настолько серьезно. Чересчур верила в них, считая лучше, чем свидетельствовали все прямые и косвенные «улики»? Или же сама малодушничала... Возможно, просто не желала погружаться в дела братьев и оказываться перед выбором своих дальнейших решений и поступков. Сейчас же некуда было отступить.

Мария поговорила с Колей. Против этого был и Олег, да и сам брат не особо жаждал посвящать сестру в нюансы. Оба давили на ее состояние и необходимость как можно меньше нервничать, оба пытались убедить, что лучше бы Маше не вникать. Но она теперь просто не могла оставаться в стороне... Правда, когда слушала скупые и неполные ответы брата на прямые вопросы, казалось, что лучше бы и не спрашивала. Жила бы и дальше так, как до этого...

— Коля, зачем? — просто понять пыталась их логику, мотивы, что ли. Сама мысль о том, скольким виновным они помогли уйти от наказания и суда, — повергала ее в ужас. И ведь не только мошенникам каким-то или ворам... — Чего вам мало было?

— Это ещё дед с отцом начали, Машунь, — вздохнул брат. Он не оправдывался и не пытался себя выгородить. Говорил как есть. — Да и не мы одни, сама знаешь. По закону работая, того, что у нас было с детства, — не заработать. И среди круга нашего особо нуждающихся не найдешь, — хмыкнул с сарказмом. То ли над самим собой, то ли над всей системой.

— Они начали, но вас же никто не заставлял... — от бессилия руки сжала, заламывая пальцы.

Точно что зря разговор завела! Одно дело предполагать, пусть и с объективными данными, и совсем иное — от родного человека это слышать «глаза в глаза».

— Не все так просто. Да и с деньгами всяко лучше жить, как ни крути, — Коля отвернулся, рассматривая что-то, известное ему одному за окном. — Сама об этом не думала разве? Ведь выросла, имея все. И это не официальная отцовская зарплата нам так жить позволяла... — вновь на нее глянул.

Маша промолчала. Потому что правда. И думала об этом уже не раз. Да и братьям никогда не мешала... Коля не давил, поняв ее эмоции, на другое переключился.

— И для нас это нормой было, Маш, — Коля глянул исподлобья. — Отец начал в курс дела вводить, еще пока мы в университете учились. Да и Петр быстро разобрался, мне рассказывал... Мы росли в этом, Маша. Норма жизни в семье. А вот ты как такой вышла — загадка, — попытался в юмор уйти.

Только ей вообще смешно не было.

— Я же младше вас всех, да и девочка, — хмыкнула, чтоб просто тон поддержать. — Как ни крути, а отец уже не так меня привлекал к подобному.

— Ну да, больше рассчитывал тебя удачно замуж выдать, видно. Не предполагал, что ты так упорно и настойчиво станешь доказывать, что не хуже остальных Коваленко в юридическом деле. А ведь доказала же, — Коля потрепал ее по щеке. — Как чувствуешь себя, кстати, мама моего будущего племянника\племяшки? — тут же спросил, взглядом дав понять, что прошлую

тему закрыл навсегда и ей в это глубже лезть не стоит.

Да она же и не влазила никуда: честно и послушно сидела дома по большей части, под бдительным присмотром толпы охранников. Даже на работу не ездила сейчас. Отменила все назначенные сделки, отложив пока мысли и о карьере, и о том «как оно дальше все будет». Целиком и полностью сосредоточилась на настоящем.

А если и выбиралась куда-то, то только с Олегом, как в ту же больницу, на прием к гинекологу — чтобы уже точно быть уверенными, что все протекает и развивается нормально. Оба тогда на пару часов расслабились, как-то перевели дыхание, что ли.

Редкие сейчас минуты умиротворенной радости, когда пальцы переплетены и внутри все от осторожного, но такого острого счастья сжимается! У Марии против всякой воли слезы на глаза наворачиваются, и Олег смотрит с таким обожанием, что горло сжимает от силы эмоций, которые просто ни с кем делить не хочется! На какой-то миг, казалось, его даже отпустила боль и усталость. Рано начал активность проявлять, как ни крути, нормально бы в больнице отлежаться.

Но кто ее слушал? Не Горбатенко, уже вовсю погружившийся в работу. А тут словно бы разом скинул с плеч все то напряжение, что и во время сна не отпускало, добавляя Маше тревоги за любимого.

А в тот момент... Все хорошо у них было: беременность шла своим чередом, несмотря на волнения и тревоги реальности. С определением пола ребенка не торопились, чтобы не ошибиться из-за раннего срока.

— Точно знать не хотите? — как-то хитро глянул на них врач.

— А вы гарантию даете? — Олег кривовато улыбнулся, но его взгляд почему-то показался Маше немного напряженным. Заставил ее внимательней всмотреться в любимого, отвлечься пока от будущего ребенка.

— Нет, — врач даже рассмеялся от тона губернатора. — Но я еще не встречал пар, которые бы хоть как-то не пытались это выяснить при первом же посещении. Вроде и отрицая, а сами вопросами и подковырками стараются хоть намек из меня выжать.

— Мы подождем, — уверенно заявил Олег, взяв ее ладонь в свою. — Лишь бы здоровый ребенок и с Машей все нормально.

— Разумный подход, — одобрительно кивнул врач, вернувшись к заполнению карты.

А Маша, продолжая всматриваться в любимого и пытаясь понять, что стоит за его сосредоточенностью, вдруг почувствовала, как Олег легко провел пальцем по нити, что сам по ее просьбе и завязывал у нее на руке. Точно так, как она вечно у него на руке этот оберег проверяла...

И ее осенило! Не хотела вроде, а расплылась в улыбке. Наклонилась к любимому ближе:

— Хороший мой, похоже, я тебя своим суеверием заразила? — лукаво прошептала в самое ухо Олегу, чтобы не кинуть тень на репутацию губернатора, не дай Бог! А у самой улыбка так и рвется на лицо! Так и растягивает губы шире...

Олег не ответил на провокацию. Только косо глянул, словно призывая Машу быть взрослее... А потом не удержался и как-то немного растерянно улыбнулся. Не отрицая, но и не подтверждая ее догадок.

Но ей и такого было довольно. Пожала ладонь Олега в ответ, будто говоря: «не беда, я с этим всю жизнь живу, и ты привыкнешь...», а Олег демонстративно закатил глаза, словно прочитал мысли Маши.

Тут она не удержалась и все же прыснула, безуспешно пытаясь подавить хохот. Но ее никто не упрекал. Олег и сам расплылся в улыбке, а врач только по-доброму покачал головой.

— Давайте-ка, перебирайтесь сюда, — указал ей на кушетку, сейчас посмотрим на вашего ребенка подробней, — велел, подмигнув им обоим.

И Маша улеглась на указанное место даже с некоторым трепетом.

— Так часто... — поначалу немного заволновалась Маша, вцепившись в руку Олега, сидевшего около нее на стуле, когда доктор включил им звук сердцебиения плода.

— Правильно. Так и должно быть, — улыбнулся врач, посмотрев на них с некоторой долей доброго снисхождения. — Это нормально.

Поскольку Маша мало что знала ещё об этом процессе и развитии детей, решила довериться специалисту. А сама вслушивалась — и послушаться не могла. Лучше любой музыки, ей-Богу! И в глазах любимого те самые эмоции видела.

Жаль только, что невозможно было постоянно в этом состоянии блаженства и счастья находиться сейчас. Реальность никуда не деть.

Старинные напольные часы медленно отсчитывали секунды неторопливым покачиванием маятника, каждые полчаса отмечая тихим звоном. Отбивали время, нарушая тишину в кабинете.

Петр «смотрел» телевизор, где шло очередное «расследование» против него, и буквально закипал от ярости, что душила и била в голову горячей, телепающей волной. Казалось, речь отобрало от злости, а ведь он даже звук не включал — просто смотрел на сменяющиеся картинки, фото всех известных ему компаньонов и помощников, какие-то схемы, которые эти треклятые журналоги размещали на экране...

Петра сдали по всем фронтам. Он уже не раз пытался связаться со всеми, с кем столько лет взаимовыгодно сотрудничал, кому сам не раз помогал и кто поддерживал его, однако с ним не желали общаться.

— В этот раз ты зарвался, перегнув, Петр Иванович, — нейтрально замечал едва ли не каждый, кто в принципе выходил на контакт. — Мы в это ввязываться не желаем. Жить охота.

Остальные же просто отмалчивались, демонстративно игнорируя его.

Малодушные предатели и с*ки!

Перегнул... Мать их! Он не мог перегнуть! Это не он, Коваленко, Верховный судья, зарвался! Это тот гребаный выскочка и бандит возомнил о себе неясно что, подмяв под себя всех и продавливая теперь то, что сам хотел! Провалиться бы ему под землю, этому чертовому

губернатору!

Невыносимая ярость, еще более сильная от того, что он ничего реально сейчас не мог предпринять, захлестывала Петра с головой, вызывая напряженную дрожь в мышцах. Он не привык быть беспомощным и плыть по течению. Не выносил, чтобы над ним потешались или за его счет выезжали. А от одной мысли, сколько сейчас о нем сплетничали и том позоре, которым покрыли его имя, растоптав в пух и прах репутацию, — казалось, в голове или груди что-то от бессильной злобы лопнет!

Петр с силой хлопнул руками по столу, пытаясь хоть так снять напряжение. Но это мало помогло.

Его никогда не заботило, чьи интересы он задевает, мля! Естественный отбор оставляет сильнейших. И у него уже имелся приоритет, как у того, кто первым родился. Не зря же у птиц частенько первый и самый крупный птенец младших из гнезда выбрасывает, да и у животных старшие могут сожрать меньших ради выживания. Но Петр был хитрее. Уничтожить младших, устраняя конкурентов, — в человеческом обществе недалековидно. Всегда лучше превратить их в союзников и помощников, усиливая свои позиции и создавая надежный тыл. В чем-то подыгрывая, в чем-то сотворив иллюзию, которую хотели видеть Николай и Маша.

Так в какой же, мать его так, момент, все пошло наперекосяк?! Где оказалась та слабина, которой воспользовался Горбатенко?! Чем заманил остальных?

Ну, с Машкой все ясно. Она со своей вечной моралью и чистоплюйством никогда надежным человеком в его понимании не была. А уж после той истории с Шаховцом... Ну вспылит мужик, пригрозил крепким словцом на нервах, — а чего ждать, когда он в такой ситуации находился в тот момент? Ей бы улыбнуться и мимо ушей пропустить. Так нет же! Уперлась рогом, как последняя дура, ещё и копать начала в смерти партнера, что Машку вообще не касалось и куда совать свой нос не стоило... Не ее ума дело. Чуть серьезно не подставила их всех — не хватало еще, чтобы разобралась, что и он, Петр, к этому руку приложил.

В тот момент, после ее истерики, он даже порадовался, когда Маша решила отойти от дел семьи. Не место бабе в их конторе — Петр всегда так считал. Пусть бы и дальше игралась в нотариуса, он ей даже не сильно мешал. И ему выгодно с любой стороны: не надо уже делить на Машу доход, не заслужила. А если нужна помощь или консультация — всегда можно ей на совесть надавить и на семейные связи. Действовало безотказно. У Маши совесть вообще слабым местом была, которое Петр прекрасно использовал для манипуляции.

Но вот от Николая он такой подставы не ждал. Младший всегда был подконтрольным и исполнительным. А в адвокатской практике даже поталантливей Петра: умел находить аргументы и расположить к себе и судей, и присяжных, если доводилось. Чем всегда перетягивал симпатии на сторону своих подзащитных. Только вот расхлябанный по жизни, чему Петр, честно сказать, только помогал — так легче манипулировать и управлять братом было. Говорить, что для семьи выгодней и в каком направлении им стоит развиваться. У них хорошая команда вышла, столько всего сделали и провернули! Еще немного, и Петр смог бы реально рассматривать политическую карьеру, уже поступали предложения, выгодные и весьма интересные. А это перспектива еще более щедрая и безграничная, чем его нынешний пост. Сохраняя нажитые связи и влияние, мог бы при удачном раскладе и Генеральным прокурором стать (уже прощупывал на этот счет почву, просчитывая ходы на годы вперед). А это такая власть, о которой многие и не мечтают. Или только в снах и видят себя в подобной роли. Но Петр привык получать и добиваться того, чего он хотел... Так где же сейчас случился этот просчет, мля?!

Если бы не этот треклятый прокурор, которого зачем-то понесло на встречу к Горбатенко именно в этот день... Если бы того не отвлекли, и Алексей не полез в авто первым... Шикарный был план, от Горбатенко одни куски должны были остаться! И тут такое... И теперь Горбатенко стремительно и тщательно рушил все, чего Петр столько добивался! Растапывал и его репутацию, и достоинство. Все, чего Петр и его отец добились, — рушил и поганил!

В бешенстве схватил пульт со стола и выключил телевизор, где в очередной раз его распинали на кресте общественного порицания, судя по картинкам!

Убил бы, ей-Богу! Сам, своими руками, как бы ни было это неразумно, придушил бы гада. Этот Горбатенко!.. Вылез из самых низов. Из такой грязи, что только под его, Петра, ногами и ползать. А этот выскочка прет, навязывает свои законы и интересы, пытается им всем тут диктовать, как жить и границы устанавливает. Как кость в горле! Мразь!

Еще и на его сестру наложил свои грязные лапы. Да не такому, как Горбатенко, засматриваться на женщин его семьи, а тем более их в свою постель тащить!

Его одна мысль о том, что Маша легла под этого гада, доводила так, что в голове стучало, как барабаном. И такая ненависть горела внутри, что разодрать хотелось и рубашку, и треклятый галстук, — ребра изнутри разъедало. Руки тряслись — до того удавить Горбатенко хотелось... Дыхание давалось тяжело и жестко от этой ненависти, которая глаза застилала до темноты.

— Петя? — Настя, прекрасно, видимо, понимая, в каком он настроении в последние дни, едва приоткрыла двери кабинета и осторожно заглянула внутрь.

— Что?! — процедил сквозь зубы, вдавливая кулак в стол, не поднимая головы.

Ему и перед ней было мучительно и противно стыдно за свое поражение. За этот полный провал. А Петр не привык испытывать подобных эмоций. Ему это претило, только усиливая пульсирующее в груди и голове бешенство, вызывая злость и раздражение и на Настю, за то что стала свидетелем и немым укором его фиаско... Хоть бы кто-то под руку попался!

— К тебе тут пришли... — ему не понравился ее тон. Не понравился взгляд жены...

Но Петр не успел ничего уточнить о том, кого там принесла нелегкая. В этот момент кто-то из-за спины Насти решительно и резко распахнул дверь и на пороге кабинета застыл объект его горячей и неиссякаемой ненависти — Горбатенко стоял прямо напротив него, без всякого страха и растерянности выдерживая взгляд Петра, полный ярости и злобы.

— Благодарю, что провели, Анастасия, — не поворачиваясь, холодно и резко бросил Горбатенко его жене. — Можете идти, — так, словно бы именно он был здесь хозяином, распорядился этот гад!

И Настя, бросив в сторону Пети еще один напуганный и потерянный взгляд, юркнула назад в коридор. На минуту он увидел там ещё двух, а может, и трех человек. То ли охрана Горбатенко, то ли притащил с собой полицию или прокуратуру. Однако в кабинете, закрыв двери, Горбатенко остался с ним один на один.

— Думаю, нам настало время поговорить, Петр Иванович. Надеюсь, вы уже готовы меня слушать, — без всякого приглашения, Горбатенко приблизился к его столу.

А Петра аж подкидывать стало от всей той придушиваемой в груди ярости и отвращения, что

скопился по отношению к этому выродку. И так плеснуло вдруг обжигающей лавой за грудиной. Показалось, что сейчас задушит! Нужен был выход, то действие, которого уже несколько дней не хватало. А сейчас вот — само подвернулось...

Рванул на себя верхний ящик стола, выхватил наградной пистолет, который всегда держал заряженным на всякий случай, оправданно опасаясь, что к нему могут и «залезть». И вскинул руку, наведя прицел на этого гада.

Уставился на Горбатенко:

— Ну давай поговорим, мразь! — прошипел, понимая, что его еще больше сейчас душит от гнева и бешенства.

Глава 25

Не то начало разговора, на который он рассчитывал от судьи. Олег ждал более разумного поведения от Петра. Однако, очевидно, недооценил степень его взвинченности и личной ненависти.

На мгновение в кабинете повисла полная тишина, нарушаемая только мерным ходом маятника в часах. Оба уставились друг на друга, будто волей давили, силой духа пытались каждый другого переиграть.

Сейчас судья мало был похож на привычного себя: воспаленные покрасневшие глаза явно демонстрировали, что Петр не спал несколько дней толком. Да и измятая, несвежая одежда выдавала его с головой — судья однозначно не переодевался как минимум со вчера. Лицо казалось серым и помятым, а на щеках темнела щетина. Словно бы Петр целиком отрешился от внешнего мира.

Возможно, стоило отправить на переговоры того же Алексея... Хотя не факт, что в таком случае пистолет не вытащил бы уже прокурор — слишком сильно его зацепила потеря нормального функционирования руки. По сути, теперь для Алексея оставалось два пути: либо и правда на пенсию «по выслуге» — почетную, конечно, но совсем еще не желанную, — либо на чисто канцелярскую работу, что всегда Лехе претило до глухого бешенства. Да и просто обидно было другу за руку со страшной силой, как и за все остальные свои травмы, — честно в этом Олегу признавался, отправляя своих людей с ним. Так что общение могло выйти не менее взвинченным...

Правда, не скажешь, что и он нашел «общий язык» с еще одним своим будущим шурином. Направленное на него дуло пистолета и полный ненависти взгляд Коваленко-старшего заставляли мобилизовать все внутренние резервы. И было очевидно, что Петр утратил свойственный ему ранее холодный и взвешенный контроль над собственными эмоциями и поступками. Он сорвался. Видимо, судья кристально ясно понимал, что ему перекрыли все возможности по всем фронтам хоть как-то сохранить репутацию и влияние. Однако Олег пришел для того, чтобы предложить ему сохранить хотя бы часть достатка.

Напряжение сжало, скрутило нутро, как заведенную пружину, выведя на максимум сосредоточенность и внимание. Но внешне Олег этого не выдал ни словом, ни жестом. Не первый раз под прицелом все-таки.

— Моя смерть не решит ваших проблем, Петр Иванович, скорее полностью лишит шанса хоть что-то сохранить, — ровным и размеренным, отстраненным тоном заметил Олег, не двинувшись с места.

— А мне по хр*ну, мразь. Зато тебя сживу со свету, вздохну легче! — явно находясь на пике морального и душевного отчаяния, рявкнул в ответ Петр так, что и все находящиеся в коридоре наверняка услышали.

— Сомнительно, — не согласился Олег, демонстративно рассматривая его. — Тогда вас точно посадят. Надолго. И, несмотря на количество ваших связей здесь, сомневаюсь, чтоб пребывание на зоне показалось вам комфортным и приятным. Да и конфискуют у вас все в таком случае, Петр Иванович...

— Ты уже и так у меня все отобрал! — почти выплюнул из себя судья.

И Олег четко видел, что его рука дрожала, — ярость взяла верх, а это было опасно. В таком состоянии слишком сложно достучаться до разума или убедить логическими аргументами. Создавалось ощущение, что Петр на грани психического срыва. Того и гляди, дернется палец, отпустив курок... А Олег точно не собирался вновь заставлять Машу нервничать и переживать о своем здоровье. От прошлого раза ещё не отошли толком ни он, ни она. До сих пор плечо и ребра ныли, синяки не сошли, да и голос повышать не мог. Хотя сейчас это в плюс, пусть Коваленко побесится, думая, что просто задеть его не может...

— У вас все еще есть недостаток. И, как мне кажется, вам было бы не лишним сохранить его для своей семьи, Петр Иванович... — не без намека заметил Олег, позволив повиснуть этим словам в воздухе.

Петру кровь ударила в лицо, заставляя вздуться вены на висках. Судью перекосило от гнева.

— Ты мне поломал все! И карьеру, и жизнь, мразь. И думаешь, я тебя слушать буду?! — не сбавив тона, вспылил Коваленко.

Он говорил тяжело, натужно, словно выталкивая слова из горла.

— Это не я пытался убить вас. Думается, у меня больше причин предъявлять претензии... — он сделал едва заметное движение, постепенно уходя с линии возможного выстрела. — И прав на ответные действия касательно вас, — не отступал от позиции силы и полного владения ситуацией.

За дверью ждало два следователя прокуратуры и детектив Бюро. В холле квартиры стояли его личные охранники. Но толку от всей той толпы не будет, если Олег сейчас не переиграет Петра авторитетом и доводами.

— Заслужил, мразь... Мешаешься вечно, все мне ломаешь! Поганишь все наработанные схемы! — Петр взмахнул рукой, будто забыл, что держит в той пистолет. — Тебе сразу надо было просто согласиться на откат или долю, как все до тебя соглашались. И не лезть... Какого хр*на ты в мои дела вмешался? — разошелся судья, почти физически ощутимо полыхая бешенством. — По какому праву, ничтожество? Ты кто, вообще, чтоб тут мне что-то диктовать? Дворовая шпана, волей случая выбившаяся, дорвавшаяся до власти?! Да я таких, как ты, десятками пересадил...

— Или крышевали, отпуская за мзду, Петр Иванович? — прервав это гневное излияние, с сарказмом заметил Олег.

— А ты что, такой же чистоплюй, как сестра моя, а?! — как-то насмешливо, но и не сбавляя того же гнева, выплюнул Коваленко. — Два сапога — пара? И где ж ты таким чистым стать

успел, пока на вершину по головам взбирался?! — вновь размахисто махнул рукой, в которой все ещё держал оружие.

Олег на его поддевки и злость не отреагировал, сохраняя ледяной контроль над собственными эмоциями.

— Прекратите этот балаган, Петр Иванович. И вашу сестру даже вспоминать не смейте, — как можно более спокойно, требовательным голосом, велел он. — Давайте спокойно поговорим. С вашей-то практикой и опытом в суде, — словно пристыдив его, глянул немного свысока.

Коваленко не остыл, но вот опешил — да. Он явно не ждал подобной наглости от Горбатенко в своем же доме.

— Все, заинтересованные в этом вопросе, сошлись на мнении, что мы можем оставить вам имущество. Следствие, суд — все состоится. Срок будет условным, с полным запретом занимать любые юридические должности. Назначат штраф. Но конфискацию проводить не станут. Вы сможете продолжать оплачивать обучение детей, да и по миру с женой не пойдете...

— Это кто настоял? — с удивлением, да, но и с какой-то недоверчивой злостью бросил Петр. Явно не поверил. Однако опустил пистолет, прислушиваясь к тому, что ему говорил Олег. Возможно, рассчитывал использовать это в своих интересах или как-то договориться, выиграв большее? Зря.

— Какая разница? Никто особо не возражал, сошлись на том, что можем оставить это вам за прошлые заслуги, — Олег передернул плечами. — О чем спор? Вас-то это устраивает больше всех...

— Кто?! — вновь рявкнул Петр, побелев теперь лицом, не скрывая бешенства, взамен прошлого гнева, пышущего кровью.

Сказать по правде, он уже подустал от этого Коваленко.

— Я, — демонстративно засунув руки в карманы, словно показывая свое доминирующее и вольготное положение победителя. — Исключительно ради вашей сестры. Не хочу ее еще больше расстраивать, ваших стараний хватило, Петр Иванович. Да и о племянниках Маша сильно волнуется...

— Б****! — Петр теперь действительно заревел, кажется, забыв о том, что все ещё держит огнестрельное оружие. Стукнул кулаком, ещё матюкнулся, ударившись. Уперся руками в стол, выпустив пистолет. Было видно, как у судьи на виске нерв задергался.

Олег немного выдохнул. Уже лучше. Хоть и все равно близко, схватить оружие в любой момент — не проблема.

— Мне от тебя подачек не нужно, мразь! — не сбавляя тона, орал Петр. — От тебя ничего не возьму! Сам в грязь втоптал, а теперь благодетеля из себя корчишь?!

— А вы от сестры своей возьмите, — посоветовал Олег, не впечатленный гневом Коваленко.

— И от сучки этой мне не нужно ничего. Из-за нее все! Если бы она с тобой не спуталась — х*ен бы ты меня переиграл. Надо было тогда еще ее Шаховцу отдать — пользы больше вышло бы! — рявкнул Петр.

Нерв теперь задержался у Олега над глазом, кажется. И в голове ярость принялась барабанить напряженным пульсом. Но он напомнил себе о том, что бессмысленно начинать спор. Эмоциональность делает его уязвимым.

Медленно выдохнул сквозь зубы, хотя захотелось хорошенько начистить морду этому судье.

— Прекратите, Петр Иванович. Успокойтесь. Я даю вам пять минут на то, чтоб привести себя в порядок. Потом вы выйдете и без сопротивления пройдете процедуру задержания.

— Ублюдох... — у судьи даже губы побелели от злости.

Коваленко смотрел на него так, что против воли волосы на затылке дыбились от напряжения и уровня бешенства, зашкаливающего в кабинете между ними. Того и гляди прыгнет, в глотку зубами вцепится, позабыв про человечность и цивилизованность. «Пружина» внутри закручивалась все сильнее, но Олег держал тон и плечи ровно, послав к греб***ой матери боль в груди и спине. Он сильнее этого морального ничтожества. И за ним Маша с их ребенком, о которых Олег не забывал ни на мгновение.

— Так же адекватно примете весь процесс. Тогда вам оставят уже заработанное состояние и имущество за вычетом штрафа в пользу государства. вспомните о том, кто вы, в конце концов, — тем же ровным голосом (спасибо травме) одернул его Олег.

И повернулся к выходу из кабинета.

— Я и помню о том, кто я. И кто ты, мразь! Никогда не забывал. И никогда не буду играть на твоих условиях! — в спину проревел Петр, вновь взбесившись. — Не дожدهшься!

Выстрел прогремел в тишине кабинета тогда, когда Олег дернул ручку, открыв дверь в коридор. Оглушающе и неожиданно, несмотря на все представление с пистолетом, которое судья тут устроил. С каким-то обреченным звучанием точки...

На долю секунды Олег сжался, чувствуя, как шибанул пульс вверх, ударяя в голову, и каждая мышца в теле пришла в боевую готовность. Дернулся, разворачиваясь и приседая одновременно, пытаясь уйти с линии вероятного огня. И застыл, уставившись на судью, понимая, что не все сумел предугадать в его реакции все же.

Да уж, не по его... И в чем-то даже выкрутив Олегу руки, поняв, видно, что семью судьи Олег через весь этот позор и травлю без него протягивать не станет. Ради Маши, да и просто...

За спиной Олега раздался грохот шагов несущихся сюда детективов, явно слышавших выстрел. Испуганный вскрик женщины. Наверное, Анастасии, тоже заторопившейся в сторону кабинета.

Так и не двинувшись с места, Олег выставил руку, перекрывая вход, чтобы не пустить ее сюда. Чуть прикрыл дверь. Как бы он ни относился к Насте из-за ее поведения с Машей, не стоило женщине смотреть на это. А сам так и стоял на пороге, закрывая проход.

— Олег Игоревич?! — прокуроры и следователь едва не врезались ему в спину. — Все нормально?

— Скорую. И криминалистов. Живо! — хрипло и резко распорядился Олег вместо ответа, пусть и понимал, что «скорая» тут уже в «свинячий голос». Но порядок такой.

И, оглянувшись, пропустил их, не позволив даже заглянуть внутрь бледной Насте, маячившей

за спинами детективов. Глазами велел своим охранникам, тоже подлетевшим к кабинету, оттеснить ее подальше.

Впрочем, женщине этого и взгляда на самого Олега, видимо, хватило, чтобы сделать верные выводы. Завыв, Настя закрыла обеими руками лицо, рухнув на колени, тщетно пытаясь подавить рыдания. Однако Олегу сейчас было не до нее. Он пытался выстроить в голове схему и план, как Маше сказать, что ее брат...

Будь он проклят, этот Коваленко. Опять из-за него его женщине нервы и душу вытянет!

Рев Анастасии стал громче. Она явно впадала в истерику. Хотя ее понять можно, и тут не осудить...

— Тихо! — негромко одернул ее, подойдя ближе.

В кабинете уже всюду разбирались детективы, что-то фиксируя и описывая. Уже вызвали и врачей, и криминалисты были на подходе, так что ему там все равно делать нечего теперь. Надо было быстро решать другие вопросы. Падла Петр, что ни говори! Таки вывернул по — своему, спрыгнув с ответственности.

Понял, что Олег не такой и будет за него все вытягивать.

— Плакать будем потом, — холодно и отстраненно, чтобы быстрее привести ее в чувство, заметил Олег. Пусть и понимал, что требует от человека почти нереального. — Теперь все проблемы решить надо.

Настя ещё раз всхлипнула, однако попыталась растереть лицо, явно услышав его. Подняла голову, напряженно и опустошенно, даже без привычной затаенной злобы разглядывая Олега. В ее лице хорошо читалась протрация и полная потерянности.

Жаль ее, конечно, не зверь же. Только вот не давала покоя мысль, что Маше в такой ситуации никто бы из них не помог... Да и не его вина, что Петр предпочел не жить с позором, свалив все проблемы и заботы на голову жены и детей. Трус.

— Сейчас умоешься, выпьешь успокаивающее, соберешь все документы, паспорта, вещи. Позвонишь детям. Мои люди отвезут тебя в аэропорт и первым рейсом — летишь к ним сегодня же. И больше сюда ни ногой. Там обживайтесь и устраивайтесь уже. Ваши средства вам оставят, я прослежу. На жизнь хватит. А долги Петра... — Олег хрустнул суставами пальцев и покрутил головой, безуспешно пытаясь снять напряжение. Не оставили ему выбора, мля... — Я на себя это возьму. У тебя час-полтора максимум. До двух, — распорядился в конце, не дав Анастасии и слова вставить.

— А здесь... — начала было Настя. — Петя... похороны... — ее вновь начал разбирать рев.

— Тихо! — опять оборвал это Олег. — Тут уже мы за ним разгребем. Ты о детях подумай. Задерживаться не стоит. А то на тебя его долг ляжет... Оно тебе нужно? Наверное, в курсе, в каких делах замешан был...

Настя закивала головой, как деревянный болванчик, явно испугавшись.

— Спасибо, — хрипло прошептала невестка Маши. — Спасибо, Олег Игоревич. Не представляю, что...

— Не теряй время. Иди уже. Не для тебя и не ради мужа твоего это делаю, — оборвал он ее вымученную благодарность.

Повелительно махнул рукой в сторону коридора.

Настя еще секунды три тяжело и с обреченностью посмотрела на него. Вымученно, тяжело поднялась на ноги, держась за стену. словно старухой враз стала. Не осталось и следа от той ухоженной и даже роскошной, уверенной в себе женщины в самом расцвете, которой всегда жена Петра держалась. Да так, сторбившись, и побрела к своим комнатам, рукой опираясь на стены.

Олег же достал свой телефон и набрал Николая. Ему он первому сообщит. А потом найдет Алену и попросит приехать к ним, готовой к любому повороту событий, хоть и с бригадой, на всякий случай, если посчитает, что так лучше. И уже тогда, имея за спиной такую подстраховку, скажет Машеньке...

А ведь все было согласовано и просчитано: Алексей расколол Шаховца буквально за пару дней. Правду говорил, тому тоже есть что терять, и в немалых размерах. Потому, когда ему предложили сотрудничать, «поломался» только для приличия, в итоге выложив все, что они хотели узнать. У них на руках имелась и схема заказа покушения на Олега, расписанная едва не поминутно, со всеми встречами, переговорами и деталями, и интересные нюансы по откатам, которые судья требовал за свою работу. Появилась у них информация и о долгах Петра нескольким слишком серьезным людям, которые могли повиснуть «дамокловым мечом» над шеей Коваленко-старшего, потеряв он свое положение. Это и собирался использовать Олег, предлагая свой вариант решения ситуации.

Не то чтобы ему не хотелось бы просто закрыть вопрос, как и Алексей, да и многие другие, имеющие дело к ситуации, предлагали. Упекли бы судью за решетку, а там уже как жизнь распорядится... Придраться было бы сложно, материалов не на один срок хватало. Только вот Олег видел, насколько тяжело и непросто Маша проживает эту ситуацию. И добавлять ей волнений не хотел. Даже мести уже не жаждал, отплаты за все те года, когда Петр ему прилично крови попил, ставя палки в колеса везде, где только мог. Лишил бы его влияния и этих рычагов управления, и все. Ему хватило бы.

Теперь же... Сложно было представить, как Маша на новость о самоубийстве брата отреагирует. Да и не такого решения он хотел.

Глава 26

Наверное, первым, что ее насторожило, было появление Алены. Хоть Маша и успела уже ближе познакомиться ту с Олегом, казалось странным, что подруга появилась без предупреждения у них дома. И охрана пропустила, не предупредив ее саму... Когда же следом вошел и Коля, которого она вообще не видела около Алены все это время, сердце остановилось в груди, а в глазах уже начало темнеть.

Ничего хорошего в голову не пришло. Она еще не отошла после взрыва машины Олега, потому и сейчас — первым подумала только о худшем. И если бы в этот момент на пороге не возник сам Олег — точно в обморок бы упала. Да и так рухнула на диван, ощущая, что сердце колотится в горле, а каждая мышца в теле дрожит до противной, неконтролируемой слабости. Но и несмотря на это мигом уловила напряженное и тяжелое молчание Олега, его взгляд исподлобья, когда бросился в сторону Маши, тоже заметив, как ее заколотило. Отметила и потухший взгляд Коли, глубоко прорезавшиеся морщины, которых и не замечала ранее. Ни

следа вечного балагурства... И какой-то испуг во взгляде подруги.

— Что случилось? — прохрипела, вглядываясь в посеревшее, казалось, лицо любимого.

Ничего не могла понять — он же вот, живой и здоровый. Значит, хорошо все. Так отчего они все такие мрачные?

— Ты сядь, душа моя, сядь... — Олег обхватил ее двумя руками, почти силой устроив у себя на коленях. — Алена... — повернулся зачем-то к ее подруге.

— Маша, на вот, выпей просто и быстро, ничего не спрашивая пока. Ты же мне веришь? Нам всем... — Алена протянула ей какую-то таблетку.

Николай уже и воду где-то достал...

По правде сказать, вся их суматоха вокруг нее ужасала: все как-то слишком мрачно, непонятно и страшно. Но так как Олег держал ее в своих объятиях и явно был не против всех этих лекарств, да и Алена должна была знать, что делает, Маша послушно глотнула таблетку. Подруга отошла в сторону, сев на соседний диван, но продолжала внимательно посматривать на нее.

— Да что происходит?! Скажите уже, — как-то жалобно попросила, оглядывая всех троих. Ничего в голову не приходило.

— Маша... — Олег ухватил ее щеки своими пальцами и заставил посмотреть себе в глаза. — Петр не принял моего предложения...

— Его посадят, да? — не дав договорить, скривилась она.

Господи, ну почему Петя такой?! Ведь Олег действительно неплохой вариант придумал... А теперь всем настолько тяжело будет. Особенно Насте и детям...

— Нет, душа моя, — Олег покачал головой. Переглянулся с Николаем зачем-то. — Он... Маша, он застрелился.

Тяжело. Давяще. Словно на голову упало что-то.

Она не поняла.

— В смысле? Как?.. — снова хрипит. И смотрит на Олега, как дурочка, наверное.

Перевела такой же непонимающий взгляд на Колю. Потом на Алenu.

Выражения их лиц не оставляли места для какого-то иного толкования, кроме того безысходного, которое и несли слова Олега. И таким ужасом по новой накрыло, горячей болью!

Несмотря на все то, что Петя делал, несмотря на множество обид и даже последнее его нападение на Олега — Маша всегда любила брата. Может, со страхом где-то, с настороженностью, предпочитая отстраниться и на многое глаза закрыть. Но любила. У них было и много замечательных, искренних моментов в жизни. Он не раз и не два помогал, наставлял и обучал ее, хоть и жестковато местами... И то, что он сделал — ударило по ней, вызвав муку внутри.

Не такую, конечно, как скрутила одна только мысль, когда испугалась, что потеряла Олега. И

все же почти невыносимую.

Зажала рот рукой, чтоб не расплакаться. Прикусила пальцы и уткнулась лицом в плечо Олега, ощущая, как нежно и осторожно он надавливает своей большой ладонью ей на затылок, словно пряча ото всех. Мягко гладит, ероша волосы. И от этого ощущения его поддержки, понимания, что разделяет ее боль, да и себя в чем-то винит в муке Маши, — не выдержала, все-таки расплакалась. Но без истерики. Тихо и горько, с тоской, понимая и принимая безысходность. Как-то опустошенно, но без надрыва... А может, та таблетка, что Алена в нее впихнула, все-таки сработала.

Рядом так же молча сел Коля, сжав ее вторую ладонь. И, не обращая внимания на Олега, прижался лбом к плечу Маши. Ему тоже было тяжело и больно, она муку брата так же четко, как и свою собственную, ощущала...

— А Настя? Дети? — сквозь эти слезы тихо спросила, не поднимая головы.

— Я решил. Отправил ее к детям. Тут ей нечего теперь делать. Всем им. Сам разберусь с его долгами. Туда уже будете ездить, племянников навещать, — хрипло ответил Олег, прижавшись губами к ее волосам.

— Спасибо, хороший мой... — голос сорвался. А у нее физически не было сил, чтобы сейчас ему в глаза посмотреть.

В голове появились дикие, но настойчивые мысли, что и ее вина есть в том, что случилось. Выступила против Петра, помогла все вскрыть... Так не думала же, что он такой путь выберет! И в голову бы не пришло!

И почему-то так стыдно стало перед Олегом: за свои слезы, за брата, за то, что на него навалилось ещё больше из-за... да, из-за трусости Пети, не назвать иначе же!

— Душа моя... — словно умолял, уговаривал.

Мысли он ее читает, что ли?

Все понял, похоже. Только не могла она в этот момент избавиться от этих укоров собственной совести. Потому сильнее вжалась в грудь Олега, чувствуя пожатие пальцев Коли, брат тоже знал, что она сейчас испытывает. И никто из них не настаивал, чтобы продолжать в этот момент разговор.

Прострация и опустошенность держали ее в своем плену почти двое суток. У Маши все валилось из рук, а мысли вертелись только вокруг гибели Пети. Она и не заснула бы, наверное, не заставь Алена ее еще раз выпить таблетки. Говорить ни о чем не могла, просто корежило при мысли, что необходимо открыть рот и что-то обсудить. Но Олег и не требовал.

Он оставался с ней все это время, перенеся работу на время в домашний кабинет. Алена едва не ежечасно курировала ее состояние, чтобы стресс не причинил вред развивающейся беременности.

Маша не хотела доставлять столько проблем и хлопот близким людям, но ей действительно потребовалось время, чтобы уложить в своем сознании мысль о смерти брата. И убедить себя, что она, на самом деле, ни в чем не виновата — Петя сам сделал этот выбор. Да и не справилась бы, наверное, если бы не такое же молчаливое, как она сама, присутствие

любимого рядом: без слов, уговоров или попыток встряхнуть ее. Единственное, за чем Олег следил неукоснительно и на чем настаивал: чтобы она не забывала нормально питаться. Но Маша и сама об этом помнила, меньше всего думала бы навредить их ребенку, которого так горячо хотела.

— О тебе я все равно в первую очередь пекусь, — хмыкнул Олег, когда выдавила из себя это, чтобы он не волновался. — А вот ты про себя вечно забываешь, душа моя.

Она вымученно улыбнулась и протянула руку, сплетая свои и его пальцы. Просидели так минут пять. После чего он поцеловал ее руку, самую Машу нежно в губы, и ушел в кабинет, все-таки вынужденный следить за делами и десятками ситуаций. А она осталась в столовой.

Потом поднялась в спальню, забралась в кресло с ногами и, укрывшись пледом, наблюдала за тем, как медленно кружил за окном густой снег. И с каждой снежинкой Маше словно бы легче становилось, спокойней.

Так что под вечер она впервые реально аппетит ощутила, а не говорила себе, что пора идти есть. Поднялась, накрыв живот руками. Интересное ощущение: ещё и незаметен под одеждой вроде бы, а вот пальцами, осязанием — совсем иначе чувствуется. Чуть выпуклей, сокровенней. И таким таинственным казалось происходящее в ней, несмотря на то, что уже успела весь процесс развития плода по книгам и интернету проштудировать. А ведь все равно — чудо! И никто не сможет переубедить ее.

И вместо того, чтобы идти на кухню, пошла к Олегу в кабинет. Все помощники уже уехали, можно было его и поотвлекать. Постучалась, едва задержавшись на пороге, и тут же зашла, как только любимый крикнул: «Да!»

— А тебе не кажется, что давно пора выполнять обещанное? Или мне все-таки подавать на субсидию как матери-одиночке? — еще с трудом, тихо, но все же с иронией и слабой улыбкой, поинтересовалась она прямо с порога. — Устала быть Коваленко, хочу твою фамилию, хороший мой, — требовательно и даже капризно добавила, видя, что Олег немного опешил от изменения в ее настроении.

Не то чтобы он отказывался, скорее ее чувства щадил все это время из-за проблем и разборок с Петром. Казалось, все не до того...

— Да хоть завтра, душа моя! — наконец расплылся он в широкой усмешке, кажется, впервые за эти дни расслабившись немного.

Стремительно отошел от стола, у которого стоял, отбросив какие-то документы, что до ее появления просматривал. В мгновение ока оказался около нее и крепко, но очень осторожно обнял Марию, обхватив двумя руками.

— Ловлю на слове, — не стерев с губ эту слабую улыбку, Маша и сама закинула руки Олегу на шею, заглянув в еще немного тревожные глаза любимого снизу вверх. — Завтра и хочу! — привстала на носочки и легко коснулась губами его рта. — А то грозилась вы, Олег Игоревич, давно, а до итога все никак не доведете... — лукаво поддела.

Олег рассмеялся. Не столько из-за юмора, сколько из-за облегчения, похоже, что она расслабилась.

— А это вам чем не итог, Мария Ивановна? — с трепетом, который она всегда отмечала в любимом, когда речь заходила о ребенке, он накрыл ладонью ее живот, точно как сама Маша

немного раньше.

— И это замечательный итог, — согласилась она, с довольным вздохом уткнувшись носом ему в шею. — Но надо же и официально...

— Сделаем официально. Завтра с самого утра, — уже с твердым обещанием в голосе успокоил ее Олег.

Прижал к себе теснее. И оба ее живот ладонями греют, словно пытаются уловить ещё неощутимое биение сердца малыша... Простояли так минуты три. И Маше настолько хорошо было в его руках, что уже ничего не хотелось и никуда не тянуло. Тоска понемногу отступала, вытесняемая чуть более позитивными мыслями и чаяниями. Мечтами о том, когда они своего ребенка в реальности смогут вот так на руках держать... Странное состояние: вроде и не спит, а словно бы дремлет на ходу.

— Ты с целью спустилась или просто так, печать в паспорте от меня потребовать? — наконец поинтересовался Олег, едва ощутимо коснувшись губами ее век.

Точно, что ли, заснула?

— Вообще-то, я есть захотела, — вспомнила Маша и так довольно улыбнулась, даже потянулась, словно бы в самом деле немного прикорнула в его объятиях. — Ну и тебя к ответу призвать, да.

— Есть... это ты очень хорошо придумала, — прищелкнул пальцами Олег. — Я тоже проголодался дико. Пошли вместе запасы расхищать, — и он решительно увлек ее в сторону выхода из кабинета, как будто бы она и не отвлекла его совсем от дел.

А ведь точно знала, что это не так. Отвлекла. Но то, что он ради нее всегда все отодвинуть готов был и поступиться чем угодно — до сих пор в трепетную дрожь бросало. И она его ценила больше всего и вся. Потому и начала вытаскивать себя из этой тоски, на которую вроде и право имела... Однако просто не могла Олега огорчать, и не хотела.

— Мне клубники хочется, — Маша рассмеялась, застыв посреди кухни и прислушиваясь к самой себе. Посмотрела в окно. — Слушай, это в самом деле смешно, снег начался, зима, а меня так на клубнику вдруг потянуло... — даже немного смущенно на Олега глянула.

Тот как раз доставал из холодильника мясо. К ним все еще приходили готовить и убираться, но на постоянной основе находиться в доме они никого не приглашали. Справлялись пока и так.

— Хочется — значит, добудем, — а вот Олега ее внезапные желания ни капли не смутили. Наоборот даже, он казался весьма довольным. — Имеешь право, сейчас кого-то пошлем. Моей жене никто отказывать ни в чем не будет, — улыбаясь не менее широко, чем она, Олег достал телефон, наверняка набирая Дмитрия.

— Вот как печать поставят, бросайся громогласными заявлениями и терминами, а пока попрошу придерживаться фактов и называть вещи своими именами, — поддела его Маша, сев на стул.

Олег, уже начавший раздавать команды Дмитрию, чтоб отправил кого-то в супермаркет за клубникой, с некоторой иронией глянул на нее. Умолк на полуслове:

— А ну-ка, Дима, погоди, — бросил в трубку, рассматривая внимательно Машу. Она даже

немного растерялась, в шутку же ляпнула. — Так, я понял, кому-то припекло, — вдруг вынес «вердикт» Олег, усмехнувшись уже как-то загадочно. — Дим, планы меняем. Нет, за клубникой пусть едут. Будет на десерт. Ты мне собери группу, сейчас поедem в тот сервисный центр, что открывали недавно. Да, — кивнул на какой-то вопрос Димы. — Жениться будем, чтоб больше тут никто не ворчал.

Олег с каждым словом все больше расплывался в ухмылке, видно, не пропустив, как удивленно у нее глаза расширяются, когда до Маши дошло, что он задумал.

— Так ночь же уже... — попыталась было она его образумить, даже пропустив подначку про «ворчание».

— Какая ночь? Начало седьмого только. Они до половины десятого женят, — подмигнул ей Олег, отложив на минуту телефон. — Все успеем.

— А сутки выждать после подачи заявления... — напомнила о правилах Маша.

— А, — хмыкнул Олег, махнув рукой. — Сейчас наберу, предупрежу директора. Я ему еще после открытия говорил, что приедem. Так что, считай, все соблюли, — подмигнул он, уже снова кому-то звоня. — Давай, душа моя, собирайся, — поторопил ее Олег, — поедem термины узаконивать, коль уж дал Бог полюбить юриста, — на его лице просто-таки цвела эта широкая ухмылка.

По всему выходило, что Горбатенко сам в восторге от того, что придумал. И Машу вдруг такой же восторг охватил при мысли, что она уже сегодня ночью может лечь спать как его законная жена! Как Горбатенко Мария... Эта перспектива ярко замаячила на горизонте ее мыслей, маня обещанием новой жизни, совершенно иной, полной их с Олегом любви, которую уже ни от кого таить не надо. Первым шагом на пути к миру с самой собой и окружающими после тоски предыдущих дней...

И она только с восторгом рассмеялась, даже легко захлопав в ладоши.

— Поехали! — воскликнула, поднимаясь. — Я Коле позвоню, позову. Нам же свидетели все равно нужны, а вдруг и он свободен, — на ходу придумала.

— Давай, — не спорил Олег. — У тебя десять минут на сборы.

— Управляюсь, — заверила его Маша, сама в этот момент готовая на все, чтобы только не затягивать.

Заторопилась в спальню, набирая номер брата.

Через час они все были в центре регистрации. Коля приехал с Аленой. Он сразу спросил, едва Маша ему торопливо сообщила суть, может ли с ней приехать? Собственно, Маша была только рада увидеть подругу на собственной свадьбе, так что с воодушевлением подтвердила. А вот о том, что Алена у него делала вечером — не спрашивала. Не маленькая. А что там у них и как — захотят, сами расскажут. В душу лезть без приглашения не собиралась.

Так что у них все было как положено: даже «дружка» у невесты имелась, ну, и «свидетель» у жениха, на чью роль без раздумий определили Дмитрия.

— Я буду тем, кто тебя замуж отдает, — рассмеялся Коля, когда они шутливо распределяли

роли, нужды в которых здесь не было. — Чтоб жених не забывал: тебя есть кому защищать, — под общий смех заявил он, вновь вернувшись к своей роли балагура и души компании.

— Сделаем вид, что я напуган и впечатлен, — хмыкнул Олег, поддержав тон.

Хотя и в брате Маша улавливала тоску и горе, только он иначе те переживал. Но они общались, переписывались в эти дни короткими фразами, незначительными вроде и ни о чем, а протягивающими тонкие ниточки, налаживая те связи, которые могут быть только между самыми родными людьми. Да и по утрам он приезжал к ним, Олег не был против, тоже какие-то вопросы с Колей обсуждал в кабинете, после чего они завтракали все вместе. Мужчины разговаривали уже на отвлеченные от работы темы, а Маша просто сидела рядом с ними, впитывая в себя это ощущение домашнего уюта, хоть и с тяжестью ситуации. Но и сама старалась дать брату свою поддержку и любовь.

Разумеется, их уже ждали, Олег же действительно предупредил начальника. Встретили на пороге и тут же провели в кабинет директора. Да и сама церемония — скорее условность. Им уже даже паспорта подготовили к приезду, ей, точнее. На новую фамилию, сервис же и это обеспечивал. По сути они просто поставили подписи под все те же шуточные подначки Коли. Их даже не спрашивали: «уверены или нет? Согласны ли?»

Без вариантов!

И Маша вообще не тосковала за какой-то церемонией или нарочитостью. Олег стал ее мужем по закону, она — его женой, и это главное. Ее же мужчиной он стал едва ли не тогда, когда они познакомились. Сердце давно сделало свой выбор и приняло решение.

И едва они совершили последний росчерк на бумаге, ей вручили новый паспорт, забрав старый. Дима, на минуту выйдя в коридор, вернулся с клубникой, которую отдал Олегу, а сам пустил парней с шампанским и бокалами.

— Поздравляю! — улыбнулся директор сервисного центра, открыв первую бутылку и начав наполнять фужеры.

Маша покачала головой, отказываясь от вина, зато с удовольствием тут же откусила клубнику, которую Олег протянул ей.

— Держи, жена, — тихо поддел ее с невыносимо нежной улыбкой. — Теперь уже к терминам не придерешься.

Она не успела сказать, что теперь уже и не будет. Дима достал еще одну бутылку:

— Для вас тоже есть, Мария Ивановна, отдельное шампанское, — начальник их охраны сегодня тоже был непривычно доволен и весел. — Парни нашли в супермаркете, меня набрали, я дал добро. Безалкогольное, но игристое, — протянул бутылку ближе, показывая ей этикетку.

— Виноградный сок, что ли? — рассмеялись в голос и Олег, и Коля.

— Главное, что с пузырьками и из бокала, — не повелся на их смех Дмитрий.

— Дайте гляну, — растолкав всех, подошла Алена. — Такое можно, — внимательно изучив этикетку, одобрила подруга, пока мужчины продолжали посмеиваться.

Она поначалу, казалось, немного тушевалась смотреть в глаза Маше прямо, явно все ещё не

готовая обсуждать себя и Николая. Но сейчас уже обняла искренне и крепко.

— Поздравляю, родная, ты заслужила! — прошептала ей на ухо.

— Спасибо! — Маша с искренней благодарностью и любовью обняла ее в ответ. — Давай, Дима, раз уже такое дело, наливай и мне! — весело махнула рукой, чтоб он открывал свой «сюрприз».

Охранник, улыбнувшись шире, ловко вскрыл бутылку и, наполнив бокал, протянул ей, пока Олег с Колей раздавали алкогольное шампанское остальным. Маша с благодарностью взяла напиток, встретившись глазами с таким же веселым и довольным взглядом Дмитрия.

Она спрашивала про него у Олега. И ответ оказался для нее неожиданностью — Дмитрий был двоюродным братом той девушки, с которой Олег когда-то жил, младше на несколько лет. Сирота. После того, как ее и их сына убили, он взял его «под свое крыло», чувствуя ответственность перед Димой. А тот никогда не винил Олега в гибели сестры и отблагодарил искренней дружбой и преданностью.

Поговорила Маша и с самим Димой об этом. Само как-то вышло, не думала даже.

— Вы меня всегда очень ответственно охраняли, Дима, — вроде хотела поблагодарить. Но и он уловил ее какие-то сомнения и опасения, а может, и Олег упоминал, что рассказал ей.

— Вы всегда были достойны этого, Мария Ивановна, — спокойно встретил тогда охранник ее взгляд. — Вы — лучшее, что случилось в жизни Олега Игоревича, а он это заслужил как никто. И вы, и я — оба знаем, что несмотря на многое, он очень хороший человек. Лучший из тех, что мне встречались по жизни. Теперь вот вы еще, — Дмитрий позволил себе легкую улыбку.

Маша тоже немного смущенно улынулась. Но чувствовалось, что он говорил искренне и не таясь. Так что не стала отнекиваться. Хотелось еще спросить... однако она не решилась, ни воспитание, ни такт не позволили.

Впрочем, Дмитрий тоже дураком не был, да и опыта хватало, видимо, людей понимал прекрасно.

— Он был влюблен в нее, Мария Ивановна, это правда. Да и вам говорил, наверное. Знаю Олега Игоревича. Однако... — охранник умолк на мгновение, словно слова подбирал. — Вами — он дышит. Вы действительно его душа. И я сделаю все, чтобы с вами никогда ничего не случилось, любой ценой. Для него. И ради вас тоже. Вы оба заслужили это счастье. Да и вместе... Видно, что вы точно те «половинки», про которые так много трезвонят, а по факту — днем с огнем не сыскать, — без особых подробностей вроде, а сказал ей даже более, чем Маша надеялась бы узнать.

Больше они таких тем не обсуждали, но оба как-то ещё доверительней и по-дружески себя чувствовали теперь.

— Ну что, совет да любовь! — приподняв свой бокал, пожелал им директор сервиса, похоже, неплохо знакомый с Олегом.

И все поддержали этот тост перезвоном бокалов. Олег крепко обнял ее, делая глоток из своего бокала. Отпила и Маша — неожиданно вкусно оказалось.

— Ну и «горько»! Чтoб уж хоть где-то традиции соблюсти. А то все такие современные, что аж страшно, — оказывается, еще не закончил директор.

— Горько-горько! — тут же Коля подхватил, под смех остальных.

А их с Олегом и особо уговаривать не было нужно. Позабыв и про шампанское, и про клубнику, с которой все и закрутилось, она с упоением подставила губы поцелую мужа. Такому же жадному и нуждающемуся, но в то же время нежному и боготворящему ее, как и в самый первый раз. Как каждый поцелуй будет у них — Маша это точно знала. Потому что оба боготворят и дышат друг другом, прав был в этом Дмитрий.

Эпилог

Верх одержал Олег.

Вот как в воду глядел, когда в ту, по-настоящему «их» первую ночь вместе и после близости, спросил: «говорите, готовы мне дочь подарить, Мария Ивановна?»...

— Точно, девочка, сто процентов гарантирую, — с усмешкой, не забыв вопрос губернатора, заверил их врач во время повторного УЗИ. Срок позволял уже это утверждать.

А по тому, как муж расплылся в широкой улыбке, Маша поняла, что он очень доволен. Явно хотел девочку. И она была счастлива — независимо от пола ребенка.

Сама беременность протекала хорошо, не особо тревожа Машу какими-то проблемами и токсикозом. И Олег решил воспользоваться таким удачным стечением обстоятельств: заручившись разрешением врачей, он увез ее в небольшое путешествие, чтобы окончательно развеять и избавить Машу даже от следов тоски. Впервые за все эти годы законный отпуск взял, как сам ей честно признался. И она поддержала эту идею, надеясь, что и он отвлечется, сможет быстрее здоровье после того взрыва окончательно восстановить.

— Ты все-таки утащил меня в Брюссель, — резюмировала Мария, наслаждаясь великолепным шоколадом в чашке и не менее захватывающим видом из окна отеля.

Ее всегда завораживала архитектура этих мощеных улиц, пропитанная историей. И настолько органично при этом сплетающаяся с самыми современными техническими решениями и достижениями.

— Я всегда реализую свои планы, — хохотнул в ответ Олег, а она не могла не признать, что никогда не видела его настолько расслабленным и спокойным. — Вот погоди, я тебя ещё и по Вене, и по Парижу протащу... — с шутливой угрозой предупредил он, «коварно» поведя бровями.

Он все ещё не выбрался из кровати, несмотря на довольно позднее утро, — отсыпался тоже за все те годы, что ни отдыха, ни покоя не знал. И так каждый день. Да и Маша не особо торопилась выбираться из постели, нежась в теплых объятиях мужа. А потом они ежедневно неспешно завтракали и отправлялись так же неторопливо гулять, больше времени проводя в кафе, ресторанчиках и всевозможных музеях-галереях, если честно, так как зимняя погода, пусть и мягкая, не располагала к долгому пребыванию на улице. Через день, как и грозился Олег, они в самом деле планировали переехать в Вену. А в Париже встретить католическое Рождество, насладившись всей красотой и праздничной фееричностью этого города в это время года.

Перед приездом в Брюссель они заезжали в Словению... чтобы поговорить с Настей и племянниками Маши. Это был совсем недолгий визит, и перед ним она созванивалась с

невесткой. В их общении не появились внезапно легкость и всепрощение, однако... Они сделали первый шаг на этом пути. Да и Настя нуждалась в какой-то поддержке, близких людях, на которых можно опереться в такой кошмарной ситуации. Ну а племянников Маша всегда любила, и они, казалось, не винили ее в случившемся. Так что на душе стало еще немного спокойней.

— Ты ещё и про Италию что-то упоминал, — с поддевкой протянула Маша, оставив чашку. В глубине души она надеялась, что сможет уговорить Олега немного продлить отпуск, видела, как ему самому необходима эта передышка. Да и хотелось с ним погулять по любимым местам, где сама ходила, все равно об Олеге думая, когда он ее туда с детьми из приюта отправлял.

— Не в этот раз, душа моя, — как и обычно, Олег моментально раскусывал ее задумки, но покачал головой с широкой улыбкой. И все-таки сел — разбудила его окончательно. — Давай туда уже летом выберемся, как раз после родов расслабишься и отдохнешь, — подмигнул ей.

И, встав, подошел к Маше, обняв ее со спины. Устроился подбородком на плече, перехватил руку Маши с чашкой и самым наглым образом выпил два последних глотка горячего шоколада.

— Эй! — не особо и сильно возмутилась Маша, рассмеявшись. — Я еще не напилась.

Но на самом деле не сопротивлялась. В конце концов, традицию надо соблюдать, а раз вино ей пока запрещено, обойдутся и шоколадом из одной чашки.

— Сейчас еще закажем, — отмахнулся Олег, целуя ее этими губами, сладко-горькими, с привкусом какао. — Или, лучше, пойдем куда-нибудь позавтракаем и там ещё возьмем? — предложил, продолжая ее целовать.

Оторвался от губ, прошелся жадными касаниями по щекам, будто не мог себя от нее оторвать. И она его так в этом понимала!

По правде сказать, после такого поцелуя, окруженная теплом его тела и рук, Маша уже никуда не хотела выходить... Но кивнула... на самом деле решив, что не будет мужа торопить и позволит событиям разворачиваться так, как они пойдут... Ну, и сама немного те простимулирует. Для чего и обернулась, коварно уронив на пол покрывало, в которое куталась...

Так что на завтрак они выбрались только спустя полтора часа.

Беременность у Маши на всем своем протяжении протекала легко. А вот роды всех напугали, случившись на две недели раньше ожидаемого срока. Хотя врачи потом и успокаивали Олега, заверяя, что это даже хорошо: доходи Маша эти дни — и не факт, что смогла бы самостоятельно родить, пришлось бы «кесарево» делать. Дочка, видно, в папу пошла и очень уверенно вес набирала все эти месяцы. Только ему от их заверений легче не становилось. Думал, мозгами тронется за эти бесконечные сутки, пока все не закончилось.

— Устала? — блин, голос дрожал до сих пор. И он очень надеялся, что Маша слишком утомлена, чтобы это слышать.

Однако жена глянула на него с такой смешливостью во взгляде, что и сомневаться не приходилось — надежды не оправдались. Все она уловила и поняла. А вот устала действительно дико, это уже он сек, несмотря на все ее попытки держаться.

— Есть немного... — Маша даже говорить толком не могла, тихо шептала.

Но, точно как и он, пыталась сделать вид, что вообще не измотана.

Олег сжал несколько раз руки в кулаки, стараясь снять напряжение, размял шею.

— Поспи, душа моя. Отдохни, — сев на край постели, попытался уговорить жену. — Я же здесь, проконтролирую ситуацию...

— Вечно ты все контролировать пытаешься, — еще шире, хоть и так же устало, улыбнулась Маша. — А мы вот такие — непредсказуемые и неподконтрольные вашим планам, губернатор... — она лукаво подмигнула и перевела взгляд на люльку, стоящую рядом с кроватью. — Дай мне ее, пожалуйста, — попросила, утомленно откинувшись на подушки.

Его вновь начало внутри телепать, хоть врачи и заверили, что с ней все прекрасно, а такая усталость нормальна после родов.

— Машенька, ну полежи ты спокойно, ради Бога! — попытался образумить жену.

— Пожалуйста, Олег, — подняла на него взгляд сквозь ресницы и...

И все. Он все ещё не мог ей ни в чем отказать. Как и обычно. Не тогда, когда Маша с таким выражением на него смотрит.

Резко и шумно вздохнув, больше чтоб продемонстрировать свое недовольство, Олег все-таки поднялся и подошел к люльке, где спала их дочка... Он еще не привык. Не насмотрелся, точно так, как когда-то на ее мать не мог насмотреться. Да и сейчас не может, если уж откровенно. Вот и эта малышка... Покорила его сердце окончательно и бесповоротно с первого взгляда, с первого своего пронзительного и недовольного крика, от которого Олегу уже тогда захотелось немедленно достать и дать дочери что угодно, лишь бы она всегда улыбалась. И с этой самой первой улыбки, когда малышку Маше на грудь положили, а жена посмотрела на него — и обе как-то одновременно улыбнулись... Так похоже...

Нет, не было у Олега шансов. Не против этих двух женщин.

Вот и сейчас, с такой осторожностью, словно от этого все зависит, он очень аккуратно поднял заворочавшуюся дочку. Еще неловко немного, давно забыв и утратив навыки, но твердо зная, что быстро освоится. Прижал к своей груди, наслаждаясь теплом и бесконечной мягкостью крохотных пальчиков, тут же ухватившихся за его ладонь. Против воли расплылся в улыбке, подозревая, что выглядит сейчас весьма глупо — а ему пополам вот. Да и Маша никогда над ним в этом вопросе острить не станет, это сто процентов. А больше и не видит никто: охрана в коридоре, и врачей пропустят только с предупреждением. Еще больше параноией своей поддался, ага, никому доверить свою семью не мог, только самому себе и паре человек, проверенных годами. И, повернувшись, вернулся к кровати, аккуратно передав дочь в протянутые руки Маши. Страхуя своими на всякий случай — все-таки не пушинка прям, три с половиной килограмма, а Машенька словно все силы ей отдала... Или это Олегу так казалось из-за тревоги за любимую.

— Олег, а попроси Диму... — начала было Маша, с такой же, как у него самого, гремучей смесью нежности, обожания и недоверчивого удивления вглядываясь в лицо малышки. Погладила самым кончиком пальца ее щечку. Дочка смешно сморщила носик, насупила свои темные бровки, но не проснулась.

— Столько волос... — немного пораженно вновь подивилась Маша, как и в первый раз, когда ей

дочь в руки дали. — А я думала, что детки все лысые рождаются...

— Наша — особенная, — уверенно заявил Олег, заставив плечи жены затрястись от слабого смеха.

Ну и пусть, ей полезны позитивные эмоции. А он в своих словах целиком уверен!

— Попроси Диму, пусть домой съездит, привезет...

— Лучше бы ты поела, душа моя, — перебил он ее. — Давай сыра? Хочешь? Сказали же врачи, что стоит. Или... — проворчал, и так поняв, о чем Маша попросить собирается.

О себе бы подумала хоть немного, ей-Богу!

— Хороший мой, — Маша вновь использовала этот свой взгляд, давно раскусив его слабости. Подло и нечестно. — Пожалуйста. И я сразу отдохну, обещаю! И поем...

— Я почти верю, — хмыкнул Олег, недовольно поджав губы.

И поднялся. Но вместо того, чтобы выйти из палаты и отдать распоряжение Диме, пошел в один из углов у двери, где стояла вешалка для уличной одежды. Расправил свой пиджак, который бросил там еще несколько часов назад. И, недолго проинспектировав свои карманы, вернулся к кровати жены с мотком красной шерстяной нити в руке.

Маша наблюдала за его действиями немного удивленно, но вместе с тем — с такой безграничной любовью во взгляде, что Олег даже не бурчал по поводу насмешливой улыбки.

— Смотрю, ты подготовился, — тихо заметила жена. — Спасибо, любимый, — просто поблагодарила, не комментируя ничего более.

Хотя явно поняла больше того, что Олег бы готов был признать открыто. Скривил гримасу, вроде как отмахнувшись. А Маша повернулась на бок, устроив дочку между собой и дополнительной подушкой.

— Поможешь мне завязать? Хоть один узелок? — вроде ненавязчиво, но так попросила, что не откажет ведь, не сумеет просто. — Против нашей совместной любви и желания обезопасить ее — ничего не выстоит, все поборем, — подмигнула жена, поцеловав его пальцы, когда Олег протянул руку, чтобы Маше волосы поправить, упавшие на глаза.

Рассмеялся. Наклонился и поцеловал ее в губы

— Разве я хоть раз сумел тебе отказать, душа моя? Да и когда это Горбатенко была защита лишней? — вздернул бровь, делая вид, что вообще никогда не подшучивал над ее суевериями, которые теперь и сам в чем-то разделять начал. По крайней мере, в том, что самых любимых и дорогих сердцу касалось. — Мы же вечно на рожон лезем и против всех...

— Вот и защитим сейчас... А потом я и на твой сыр согласна, — с нежностью улыбнулась Мария, начав отмерять нить по запястью дочери.

КОНЕЦ